

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Филина Александра Дмитриевна

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА САХЕЛЬСКО-САХАРСКИХ ГОСУДАРСТВ

5.2.5. Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель

Сильвестров Сергей Николаевич,
доктор экономических наук,
старший научный сотрудник

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-методические подходы к роли корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета развивающихся стран	19
1.1 Методология анализа влияния транснационализации на корпоративный сектор стран Сахельско-Сахарского региона	19
1.2 Институциональные аспекты развития национального корпоративного сектора в странах Сахельско-Сахарского региона.....	43
1.3 Влияние национального корпоративного сектора на формирование экономического суверенитета африканского континента	54
Глава 2 Динамика и направления развития национального корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств.....	82
2.1 Современное состояние корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств.....	82
2.2 Стратегическое позиционирование Сахельско-Сахарских государств в контексте региональной интеграции и глобальной транснационализации	105
2.3 Факторы обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств.....	123
Глава 3 Направления обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств за счёт корпоративного сектора.....	148
3.1 Механизмы стимулирования внешнеэкономической экспансии корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств	148
3.2 Роль концепции ESG в развитии корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона.....	169
3.3 Перспективы сотрудничества между Россией и странами Сахельско-Сахарского региона.....	183
Заключение	201
Список литературы	208

Приложение А Классификация исследуемых государств по уровню экономического развития	240
Приложение Б Природные ресурсы в Африке по странам.....	241
Приложение В Индекс эффективности логистики субрегиона.....	242
Приложение Г Исходные данные и экономические показатели для расчёта гравитационной модели.....	243

Введение

Актуальность темы исследования. Сахельско-Сахарский регион, исторически выполнявший функции транзитного торгового коридора между Тропической Африкой и Магрибом, в современных условиях представляет собой зону стратегических интересов для корпоративного сектора, характеризующуюся уникальным сочетанием системных рисков и нереализованного экономического потенциала. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных механизмов минимизации институциональных и операционных рисков национальных корпораций в условиях слабости государственных институтов, выраженной в отсутствии скоординированной стратегии управления трансграничными экономическими процессами и недостаточной защите прав собственности.

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость формирования более глубокой интеграции между заинтересованными государствами, выходящей за рамки стратегического и геополитического альянса. Несмотря на существующие межгосударственные противоречия, обусловленные конкурентной борьбой за монополизацию природных ресурсов и сфер влияния, ключевым фактором, ограничивающим выработку долгосрочных решений, становится доминирование коммерческих интересов транснациональных корпораций (далее – ТНК). Их операционная логика, ориентированная на максимизацию прибыли, часто вступает в противоречие с необходимостью формирования устойчивой архитектуры региональной безопасности и экономического суверенитета. Сахельско-Сахарский регион погружается в состояние хронической нестабильности, усугубляемой противоречивыми интересами внешних акторов, претендующих на доминирование в данном пространстве, что создаёт благоприятные условия для экспансии радикальных идеологий, которые получают распространение среди локальных сообществ. Для противодействия данным структурным угрозам экономическому суверенитету требуется не просто устранение

торговых барьеров, а стратегическая трансформация Сахельско-Сахарского региона из зоны риска и разобщённости в интегрированное пространство экономической кооперации.

Более того, в условиях нарастающей геоэкономической турбулентности особую актуальность приобретает вопрос экономического суверенитета, особенно для «хрупких государств» Сахельского региона, который остаётся одной из наименее стабильных зон в мире. Ключевую роль в этом процессе призван сыграть национальный корпоративный сектор, выступая в качестве основного бенефициара и драйвера такой консолидации. В этой связи формирование конкурентоспособного национального корпоративного сектора трансформируется из сугубо экономической задачи в вопрос национальной безопасности и представляет собой стратегический приоритет для государств Сахельско-Сахарского региона, поскольку именно он обеспечивает основу экономического суверенитета и снижает зависимость от внешних рыночных конъюнктур. В то же время национальный корпоративный сектор обладает значительным потенциалом для воздействия на ключевые факторы нестабильности, обеспечивая финансирование и стимулируя инклюзивное социально-экономическое развитие. Анализ роли национального корпоративного сектора в формировании экономического суверенитета позволяет выделить несколько приоритетных направлений:

1) Укрепление институционального взаимодействия: развитие партнёрства между государством, корпоративным сектором и локальными сообществами для снижения социальной напряжённости.

2) Стратегическое позиционирование в отношении ТНК: разработка дифференциированного подхода к взаимодействию с транснациональными корпорациями, сочетающего привлечение передовых технологий и компетенций с защитой национальных экономических интересов и обеспечением передачи знаний местным компаниям.

3) Диверсификация экономики: поддержка инвестиций в высокопродуктивные сектора, способствующие созданию добавленной стоимости и устойчивой занятости.

4) Технологическая модернизация: реализация промышленной политики, направленной на преодоление технологического отставания и развитие критически важных отраслей.

Устойчивое развитие Сахельско-Сахарского региона требует не только политической координации, но и глубокой экономической интеграции, в которой национальный корпоративный сектор выступает ключевым актором. Эффективное управление инвестиционными процессами, сочетающее рыночные механизмы с государственным регулированием, способно стать основой для преодоления структурных кризисов и формирования долгосрочного экономического суверенитета.

Степень разработанности темы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных учёных, посвящённые проблемам экономической безопасности и национального суверенитета. В трудах В.Г. Хороса, Д.Б. Малышевой [28], М.Д. Симоновой [2], А.С. Булатова [20] и Д.А. Кузнецова [15] проанализированы методологические и прикладные аспекты развития экономической безопасности государств.

Вопросы формирования национального суверенитета и его структурных компонентов нашли отражение в исследованиях С.И. Богатырева, В.Н. Анищенко [8], Р. Болдуина [9], О.В. Боброва [23], Л.М. Капицы, Н.В. Галищевой, Д.Б. Калашникова, А.Н. Захарова и А.С. Булатова [32].

Особое значение для настоящего исследования имеют работы С.В. Костелянца, А.А. Ткаченко, Т.Л. Дейч, Р.Н. Исмагиловой [13], И.В. Рачкова [21], Н.Н. Ливенцева [11], М.Д. Симоновой [26], А.В. Шамраева [16], Г.М. Костюниной [14], А.З.К. Эйфари [31] и А.Н. Цибулина [30], в которых рассматриваются последствия глобальных

изменений и потенциал развивающихся государств, включая страны Африки, в укреплении своих позиций на международных рынках.

Несмотря на существующий массив теоретических разработок и практических инициатив, направленных на развитие экономического суверенитета в Сахельско-Сахарском регионе, предлагаемые решения остаются фрагментарными и не приводят к устойчивым результатам. Отсутствие концептуально целостной и методологически обоснованной стратегии интеграции корпоративного сектора в процессы обеспечения экономической устойчивости свидетельствует о значительном пробеле в современных исследованиях.

Анализ научной литературы и политических программ показывает, что вопросы системного взаимодействия государства, бизнеса и институтов развития в контексте экономического суверенитета не получили комплексного освещения. Имеющиеся работы либо сосредоточены на узкоотраслевых аспектах (например, сырьевой экономике), либо рассматривают корпоративный сектор исключительно через призму иностранных инвестиций, игнорируя его потенциал в формировании эндогенных механизмов устойчивости. Данный разрыв в исследованиях обуславливает необходимость глубокого междисциплинарного анализа, сочетающего экономическую теорию, политологию и региональные исследования. Такой подход позволит сформировать научно обоснованные рекомендации, направленные на трансформацию корпоративного сектора в ключевой фактор экономического суверенитета.

Целью исследования является выявление и теоретическое обоснование механизмов трансформации корпоративного сектора в ключевой институт экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, включающее как теоретико-методологические основания, так и практические механизмы повышения вклада бизнес-структур в формирование устойчивой и независимой экономической системы.

Достижение поставленной исследовательской цели потребовало формулировки и последовательного решения ряда взаимосвязанных научных задач:

- 1) Обосновать теоретический подход к содержательному наполнению категории «экономический суверенитет» и обоснованию роли корпоративного сектора в качестве системообразующего элемента его развития и укрепления в условиях развивающихся экономик Сахельско-Сахарского региона.
- 2) Разработать концептуальные подходы к анализу трансформационной роли корпоративного сектора в формировании экономического суверенитета.
- 3) Провести комплексную оценку институциональных ограничений развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона и их влияния на формирование экономического суверенитета.
- 4) Выявить перспективы роста внешнеэкономического развития корпоративного сектора исследуемых государств с временным горизонтом 10 лет.
- 5) Определить стратегические направления для усиления конкурентных преимуществ корпоративного сектора на основе интеграции требований Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и ESG-принципов (англ. Environmental, Social, Governance).
- 6) Предложить модель взаимодействия для обеспечения стратегического партнёрства российских бизнес-акторов с корпоративными структурами Сахельско-Сахарского региона.

Объектом исследования выступает корпоративный сектор Сахельско-Сахарских государств как системообразующий элемент формирования экономического суверенитета.

Предметом исследования является система экономических отношений, определяющих роль корпоративного сектора в качестве фактора обеспечения экономического суверенитета.

Научная новизна работы заключается в развитии теоретико-методологических положений влияния национального корпоративного сектора на формирование экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, а также в обосновании **практических рекомендаций** и структурных взаимосвязей повышения роли национального корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств.

Положения, выносимые на защиту:

1) Обоснован теоретический подход к интерпретации «экономического суверенитета» как компромиссного института и национального корпоративного сектора как системообразующего элемента его развития и укрепления в условиях развивающихся экономик Сахельско-Сахарского региона. Установлено, что в условиях развивающихся экономик Сахельско-Сахарского региона экономический суверенитет представляет собой многоуровневую систему, где национальный корпоративный сектор выступает как стратегический субъект формирования суверенных экономических пространств, а также как медиатор между интересами государства и различных, как внутринациональных, так и внешних групп интересов. Содержательное наполнение категории «экономический суверенитет» в предложенной трактовке заключается в способности государства самостоятельно определять и проводить экономическую политику, контролировать ключевые отрасли хозяйства, минимизировать зависимость от внешних факторов и защищать национальные интересы в условиях глобализации (С. 34; 37; 43-43; 54-57).

2) Выявлено, что национальный корпоративный сектор играет ключевую роль в формировании экономического суверенитета, при этом наблюдается взаимозависимость между уровнем его развития и способностью государства обеспечивать устойчивое и независимое экономическое развитие. Установлено, что взаимодействие между национальными корпоративными структурами и государством создаёт синергетический эффект: стороны,

осознавая потенциальные выгоды от кооперации, демонстрируют повышенную готовность к сотрудничеству, что способствует оптимизации распределения ресурсов и повышению эффективности рыночных механизмов. Экономический суверенитет, в условиях развитого национального корпоративного сектора, проявляется в способности национальной экономики к автономному участию в глобальном обмене, где ценообразование осуществляется на рыночной основе, а сделки носят добровольный и взаимовыгодный характер (С. 19-20; 50; 65; 74-75).

3) Идентифицированы и классифицированы ключевые детерминанты, формирующих архитектуру институциональных ограничений экономического суверенитета исследуемых государств. Проведённый анализ выявил существенное негативное воздействие системных институциональных ограничений на формирование и развитие национального корпоративного сектора в странах Сахельско-Сахарского региона. Установлено, что политическая нестабильность, коррупция и слабость государственных институтов создают специфическую среду функционирования для национальных корпоративных структур, определяя их качественное отличие от аналогичных субъектов в странах со стабильной институциональной средой (С. 53; 65; 78-79; 126-129).

4) Разработана многоуровневая система инициатив внешнеэкономического развития национального корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств с временным горизонтом 10 лет, предусматривающая чёткое распределение функций и проектов между участниками внешнеэкономической деятельности. Установлено, что предложенный комплекс мер представляет собой системообразующий элемент формирования экономического суверенитета государств региона, обеспечивающий переход от донорской зависимости к модели устойчивого самостоятельного развития в системе глобальных экономических отношений. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что предложенная модель внешнеэкономического развития способна стать катализатором

качественной трансформации экономик Сахельско-Сахарского региона в долгосрочной перспективе (С. 160-164).

5) Разработана концепция повышения роли национального корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, основанная на синтезе ЦУР и принципов ESG. Установлено, что внедрение ESG-стандартов формирует внутренние конкурентные преимущества компаний, которые напрямую способствуют снижению внешней зависимости и укреплению устойчивости национальной экономики. Для стран исследуемого региона инициатива «Великая зелёная стена» стала практическим воплощением ESG-трансформации, поднимая её от корпоративной отчётности до уровня национальной стратегии выживания и роста [27] (С. 172-173; 177; 180-181).

6) Предложена модель стратегического партнёрства между Российской Федерацией и национальными корпоративными структурами Сахельско-Сахарского региона, направленная на укрепление экономического взаимодействия и обеспечение устойчивого развития. Реализация указанных мер позволит не только усилить экономический суверенитет Сахельско-Сахарских государств за счёт диверсификации производственных цепочек и повышения конкурентоспособности национальных предприятий, но и сформировать устойчивую платформу для долгосрочного стратегического партнёрства между Россией и странами Сахельско-Сахарского региона (С. 192-196).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в исследовании представлены положения и выводы, которые вносят существенный вклад в развитие экономической теории, в частности в области исследования экономического суверенитета и корпоративного управления в условиях развивающихся рынков. К элементам развития теории относятся:

- развитие теории корпоративного управления в условиях институциональной нестабильности;

- обоснование теоретического подхода к определению понятия «экономический суверенитет» применительно к условиям Сахельско-Сахарского региона;
- совершенствование методологии исследования экономического суверенитета.

Практическая значимость работы заключается в разработке комплексного инструментария для укрепления экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств через развитие национального корпоративного сектора, а также в обосновании авторских мероприятий по достижению ключевых целей:

- обоснована система мер по развитию корпоративного сектора как ключевого фактора обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, включающая механизмы государственно-частного партнерства и стимулирования инвестиционной активности;
- предложена концепция устойчивого развития корпоративных структур, основанная на балансе экономической эффективности и социально-экологической ответственности бизнеса;
- сформированы рекомендации по совершенствованию институциональной среды, направленные на повышение конкурентоспособности национальных компаний в условиях глобализации.

Исследование обладает существенной теоретико-прикладной значимостью, выражющейся в трансформации авторских научных положений в комплекс методологических разработок и методических рекомендаций, имеющих непосредственное практическое применение. Разработанный концептуальный аппарат позволяет существенно обогатить инструментарий формирования программ развития корпоративного сектора как ключевого фактора обеспечения экономического суверенитета государств Сахельско-Сахарского региона, создавая научную основу для совершенствования законодательной базы в сфере инвестиционной и инновационной деятельности, а также для выработки эффективных

механизмов реализации промышленной политики. Выбор десятилетнего горизонта планирования для предложенных инициатив внешнеэкономического развития национального корпоративного сектора государств исследуемых государств обусловлен тем, что данный временной промежуток соответствует минимально необходимому периоду для реализации структурных преобразований в экономике, позволяющему пройти полный цикл – от формирования институциональных основ и запуска проектов до достижения режима устойчивого функционирования новых экспортно-ориентированных кластеров.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается последовательной исследовательской позицией автора, выраженной в системном анализе проблемы, значительном личном вкладе на всех этапах научного поиска, а также многосторонней апробации выводов через публикационную активность и профессиональное обсуждение в академической среде. Синтез фундаментального теоретического осмысления проблемы и практико-ориентированных решений позволяет рассматривать данную работу как значимый вклад в развитие экономической науки и решение актуальных задач регионального развития.

Методология и методы исследования. Для обеспечения репрезентативности исследования при сохранении управляемого объёма анализа была использована стратифицированная выборка на основе пересечения двух ключевых объединений: Сообщества Сахельско-Сахарских государств (29 стран) и Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (далее – OHADA) [182]. Такой подход позволил выделить 12 сопоставимых стран (Республика Бенин (далее – Бенин), Буркина-Фасо, Центрально-Африканская Республика (далее – ЦАР), Республика Чад (далее – Чад), Союз Коморы (далее – Коморские острова), Гвинейская Республика (далее – Гвинея), Республика Гвинея-Бисау (далее – Гвинея-Бисау), Республика Кот-д'Ивуар (далее - Кот-д'Ивуар),

Республика Мали (далее – Мали), Республика Нигер (далее – Нигер), Республика Сенегал (далее – Сенегал), Тоголезская Республика (далее – Того).

Организация по гармонизации коммерческого права в Африке представляет собой важный институт региональной интеграции, объединяющий страны на основе единых принципов коммерческого законодательства. Участие отобранных государств в OHADA свидетельствует об их приверженности гармонизации правового поля в сфере корпоративного регулирования, что создает методологическую основу для сравнительного анализа. Это особенно значимо для исследования корпоративного сектора, так как обеспечивает сопоставимость правовых условий ведения бизнеса в рассматриваемых странах. Кроме того, принадлежность всех 12 стран к Сахельско-Сахарскому региону гарантирует общность их социально-экономических характеристик и вызовов развития.

Методологической основой исследования является системный подход к анализу социально-экономических проблем и диалектический метод познания взаимосвязанных процессов при анализе формирования экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств и развития корпоративного сектора. В работе использованы логико-гносеологический метод познания, а также своё отражение находят структурный и функциональный анализ.

Методический аппарат исследования включает восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, индукцию и дедукцию, научное абстрагирование и прогнозирование, а также диалектический метод.

Теоретическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных учёных, материалы научно-практических конференций, форумов, посвящённых проблемам экономического развития Сахельско-Сахарского региона и трансформации его корпоративного сектора.

Нормативно-институциональную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральные законы (№ 172-ФЗ; № 473-ФЗ; № 160-ФЗ), указы Президента (от 28 февраля 2024 г. № 137) и постановления Правительства Российской

Федерации (от 15 апреля 2014 г. № 328; от 30 сентября 2021 г. № 1659), регулирующие вопросы стратегического планирования, территорий опережающего развития, иностранных инвестиций, промышленной и экспортной политики [34; 35; 36; 37; 38; 39; 40]. Также национальные стандарты, регламентирующие ключевые аспекты исследования: ГОСТ Р 56020-2020 (бережливое производство), ГОСТ Р ИСО 9001-2015 (системы менеджмента качества), ГОСТ Р ИСО 14001-2016 (экологический менеджмент), ГОСТ Р ИСО 26000-2012 (социальная ответственность), ГОСТ Р 59709-2021 (зелёные технологии), а также Кодекс корпоративного управления Банка России [41; 42; 43; 44; 45; 46].

Информационную базу исследования сформировали материалы научно-исследовательских работ; материалы международных организаций; статистические данные Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития; материалы научно-исследовательских организаций; социально-экономическая информация из различных публикаций в прессе [59; 197]. Для обеспечения репрезентативности и учета региональной специфики были привлечены источники африканского происхождения, в частности, отчеты и статистические базы данных Африканского банка развития (англ. African Development Bank Group); аналитические обзоры Экономической комиссии ООН для Африки (далее – ЭКА, англ. United Nations Economic Commission for Africa) [188; 193].

Область исследования диссертации соответствует п. 13. «Стратегии участия региональных и корпоративных структур в международном экономическом взаимодействии (глобальный, региональный и национальный аспекты)», п. 20. «Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей» и п. 26. «Участие Российской Федерации в системе международных экономических связей. Внешнеэкономическая деятельность российских экономических субъектов. Внешнеэкономическая политика Российской

Федерации» Паспорта научной специальности 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов и выводов исследования обеспечивается корректным применением современных теоретических концепций в области экономического суверенитета и корпоративного управления, применением общепризнанных методов научного познания, используемых отечественными и зарубежными экономистами в релевантных исследовательских работах, анализом достоверных статистических данных международных организаций (Всемирный банк, МВФ, Африканский банк развития), непротиворечивостью полученных результатов с данными аналогичных исследований, достоверностью эмпирических и статистических данных и анализом зарубежных и отечественных публикаций по теме исследования.

Основные положения и результаты исследования опубликованы и апробированы в установленном порядке, доложены и получили одобрение на 10 международных и всероссийских научно-практических конференциях: на XIV Международной научно-практической конференции «Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью» (Москва, Финансовый университет, 21-23 октября 2022 г.); на VIII Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения»: «Мировая финансовая система: вызовы и перспективы» (Москва, Финансовый университет, 8 декабря 2022 г.); на II Всероссийской научно-практической конференции «Устойчивое развитие экономики России: проблемы и возможности в условиях новой реальности» (Москва, Финансовый университет, 19 декабря 2022 г.); на XIV Международном научном студенческом конгрессе «Экономика России: новые тренды развития» (Москва, Финансовый университет, 13 марта 2023 г.); на III Международной студенческой межвузовской научно-практической конференции «Стратегии развития экономики Мирового океана» (Москва, Финансовый университет,

31 марта 2023 г.); на VIII Международной научно-практической конференции «Современные вызовы и угрозы национальной безопасности» (г. Тверь, РАНХиГС, 5 декабря 2023 г.); на IX Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 20 декабря 2023 г.); на XIV Международной научно-практической конференции «Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика» (г. Курск, Финансовый университет, 24 октября 2024 г.); на X Ежегодной международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (Москва, РАНХиГС, 18 ноября 2024 г.); на X Международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 6 декабря 2024 г.).

Результаты настоящего исследования используются в прикладных научно-исследовательских работах ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» на тему «Стратегическое управление социально-экономическим развитием и обеспечение национальной безопасности в условиях глобальных рисков» (Государственное задание, приказ Финуниверситета от 13.12.2023 № 3057/о) в части основ баланса ресурсов на примере Государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», а также на тему «Развитие механизмов промышленной, технологической кооперации России с государствами-членами ЕАЭС для наращивания несырьевого неэнергетического экспорта в условиях санкций» (Государственное задание, приказ Финуниверситета от 13.12.2023 № 3058/о) в части анализа динамики несырьевого неэнергетического экспорта во взаимной внешней торговле государств-членов ЕАЭС и стран Африки.

Результаты диссертационной работы используются в практической работе департамента международных проектов и развития бизнеса ООО ОТК «ПРЕСТИЖ» и способствуют формированию конкурентных преимуществ компании на рынках Сахельско-Сахарского региона, в частности

используется разработанный в исследовании научно-методический подход к стратегическому позиционированию компаний в условиях формирующихся рынков Сахельско-Сахарского региона и комплексной оценке рисков ведения бизнеса в регионе. По материалам исследования внедрены разработанные методологические принципы корпоративного взаимодействия, позволяющие оптимизировать модели партнерств за счет интеграции международных корпоративных стандартов с локальными практиками хозяйствования. Особое значение имеет применение принципов корпоративного участия в обеспечении экономического суверенитета, которые позволили сформировать устойчивые альянсы с местными производителями и сократить трансакционные издержки на 15%.

Результаты диссертации используются Кафедрой мировой экономики и мировых финансов Факультета международных экономических отношений ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в преподавании учебной дисциплины «Международный опыт финансирования и регулирования деятельности корпораций» по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика».

Апробация и внедрение результатов диссертационной работы подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Результаты диссертационного исследования опубликованы в 7 работах общим объемом 4,63 п.л. (весь объем авторский) в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации определяется поставленной целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, состоящего из 209 наименований, и 4 приложений. Текст диссертации изложен на 254 страницах, включает 31 таблицу и 36 рисунков.

Глава 1

Теоретико-методические подходы к роли корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета развивающихся стран

1.1 Методология анализа влияния транснационализации на корпоративный сектор стран Сахельско-Сахарского региона

Корпоративный сектор представляет собой системообразующий элемент современной экономики, объединяющий хозяйствующие субъекты корпоративной формы организации, которые характеризуются объединением капиталов, четкой организационной структурой и отделением управления от владения. В глобальном масштабе данный сектор насчитывает свыше 60 тысяч транснациональных корпораций (далее – ТНК), контролирующих более 500 тысяч филиалов по всему миру и обеспечивающих около 80% мирового объёма международной торговли. Национальный корпоративный сектор, в свою очередь, составляет ядро экономики отдельного государства, включая компании, находящиеся под национальной юрисдикцией, контролируемые резидентами и ориентированные преимущественно на внутренний рынок [80].

Сходство между корпоративным сектором в целом и национальным корпоративным сектором проявляется в их общей институциональной природе – оба типа структур функционируют на основе корпоративного права, реализуют схожие принципы управления и несут социальную ответственность перед обществом. Ключевое различие заключается в масштабах деятельности и степени влияния на экономику государства: тогда как ТНК оперируют в глобальном пространстве, часто минимизируя свою связь с интересами конкретных государств, национальный корпоративный сектор обеспечивает устойчивость национальной экономики к внешним шокам, формируя её

производственно-технологический потенциал и создавая основу для проведения независимой экономической политики.

Институциональное значение национального корпоративного сектора заключается в его способности транслировать общественные интересы в экономическую плоскость, обеспечивая реализацию стратегических целей развития через механизмы корпоративного управления.

Национальные компании в отличие от ТНК, сохраняют устойчивую связь с национальными экономическими интересами, формируя базу налоговых поступлений, развивая внутренние производственные цепочки и создавая конкурентные преимущества страны в глобальной экономике.

Укрепление национального корпоративного сектора становится не просто экономической задачей, а стратегическим императивом обеспечения экономического суверенитета, особенно для развивающихся стран, сталкивающихся с доминированием международных корпораций в ключевых сферах экономики [119]. Классификация исследуемых стран по уровню экономического развития приведена в приложении А.

Форма собственности предпринимательских организаций может быть частной, государственной или смешанной. С экономической точки зрения наиболее важными чертами корпорации являются:

- физическое расположение организационных единиц в качестве инвестиций на разных территориях;
- возможность оказывать влияние на другие организационные единицы в силу права собственности;
- возможность совместного использования и перемещения внутри корпорации ее ресурсов.

В зависимости от типа связей между отдельными подразделениями корпорации можно выделить четыре модели структуры корпорации [25]:

- многонациональная модель – децентрализация ресурсов и решений, высокая самостоятельность дочерних компаний, контакты между

дочерними компаниями и штаб-квартиры и ограниченные контакты между дочерними компаниями;

- международная модель – контроль роста головной штаб-квартиры, деятельность зарубежных дочерних компаний дополняет или расширяет деятельность штаб-квартиры;
- глобальная модель – централизация стратегических ресурсов и решений, строгий контроль и координация взаимодополняющей деятельности в зарубежные дочерние компании;
- национальная модель – рассредоточение ресурсов, функций, операций и подразделений, их осуществляющих, в национальном масштабе с целью использования наиболее благоприятных производственных условий и лучшей адаптации к рынкам сбыта.

Внутренняя организация корпораций зависит главным образом от степени интернационализации их функций и их стратегии на рынке. Речь идёт, прежде всего, о том, в какой степени сбалансирована деятельность и источники доходов компании на внутренних и международных рынках [73].

Важно отметить, что какую бы форму ни принимали ТНК (финансовый конгломерат, банк, инвестиционный фонд, фармацевтическая компания, крупная сеть супермаркетов, горнодобывающая компания, крупная технологическая компания), в силу своего внушительного размера и экономического веса, имеют политическую и экономическую мощь, превосходящую потенциал многих стран мира, и влияют на международные организации и правительства суверенных государств.

Рост концентрации капитала, взаимное участие в капиталах и переплетение активов определяет стремление корпораций к олигополизации и монополизации транспортно–логистических цепочек и цепочек создания стоимости. На основе анализа тридцати миллионов компаний из информационной базы Orbis, созданной Bureau van Dijk Electronic Publishing – подразделения Moody's Analytics – группа специалистов Высшей технологической школы в Цюрихе раскрыли глобальную сеть

взаимозависимости и влияния корпораций [47]. Крупнейшими субъектами мировой экономики, которым принадлежат активы, позволяющие де-юре и де-факто оказывать влияние на принятие решений в миллионах компаний в мире, являются 1300 транснациональных корпораций и транснациональных банков (далее – ТНБ), контролирующие 60% мировой экономики. В основе группы из 295 транснациональных корпораций, связанных между собой перекрёстными пакетами акций, которая производила 19% глобального оперативного дохода, однако владела достаточными долями в других ТНК, что позволило им контролировать почти 40% от общего объёма операционных доходов 43060 транснациональных корпораций, охваченных исследованием. При этом 80% операционных доходов ТНК во всём мире контролировались только 737 из 43060 транснациональных корпораций. Небольшая взаимосвязанная группа в основном американских и Европейских (в основном британских) ТНК владеет непропорционально большой долей ТНК в целом. Свыше 75% из них составляют финансовые, страховые компании и банки. Таким образом, сеть владения ТНК во всем мире состоит из ядра и периферии. Отдельные ТНК могут входить в ядра отдельных финансовых, промышленных или торговых сетей¹⁾. При этом на 27569 ТНК, которые вообще не связаны с ядром, приходится всего лишь 6% от общего объема операционных доходов глобальных ТНК²⁾. В некоторых случаях это происходит потому, что они вообще не являются теми компаниями, которые выпускают акции. Другие, например, являются государственными компаниями или принадлежат отдельным собственникам или семьям.

В той или иной степени ведущие национальные корпорации различных стран также формируют периферию и прямо или косвенно включены в сферы

¹⁾ Compston, H. The Global Network of Corporate Control : Political Implications = Глобальная сеть корпоративного контроля: политические последствия / H. Compston // Political Studies Association (PSA). – 2013. – 25–27 March. – ISBN отсутствует.

²⁾ Glattfelder, J. B. Information–Consciousness–Reality : How a New Understanding of the Universe Can Help Answer Age-Old Questions of Existence = Информация–Сознание–Реальность: как новое понимание Вселенной помогает ответить на извечные вопросы существования / J. B. Glattfelder // Springer Open : сайт. – 2019. – ISBN 978-3-030-03631-7. – Текст : электронный. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-03633-1> (дата обращения: 11.11.2025).

влияния ядер корпоративных сетей. В сферу такого влияния и входят африканские корпорации. По данным компании McKinsey о крупных компаниях, ведущих бизнес в Африке, 400 компаний с выручкой в 1 миллиард долларов США и более, и почти 700 компаний с выручкой более 500 миллионов долларов США [173]. Эти компании все чаще становятся региональными или панафриканскими. Они росли быстрее, чем их аналоги в остальном мире в местной валюте, и они также более прибыльны, чем их глобальные аналоги в большинстве секторов. Около двух пятых из них являются публичными компаниями, а остальные – частными. Чуть более половины принадлежат частным акционерам из Африки, в то время как 27% – это иностранные транснациональные корпорации, а 17% – это государственные предприятия¹⁾.

Вместе с тем количество и масштаб развития компаний значительно уступают компаниям Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Объяснение этому кроется в сохранении зависимости от метрополий в новых неоколониальных формах, оформленных первоначально при поддержке новых африканских политических лидеров. Значительная часть стран инициировала и поддержала торгово-экономические отношения с Европейским Экономическим Союзом в 50-е годы. Стремление местных элит к политическому выживанию и ЕС к международному торговому партнёрству с бывшими колониями закрепили эти отношения (Яундская конвенция 1963–1975 гг., Ломейская конвенция 1975–2000 гг. и Соглашение Котону 2000–2023 гг. и Соглашение Самоа 2024 г. по настоящее время).

Примечание – Речь идёт о Соглашении о партнёрстве между Европейским союзом и странами Организации африканских, карибских и тихоокеанских государств (далее – ОАКТ). Оно было подписано в октябре 2023 года и проходит процесс ратификации 79 странами-участницами (из них 48 африканских государств). С января 2024 года соглашение применяется на временной основе. В апреле 2024 года Европейский парламент дал согласие на вступление соглашения в полную силу, а в октябре 2024 года его подписание ратифицировали две трети стран-участниц.

¹⁾ Leke, A. Africa's overlooked business revolution = Недооценённая бизнес-революция в Африке / A. Leke // The Africa Study Group: официальный сайт. – 2018. – December. – P. 6. – URL: <https://africastudygroup.ca/wp-content/uploads/2018/12/Africas-overlooked-business-revolution-web-final.pdf> (дата обращения: 05.11.2025). – Текст: электронный.

Глобальная экономика представляет собой тесно взаимосвязанную корпоративную сеть, которая сложно взаимодействует с наднациональными, межгосударственными и государственными институтами и влияет на повседневную жизнь миллиардов людей. В частности, сетевая структура может усилить финансовую нестабильность, усугубить неравенство в благосостоянии и доходах и препятствовать инвестициям в смягчение последствий изменения климата.

Примечание – При этом Восточноафриканское сообщество призвало парламенты африканских государств отказаться от ратификации соглашения. Было заявлено, что соглашение угрожает суверенитету африканских государств. Оно также, как и предшествующее Соглашение Котону, гарантирует Европейскому союзу принятие обязывающих решений по отношению к 48 африканским государствам, ограничивая тем самым их самоопределение и принятие суверенных решений. Соглашение содержит положения, которые вступают в противоречие с ценностями, культурными и религиозными традициями и рядом законов стран ОАКТ. Предусмотренные соглашением мониторинг соблюдения принятых государствами обязательств и применение санкций в случае их нарушения рассматриваются критиками как продолжение неоколониальной практики в новых формах.

В то же время глобальная сеть включает в себя несколько типов отношений или специализированных экономических сетей, таких как кредитование или поставка товаров и услуг, сеть собственников, что отражает отношения власти между экономическими субъектами.

Экономическая власть превратила ТНК в политических акторов, которые оказывают давление на правительства и государственные институты. Сложились механизмы «корпоративного захвата» государственной власти в странах периферии, включающих участие в разработке планов и стратегий развития развивающихся стран, финансирование избирательных кампаний ведущих политических партий, лоббирование. Они же предусматривают коррупционные схемы, способные генерировать нормативно-правовые акты, правила, нормы и различные преференции, создающих выгодные условия для их деятельности, а при возможности блокировать неблагоприятные государственные решения [116].

Указанные тенденции влияют на эффективность функционирования корпоративного сектора и его роль в развитии экономики развивающихся

стран. При этом остается фундаментальный вопрос о том, почему одни страны развиваются быстрее, другие – медленнее, а третьи остаются в стагнации.

Найти ответ на этот вопрос, опираясь на различные экономические теории, начиная с «классиков» (А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс) стремятся различные экономические школы и ведущие представители экономической теории.

Примечание – Среди экономистов, оказавших значительное влияние на разработку теоретических основ экономики развития, выделяют Д. Хикс, Г. Мюрдалль, А. Льюис, Р. Солоу, А. Сен, Д. Стиглиц, С. Амин, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон.

Теория развития получила серьезное развитие в связи с преодолением проблем послевоенного восстановления и кризисом колониальных империй на рубеже 40-х-50-х гг. прошлого века, а также с развитием плановой экономики в странах советской зоны влияния [19].

Главной целью исследований экономистов было выявление проблем углубляющейся отсталости постколониальных стран и разделения мировой экономики на страны бедного юга (Азия, Африка и Южная Америка) и богатого севера (Западная Европа, Северной Америки и Австралии) [154].

Различия между этими группами стран стали столь велики, что невозможно было объяснить причины этого явления на основе известных экономических механизмов политики. Ввиду чего и начался поиск как причин возникновения данного положения дел, так и путей решения глобальных проблем отсталости. При этом первоначально преобладало мнение, что наименее развитые страны следуют эволюционно по тому же пути, что преодолели развитые страны с той разницей, что они находятся только в начале его пути [18].

В 1950-х годах появилась концепция «заколдованных кругов бедности», предполагавшая, что причина отсталости заключается в наличии одного определяющего фактора. В качестве такого фактора Х. Лейбенстайн выделил быстрый демографический рост, Р. Нурксе – дефицит капитала (сбережений и инвестиций). В то же время П.Н. Розенштейн-Родан предложил теорию

«большого толчка», которая предполагала, что экономический рост в слаборазвитых странах может быть ускорен крупными инвестициями, что расширит внутренний рынок, а также доходы и сбережения, которые являются основой дальнейшего развития [22].

Теория развития изменялась и обогащалась новыми идеями под влиянием различных факторов. Можно выделить соответствующие циклы: в 1960-1970-х гг. – поиск путей развития постколониальных стран; на рубеже 1980-1990-х гг. распад социалистического содружества и углубление процессов глобализации; после системного кризиса 2007-2010 годов, когда начинается кризис сложившегося мирохозяйственного уклада.

В середине 1990-х годов проявилась несостоительность принципов неолиберализма в качестве условия устойчивого экономического развития. Политика структурной адаптации, навязываемая международными финансовыми институтами, привела к социальной деградации во многих странах-реципиентах. Сокращение государственных расходов в социальной сфере, приватизация, deregулирование и либерализация торговли, не только не стимулировала устойчивый рост, но и подрывала промышленный потенциал, усиливая сырьевую зависимость экономик с развивающимися рынками. Доминирование макроэкономической политики, нацеленной на обеспечение финансовой стабилизации, ознаменовалась стагфляцией экономики. Сдерживание темпов развития и структурной модернизации реального сектора сопровождалось сохранением в латентной форме рисков финансового кризиса. Меры политики финансовой стабилизации, не дополненные структурной и промышленной политикой, являются недостаточными для обеспечения долгосрочного развития, что и проявилось в череде кризисов в Латинской Америке и финансовом кризисе в странах Юго-Восточной Азии в период 1997-1998 годов. Они продемонстрировали системные риски, порождаемые стремительной либерализацией движения капитала при отсутствии сильных институтов [80].

Современная экономика развития характеризуется достаточно большим разнообразием концепций развития и выделить одно основное направление крайне сложно. Их общей чертой является распространение дискуссии о факторах влияния на социально-экономическое развитие и восприятие их роли в процессах развития.

Структуралисты, сосредоточенные вокруг Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЭКЛАК) [67], сторонники т.н. «школы зависимости» показали, что прогресс в экономическом развитии развивающихся стран далеко не прямолинейный и не повторяет траекторию развития «богатых» стран. С одной стороны, он зависит от взаимодействия с развитыми странами, а с другой, есть различие, которое проявляется в дуализме отсталых экономик. Он основан на природе обществ стран третьего мира. Технологический и цивилизационный прогресс в слаборазвитых странах протекает крайне неравномерно. Сфера и территории успешного и опережающего развития сочетаются с консервацией отсталых экономических секторов и сегрегированных зон бедности. Во многих развивающихся странах существуют по-разному: современный сектор и традиционный сектор, сектор капиталистический и сектор натурального хозяйства, сектор организованный и неорганизованный, формальный и неформальный [33].

Ряд структуралистов, таких как Р. Пребиш, У.А. Льюис и Д.В. Йоргенсон, придерживались эстатистского подхода, подчеркивая основополагающее значение государства в процессах развития [105]. Они исходили из того, что система мирового капиталистического хозяйства состоит из двух полюсов: центра и периферии. Центром являются развитые страны, где преобладает производство переработанных, инновационных продуктов, обычно защищенных патентами. Периферии – беднейшие страны, в которых большая доля сельскохозяйственного сектора и промышленности, производящих простые и трудоемкие продукты [123].

В конце 1980-х гг. в ответ на затяжной структурный кризис в странах Латинской Америки (прежде всего, в Мексике) возникла концепция реформирования экономической политики этих стран [60] на основе неолиберальных принципов «Вашингтонского консенсуса», сформулированных Джоном Уильямсоном [1; 74]. Рыночные силы и, прежде всего, мирового рынка, в противовес роли государства, рассматриваются в качестве движущих сил экономического роста и развития. При этом национальное государство рассматривается как источник неэффективного использования и распределения ресурсов развития.

Валютный и финансовый кризисы 1990-х и 2000-х годов обнажили слабость неолиберальных подходов к экономике развития развивающихся стран или обеспечению устойчивого развития в целом. Особенно четко критическая позиция выражена в работах Д. Стиглица и Д. Сакса [75]. В их работах не отрицается, что рыночная экономика должна быть движущей силой развития. Однако спектр условий, которые обуславливают положительные эффекты свободного рынка для социально-экономического развития значительно сложнее и шире и не ограничиваются только экономикой.

Опыт последних десятилетий показал, что воздействие предлагаемых экономических реформ зависит от обстоятельств и особенностей развития отдельных стран. Стратегии, которые эффективны в одних, могут иметь слабые, непредвиденные или негативные последствия в других [10]. Поэтому необходим такой подход к реформам, который согласуется с потребностями, возможностями и ресурсами конкретной страны. Такой подход радикально изменил дискуссию о путях и стратегиях развития развивающихся и наименее развитых стран [101]. Возникла необходимость расширить дискурс о развитии за пределы спора между либеральными и этическими теориями.

Международные исследования и сопоставления стран с различным уровнем развития показали, что проблемы социально-экономической отсталости могут быть связаны с уровнем развития, как государственных институтов и, институтов частнопредпринимательского сектора.

«Его качество определяет, в первую очередь, способность рыночного механизма генерировать богатство в больших масштабах» [49]. Более того, развитие частнопредпринимательского сектора, формирование корпоративного сектора, ориентированного на развитие национальной экономики, становится основой и источником формирования сбережений, накопления капитала и формирования среднего класса, осознающего свои интересы и, следовательно, интересы защиты своего суверенитета. Ведущий африканский экономист Самир Амин писал по данному поводу: «Это означает, что процесс капиталистического накопления в этих странах, ставших центрами мировой системы, всегда был и – я утверждаю, что есть и будет в обозримом будущем – одновременно и ориентированным вовнутрь, и открытым, во многих случаях даже агрессивно открытым (империалистическим). Это означает, что глобальная система обладает асимметричной структурой: центры ориентированы вовнутрь, самоцентрализованы и одновременно интегрированы в глобальную систему активным образом (они формируют глобальную структуру); в то время как периферия не ориентирована вовнутрь (не самоцентрализована) и интегрирована в глобальную систему пассивным образом (она приспосабливается к системе, не играя значительной роли в её формировании)»¹⁾.

Наиболее состоятельной в объяснении причин расхождения исторических путей развития различных стран представляется институциональная теория. Ещё Дуглас Норт в поисках истоков разделения стран на «богатых» и «бедных» доказал, что неоклассическая теория не в состоянии выявить и объяснить причины различий в развитии обществ и экономик. Причины кроются в институтах, организующих базовую структуру взаимоотношений и взаимодействия людей и их организаций в обществе. Подобная структура складывается не только в определенных экономических

¹⁾ Амин, С. Африка: жизнь на грани / С. Амин. – Текст : электронный. – URL: https://scepsis.net/library/id_486.html?ysclid=mkn17x954828808939 (дата обращения: 21.12.2025)

или технологических условиях эволюции, но и под влиянием социокультурных, идеологических, политических факторов¹⁾. Институты представляют формальные и неформальные ограничения, которые накладываются на различные формы жизнедеятельности правовыми режимами, традициями, обычаями и кодексами поведения. Институты задают правила игры и могут способствовать развитию или же тормозить. В странах, где наподобие стран Сахельского региона, долгое время преобладали кланово-семейные отношения, неформальные институты тормозили и тормозят развитие продвинутых форм организации экономической деятельности. Такой подход долгое время тормозил экономическую активность и диверсификацию экономической деятельности. Однако, как и в других развивающихся странах, внешние влияния, открытость экономик, помочь в развитии способствуют изменениям и прогрессу в организации, кооперации интеграции предпринимательских форм экономики, направленных на решение общих для этих стран проблем. Развитие национальных компаний требует более эффективных институтов, раздвигающих границы для их деятельности, снижающих затраты и обеспечивающих большую надёжность рынков и уверенность в защищённости собственности.

Институты могут как способствовать экономическому росту, повышать потенциал его факторов и эффективность их использования, так и растрачивать эти ресурсы и увеличивать издержки экономического роста [17].

Отсутствие устойчивых институтов (например, условий для заключения заслуживающих доверия контрактов) является одной из важных причин стагнации в слаборазвитых странах [79].

Вместе с тем, следует отметить двойственность «ранних» институтов, сформировавшихся в европейских колониях, которые свидетельствуют о взаимосвязи характера институтов, возникших и развившихся в историческом

¹⁾ Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : перевод с английского А.Н. Нестеренко. – Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – ISBN 5-88581-006-0.

процессе, с экономическим ростом. С одной стороны, там, где осуществлялась поселенческая колонизация (например, Австралия, США), формировались институты, гарантировавшие личную и коммерческую свободу колонистам, что позволяло интенсивно накапливать капитал. С другой стороны, в странах, где осуществлялась насильственная грабительская колонизация (например, Республика Конго), институты формировались таким образом, чтобы можно было максимизировать прибыль от экспорта товаров в метрополию [133].

Неоклассическая экономическая теория игнорирует влияние еще одного элемента – социальных связей – на развитие экономики, считая, что стабильность экономической системы может быть достигнута только за счет рыночного механизма [204]. Вместе с тем, как показывает институциональный анализ, каждый социально-экономический процесс требует развития соответствующей идеологической, политической, религиозной и культурной структуры. И рыночный механизм эффективно функционирует только тогда, когда существует целая сеть совместимых норм и культурных ценностей, способных его эффективно поддерживать, для этого требуется эффективный корпоративный сектор.

Стоит также отметить прогрессирующие процессы глобализации, в частности на ее негативные последствия., к которым можно отнести:

- диктат «прибыли» как руководящего принципа в ущерб общественному благу;
- подчинение государственных экономик наднациональным корпорациям и финансовым институтам;
- рост бедности, структурной безработицы и неравенства в распределении промышленных товаров;
- недееспособность национальных государств;
- унификация культуры;

Государства больше не являются доминирующими агентами развития, и это существенным образом изменяет институциональные условия развития и затрудняет становление и сохранение экономического суверенитета,

создающего условия для укрепления внутреннего частнопредпринимательского сектора и корпоративного сектора. При этом развивающиеся страны сталкиваются со многими проблемами, ограничивающими их развитие. Здесь можно отметить весь спектр проблем, ниже представлены лишь некоторые из них:

- бремя, проистекающее из колониального прошлого;
- зависимость от развитых стран;
- слабая и устаревшая промышленность;
- нехватка финансовых ресурсов и отсутствие инвестиций;
- нехватка собственной образованной элиты;
- внутренние конфликты и конфликты с соседями;
- коррупция;
- неэффективное медицинское обслуживание;
- разрушение окружающей природной среды;
- слабость государственных служб, призванных обеспечивать

безопасность граждан и так далее.

Глобализированный мир, при всех противоречиях и сложностях функционирования, с одной стороны, может способствовать оздоровлению развивающихся стран, а с другой – тормозить этот процесс [205]. Большое значение здесь имеет положение каждой страны и целых регионов. Цель каждой страны, независимо от ее текущего уровня развития, состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос, какую политику проводить, чтобы создать условия для устойчивого развития государства, как в экономической, так и в социальной сферах. Вопрос о возможности экономического и социального развития стран имеет решающее значение для их будущего, стабильности правительств, легитимности власти и обеспечения социального мира. Эта множественность проблем ставит перед развивающимися и наименее развитыми странами задачу обеспечения безопасности и экономического суверенитета в широком понимании [106].

Вместе с тем, при попытках формирования суверенной экономической политики следует учитывать и анализировать интересы иностранных инвесторов [80]. Иностранные компании приходят ради таких преимуществ, которые они нигде больше не могут приобрести. Среди них: более низкие зарплаты; ограниченные социальные и трудовые права; низкие или отсутствующие налоги и налоговые обязательства; лёгкий доступ и недорогие природные ресурсы, и энергия; разрешительные или несуществующие экологические, трудовые и финансовые правила; государства (особенно их судебные системы) слабы и уязвимы.

За каждым из этих преимуществ или «возможностей» могут скрываться проблемы и риски для перспектив развития уязвимых обществ. Более того, в самых крайних случаях отмечается интенсивная эксплуатация природных ресурсов с серьезными экологическими последствиями для местных сообществ; снижение экономической активности на региональном уровне, поскольку она функционирует в границах закрытого анклава; перераспределение прибыли в пользу компаний, а не государства [73].

При этом сложившееся и распространенное объяснение, что бедные государства не могли бы «эксплуатировать» свои природные ресурсы без помощи иностранных инвесторов, по мнению автора, не состоятельно. В приложении Б отражена карта природных ресурсов африканского континента. Тех же результатов можно достичь, соблюдая условия социальной и экологической устойчивости и укрепляя способность общества присваивать доходы, полученные от добычи полезных ископаемых [90].

Существует и другой аспект данного явления. Временно предоставленные, как правило, низкоквалифицированные рабочие места и зарплаты не меняют структурно условия жизни принимающего общества. В то же время высокая мобильность глобальных компаний позволяет им быстро перемещать свое производство на более выгодные территории, оставляя в наследство безработицу и деструктуризацию местного производства. Таким образом создаются условия для нестабильного развития местной экономики и

местного корпоративного сектора. ТНК ставят последний в зависимость от импорта технологий и продукции или от включения в принадлежащие им производственные и логистические цепочки, логика роста которых не подчиняется потребностям развития принимающей страны.

Следует добавить, что глобальные компании разрабатывают свои продукты и услуги, как правило, в технологических центрах преимущественно стран-бывших метрополий [108]. Им принадлежат патенты, которые сегодня составляют один из основных источников прибыли на основе извлечения технологической ренты и монополии на знания. Кроме того, ТНК стремятся сохранить контроль за распространением и использованием технологий. Таким образом закрепляется экономическая зависимость развивающихся стран и ограничивается технологический суверенитет.

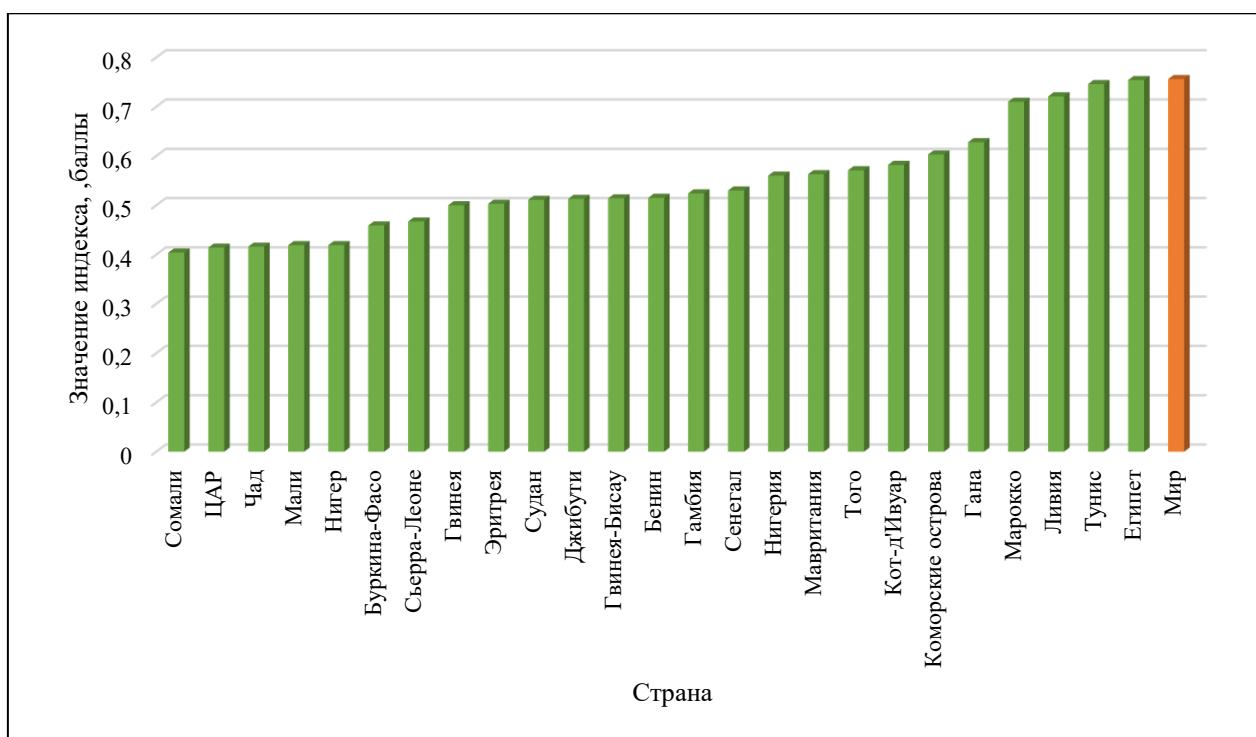
В дополнение, налоговые уступки инвесторам, уклонение от уплаты налогов, отток богатства не сдерживают возможности влияния государственного сектора, который становится зависимым от этих инвестиций и, следовательно, более уязвимым [112]. Институциональная среда, формируемая под влиянием ТНК и при поддержке стран их происхождения, приводит к системным дисбалансам, выражющимся в концентрации экономической власти, усилию неравенства и ограничению национального суверенитета. В условиях современной глобальной экономики суверенитет приобретает новое, не менее важное измерение — экономическое, которое становится не дополнением, а фундаментальной основой независимой государственности.

Экономический суверенитет выступает не прямым фактором роста благосостояния, а институциональным условием, обеспечивающим устойчивость экономического развития в долгосрочной перспективе — путем создания условий, сводящих к минимуму негативное влияние внешних факторов на функционирование данной экономики [114]. Таким образом, экономический суверенитет понимается как способность государства проводить независимую экономическую политику и обладать достаточной

степенью автономии для защиты национальных экономических интересов от дестабилизирующего внешнего воздействия.

Анализ представленных на рисунке 1 данных по Индексу человеческого развития (далее – ИЧР) за 2023 год для Сахельско-Сахарских государств позволяет сделать ряд важных выводов об их социально-экономическом положении.

Согласно методологии Программы развития ООН (далее – ПРООН, англ. United Nations Development Programme), классификация происходит следующим образом: очень высокий уровень (выше 0,8), высокий уровень (0,700-0,799), средний уровень (0,550-0,699) и низкий (менее 0,550) уровень человеческого развития.

Источник: составлено автором по материалам [54; 61].

Рисунок 1 – Индекс человеческого развития стран Сахельско-Сахарского региона (0 – 1), 2023 г.

Почти все страны в выборке демонстрируют значение индекса ниже 0,7, что говорит о превалирующем среднем уровне человеческого развития в регионе. Более того, ни одна страна в регионе не превышает мировой показатель (0,756). Наиболее благополучными в данной группе и с

значительным отрывом от мировых лидеров (Швейцария – 0,970; Норвегия – 0,970; Исландия – 0,972), являются Египет, Ливия, Марокко и Тунис – их показатели находятся в нижней границе категории высокого развития [161]. Большинство же стран, такие как Кот-д'Ивуар, Коморские острова, Того, Гана, Мавритания и Нигерия, располагаются в середине списка, что указывает на наличие серьезных системных проблем в сферах, определяющих ИЧР: здравоохранении, образовании и доходе населения [157; 165].

Особую тревогу вызывают государства, замыкающие рейтинг, – Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал, ЦАР, Чад, Гамбия, Джибути, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне и Эритрея. Их экстремально низкие показатели свидетельствуют о критической ситуации. Такие значения являются следствием комплексных проблем: хронической бедности, ограниченного доступа к качественному образованию и медицинским услугам, а в некоторых случаях – последствий политической нестабильности и конфликтов.

Диаграмма наглядно иллюстрирует глубокую дифференциацию внутри региона по уровню человеческого развития, при этом ни одна из стран не может быть отнесена к категории с высоким его уровнем [69]. Низкие значения ИЧР являются не только следствием экономических трудностей, но и ключевым препятствием для устойчивого развития и наращивания человеческого капитала, что создает порочный круг бедности и отставания. Данная ситуация подчеркивает острую необходимость для национальных правительств и международного сообщества сосредоточить усилия на инвестициях в здравоохранение, всеобщее образование и создание условий для роста доходов населения [95].

Сумма различных факторов, упомянутых выше, обычно приводит к экономической концентрации и богатству, которые переводятся за пределы принимающей страны, часто обманным путем и без уплаты соответствующих налогов. ТНК также производят деструктуризацию местного производства, которое одновременно постепенно становится потребителем импортных

технологий и продукции или зависит от международных цепочек добавленной стоимости, то есть логика роста которого не подчиняется потребностям развития принимающей страны [91]. В данных условиях возможности развития собственных технологий развивающимися странами крайне ограничены [29]. Данный аспект усиливает зависимость развивающихся стран от импортных технологий.

Налоговые уступки инвесторам, уклонение от уплаты налогов, отток богатства не расширяют возможности государственного сектора, который становится зависимым от этих инвестиций и, следовательно, более уязвимым [146].

Ключевой проблемой становится феномен «корпоративного захвата», когда ТНК через механизмы лоббирования, налоговой оптимизации и давления на национальные правительства формируют нормативную среду в своих интересах. Это приводит к парадоксальной ситуации: несмотря на декларируемые преимущества иностранных инвестиций (создание рабочих мест, технологический трансфер), конечным результатом часто становится деструктуризация местных экономик, отток капитала и усиление зависимости от глобальных цепочек создания стоимости.

Особую остроту приобретает противоречие между глобальным характером деятельности корпораций и национальной юрисдикцией регулирования. Практика «налоговой конкуренции» между государствами, вынужденными предоставлять льготные условия ТНК, приводит к эрозии фискального суверенитета и сокращению возможностей для финансирования социального развития. При этом технологическая асимметрия (концентрация патентов и НИОКР в странах «глобального Севера») закрепляет периферийное положение развивающихся экономик.

Рассмотренные аспекты трансформации глобальной экономической системы и эволюции концепции государственного суверенитета позволяют сделать принципиально важный вывод: в условиях нарастающих процессов глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций

традиционные представления о национальном суверенитете требуют кардинального переосмысления [93].

Особое значение приобретает развитие региональной экономической интеграции как инструмента повышения переговорной силы менее развитых стран в диалоге с транснациональным бизнесом.

Современные экономические реалии характеризуются парадоксальным сочетанием двух взаимосвязанных тенденций: с одной стороны, происходит неизбежное ограничение традиционных прерогатив национальных государств под влиянием глобальных экономических процессов, с другой – возникает острыя необходимость защиты стратегических интересов национальных экономик в условиях доминирования ТНК и метрополий [175].

Страны Сахельско-Сахарского региона обладают значительным и многоплановым потенциалом, реализация которого в рамках общеафриканского сотрудничества способна внести существенный вклад в устойчивое развитие и экономическую трансформацию континента.

Инфраструктурный каркас страны должен характеризоваться высоким уровнем развития: отложенная дорожная сеть, стабильное энергоснабжение и высокоскоростное интернет-покрытие формируют надежную основу, критически важную для ведения бизнеса и удаленной работы. Данная среда создает мощные конкурентные преимущества, привлекающие как высококвалифицированных международных специалистов, так и ведущие транснациональные корпорации (далее – ТНК) [117].

Для более тщательного анализа взаимодействия экономик исследуемых стран и иностранных ТНК автором использован упрощённый индекс транснационализации, применением которого обусловлено методологической целесообразностью и соответствует специфике изучаемого региона.

Индекс транснационализации для развивающихся стран является одновременно показателем зависимости от внешних условий и при уточнении происхождения ведущих потребителей их экспортной продукции может

свидетельствовать, с определенным допущением, о степени экономической зависимости от конкретных стран или регионов.

В условиях ограниченной статистической доступности детализированных данных на уровне отдельных корпораций для стран Сахельско-Сахарского региона, использование классических методик расчета индекса транснационализации представляется затруднительным. Более того, существующие международные рейтинги зачастую не учитывают отраслевую специфику развивающихся экономик, где присутствие транснациональных корпораций носит ярко выраженный точечный характер в сырьевом секторе [203]. Разработанный упрощённый индекс позволяет провести сравнительный анализ на основе качественных параметров, отражающих реальное влияние ТНК через систему весовых коэффициентов для стратегических секторов экономики.

Такой подход обеспечивает сопоставимость результатов при сохранении концептуальной целостности исследования, фокусируясь на ключевых каналах воздействия транснационального капитала на экономический суверенитет. Важно подчеркнуть, что упрощённый индекс транснационализации не заменяет комплексные методики, а служит эффективным инструментом для выявления структурных зависимостей в условиях недостатка статистической информации, обеспечивая при этом репрезентативность выводов для решения поставленных исследовательских задач.

Методика расчёта упрощённого индекса транснационализации заключается в суммировании показателей компонентов добывающего сектора, финансового и телекоммуникационного, а также сектора торговли и логистики, важно отметить, что каждый компонент оценивается от 0 до 1 на основе качественного анализа. Результаты расчётов представлены в таблице 1.

Критерий «Добывающий сектор» основан на принципе контроля над стратегическими ресурсами. Полное доминирование (1,0) присваивается при наличии двух и более глобальных ТНК, что создает структурную зависимость

экономики. Критерий «Финансы/Телекоммуникации» отражает степень иностранного контроля над критической инфраструктурой. Доминирование иностранных игроков (1,0) свидетельствует об утрате суверенитета в ключевых секторах услуг. Критерий «Торговля/Логистика» измеряет зависимость от международных цепочек создания стоимости. Критическая зависимость (0,9-1,0) характерна для стран, чей экспорт полностью контролируется иностранными логистическими и торговыми компаниями.

Критерии оценки компонентов (0-1 балл):

- 1) Добывающий сектор
 - 1,0 = Полное доминирование двух и более глобальных ТНК в ключевых отраслях;
 - 0,5-0,7 = Значительное присутствие 1-2 ТНК;
 - 0,0-0,3 = Минимальное присутствие ТНК.
- 2) Финансы/Телекоммуникации
 - 1,0 = Рынок контролируется иностранными игроками;
 - 0,7-0,8 = Доминирование иностранных компаний при наличии местных;
 - 0,3-0,5 = Смешанный рынок;
 - 0,0 = Доминирование государственных компаний.
- 3) Торговля/Логистика
 - 0,9-1,0 = Критическая зависимость от иностранной логистики и торговых сетей;
 - 0,5-0,6 = Значительное присутствие ТНК в логистике и торговле;
 - 0,2-0,4 = Ограниченнное присутствие;
 - 0,0 = Локальный контроль над ключевой инфраструктурой.

Согласно таблице, средний упрощённый индекс транснационализации по региону составляет 1,78, что свидетельствует о средне-высоком уровне транснационализации с выраженной сырьевой ориентацией.

Таблица 1 – Сводная таблица рассчитанных компонентов упрощенного индекса транснационализации исследуемых стран

Страна	Добывающий сектор	Финансы / Телекоммуникации	Торговля / Логистика	Итоговый упрощённый индекс транснационализации
Нигер	1,0	0,8	0,9	2,7
Чад	1,0	0,7	0,9	2,6
Гвинея	1,0	0,7	0,8	2,5
Нигерия	1,0	0,6	0,9	2,5
Ливия	1,0	0,5	0,9	2,4
Гана	0,9	0,7	0,7	2,3
Кот-д'Ивуар	0,7	1,0	0,6	2,3
Мали	1,0	0,6	0,5	2,1
Буркина-Фасо	1,0	0,5	0,5	2,0
Сенегал	0,6	1,0	0,6	2,2
Мавритания	0,9	0,5	0,6	2,0
Того	0,3	0,8	0,5	1,6
Бенин	0,3	0,8	0,6	1,7
Джибути	0,0	0,8	0,9	1,7
Судан	0,7	0,5	0,6	1,8
Сьерра-Леоне	0,8	0,6	0,5	1,9
Египет	0,6	0,5	0,5	1,6
Тунис	0,4	0,6	0,5	1,5
Марокко	0,5	0,5	0,5	1,5
ЦАР	0,5	0,3	0,2	1,0
Эритрея	0,3	0,2	0,3	0,8
Сомали	0,2	0,4	0,5	1,1
Коморские острова	0	0,5	0,4	0,9
Гвинея-Бисау	0	0,7	0,5	1,2
Гамбия	0	0,7	0,6	1,3

Источник: составлено автором.

Наибольшие риски экономического суверенитета наблюдаются в странах с индексом > 2.0 , где доминирование ТНК в добывающем секторе сочетается с контролем над финансовой и логистической инфраструктурой. Наивысший уровень транснационализации (2,5-3,0) принадлежит таким странам как Нигер, Чад, Гвинея и Нигерия; высокий уровень (2,0-2,4) – Кот-д'Ивуару, Ливии, Гане, Мавритании, Сенегалу, Мали и Буркина-Фасо; умеренный уровень (1,5-1,9) – Бенину, Того, Джибути, Судану, Сьерра-Леоне, Египту, Тунису и Марокко, а низкий уровень транснационализации (< 1.5) принадлежит Гвинеи-Бисау, Центрально-Африканской Республике, Эритрее, Сомали, Гамбии и Коморским островам.

Проведённый анализ демонстрирует наличие прямой корреляции между структурой экономики и уровнем зависимости стран Сахельско-Сахарского региона от транснациональных корпораций.

Страны с наиболее высоким индексом транснационализации характеризуются монопродуктовой сырьевой моделью, где ключевые экспортные отрасли – добыча урана, нефти и бокситов – контролируются узкой группой международных корпораций. Эта модель создает системные риски для экономического суверенитета, выражющиеся в уязвимости национальных бюджетов к колебаниям мировых цен, ограничении возможностей для диверсификации экономики и зависимости от решений, принимаемых в штаб-квартирах ТНК.

В то же время страны с умеренными показателями индекса демонстрируют несколько иную природу зависимости: хотя их экономики более диверсифицированы, стратегические секторы, такие как телекоммуникации и финансы, также контролируются иностранным капиталом [206]. Наименее транснационализированные экономики региона сталкиваются с противоположной, но равно значимой проблемой – их уязвимость проистекает из недостатка инвестиций и слабости национального корпоративного сектора, что также ограничивает их экономический суверенитет, но через механизмы маргинализации, а не внешнего контроля [131].

Таким образом, вне зависимости от уровня транснационализации, страны региона в различной степени сталкиваются с ограничением своего экономического суверенитета. Это подтверждает центральный тезис о том, что в современных условиях суверенитет определяется не только способностью государства защищать свои границы, но и возможностью выстраивать сбалансированные отношения с глобальным корпоративным капиталом, минимизируя риски сырьевой зависимости и создавая условия для развития конкурентоспособного национального бизнеса.

1.2 Институциональные аспекты развития национального корпоративного сектора в странах Сахельско-Сахарского региона

В этом контексте категория национального корпоративного суверенитета приобретает значение фундаментального щита экономического суверенитета государства в эпоху глобализации. Он представляет собой способность страны формировать, поддерживать и защищать конкурентоспособный национальный корпоративный сектор, который служит структурным противовесом влиянию транснационального капитала.

Его важность заключается не в изоляции от глобальной экономики, а в создании критической массы внутренних субъектов, способных обеспечить стратегическую автономию — от контроля над ключевыми активами и цепочками создания стоимости до развития собственных технологических компетенций.

Без такого суверенитета на корпоративном уровне экономическая независимость государства становится иллюзорной, а его развитие оказывается встроенным в глобальные цепочки на периферийных, зависимых условиях, когда основные экономические решения, прибыль и технологические траектории определяются внешними центрами принятия решений.

Укрепление национального корпоративного суверенитета является не протекционистской мерой, а стратегическим императивом, позволяющим вести диалог с ТНК с позиции силы, а не зависимости, и обеспечивающим долгосрочную устойчивость экономической системы.

Детальнее всего будут рассмотрены те страны, которые входят в «пересечение» двух объединений Сообщество Сахельско-Сахарских государств (далее – CEN-SAD) и стран, входящих в Организацию по гармонизации коммерческого права в Африке (далее – OHADA). Данная выборка обеспечивает репрезентативность данных при сохранении управляемости аналитического процесса [147; 182].

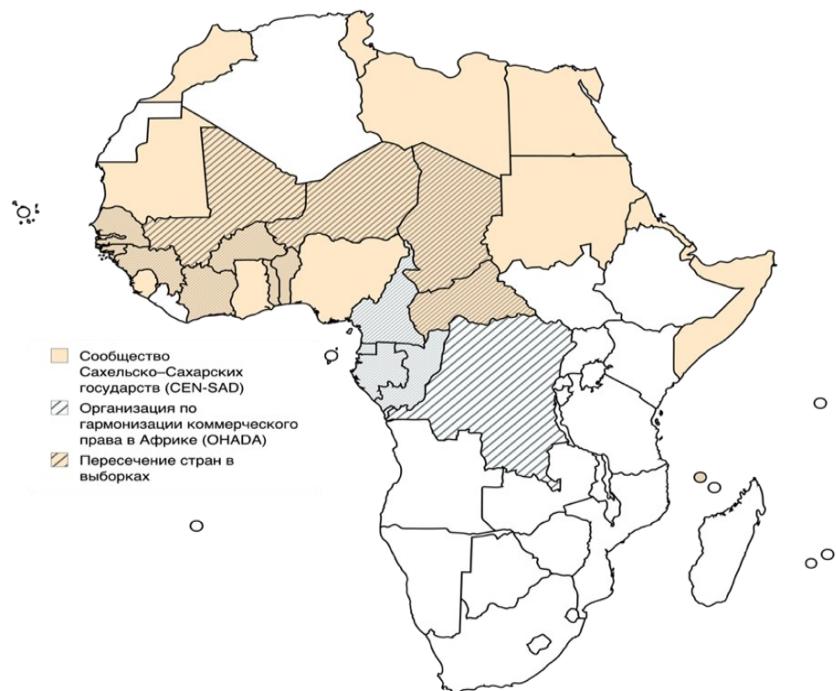
Необходимость исследования данного региона обусловлена, прежде всего, его институциональной спецификой. Принадлежность анализируемых стран к Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (17 государств) создает уникальную возможность для проведения сравнительного анализа на основе унифицированного правового поля, что обеспечивает необходимый уровень сопоставимости данных при сохранении национальных особенностей корпоративного регулирования. Одновременно членство этих государств в Сообществе Сахельско-Сахарских государств (25 государств) гарантирует общность базовых социально-экономических параметров, включая схожие модели ресурсной зависимости, сопоставимый уровень технологического развития и исторически сложившиеся системы экономических отношений с бывшими метрополиями [185]. Выборка стран, которые рассматриваются в исследовании отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Страны, рассматриваемые в диссертации

Сообщество Сахельско–Сахарских государств (CEN-SAD)	Организация по гармонизации коммерческого права в Африке (OHADA)	Пересечение стран в выборках
Бенин	Бенин	Бенин
Буркина-Фасо	Буркина-Фасо	Буркина-Фасо
Гамбия	Габон	Гвинея
Гана	Гвинея	Гвинея-Бисау
Гвинея	Гвинея-Бисау	Коморские острова
Гвинея-Бисау	Демократическая Республика Конго	Кот-д'Ивуар
Джибути	Камерун	Мали
Египет	Коморские острова	Нигер
Коморские острова	Кот-д'Ивуар	Сенегал
Кот-д'Ивуар	Мали	Того
Ливия	Нигер	ЦАР
Мавритания	Республика Конго	Чад
Мали	Сенегал	
Марокко	Того	
Нигер	ЦАР	
Нигерия	Чад	
Сенегал	Экваториальная Гвинея	
Сомали		
Судан		
Сьерра-Леоне		
Того		
Тунис		
ЦАР		
Чад		
Эритрея		

Источник: составлено автором по материалам [147; 182].

Современный этап развития мировой экономики, характеризующийся диалектическим единством процессов глобализации и регионализации, требует особого внимания к тем географическим ареалам, где данное взаимодействие проявляется наиболее рельефно и противоречиво. Сахельско-Сахарский регион, представляющий собой уникальный социально-экономический и geopolитический феномен, был избран в качестве основного приоритета настоящего исследования в силу совокупности взаимосвязанных факторов методологического, теоретического и практического характера [6]. Как было сказано ранее, настоящее исследование фокусируется на странах, образующих зону пересечения юрисдикций CEN-SAD и OHADA, что для лучшего понимания отражено на рисунке 2. Данная визуализация наглядно демонстрирует ядро выборки – группу стран, попадающих под действие как унифицированного коммерческого права OHADA, так и региональных интеграционных процессов в рамках CEN-SAD, что создает уникальную методологическую основу для сравнительного анализа.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – Схема формирования выборки исследования на основе институционального пересечения CEN-SAD и OHADA

Развитие корпоративного сектора в странах Африки к югу от Сахары представляет собой сложный процесс, находящийся под значительным влиянием исторически сложившихся институциональных условий. Анализ выборки из двенадцати государств, отраженный в таблице 3, позволяет выявить устойчивые паттерны, сформированные колониальным наследием, которые продолжают определять экономический и правовой ландшафт региона спустя десятилетия после обретения формальной независимости.

Для удобства отображения информации для такой формы правления как президентская республика (далее – ПР) и для такого статуса государственной религии как светское государство (далее – СГ) используются сокращения. Более того, в таблице также используются следующие обозначения для валют: западноафриканский франк (далее – XOF), гвинейский франк (далее – GNF), коморский франк (далее – KMF) и центральноафриканский франк (далее – XAF) [197].

Таблица 3 – Социально-политическая и институциональная характеристика исследуемых стран

Пересечение стран в выборках	Форма правления	Денежная единица	Официальный язык	Государственная религия / статус	Преобладающая религия (процент населения)	Основные этнические группы (процент населения)	Бывшая метрополия и дата независимости от метрополии
1	2	3	4	5	6	7	8
Бенин	ПР	XOF	французский	СГ	Христианство (52,2%), Ислам (24,6%), Вуду (17,9%)	Фон (38,4%), Аджа (15,1%)	Франция, 1 августа 1960 года
Буркина-Фасо	ПР	XOF	французский	СГ	Ислам (63,8%), Христианство (26,3%), Африканские традиционные верования (9%)	Мосси (52%), Фульбе (8,4%)	Франция, 5 августа 1960 года
Гвинея	ПР	GNF	французский	СГ	Ислам (~89%), Христианство (~6%), Африканские традиционные верования	Фульбе (33,4%), Мандинка (31,4%)	Франция, 2 октября 1958 года

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Гвинея-Бисау	ПР	XOF	португальский	СГ	Ислам (~46%), Африканские традиционные верования (~31%), Христианство (~19%)	Баланте (30%), Фульбе (20%)	Португалия, 24 сентября 1973 года
Коморские острова	ПР	KMF	коморский (родственный языку суахили), французский и арабский	ислам	Ислам (~98%)	Анталаотра (коморцы) (более 95%)	Франция, 6 июля 1975 года
Кот-д'Ивуар	ПР	XOF	французский	СГ	Ислам (42,9%), Христианство (33,9%), Африканские традиционные верования (3,6%)	Акан (42,1%), Гур (17,6%)	Франция, 7 августа 1960 года
Мали	ПР	XOF	французский	СГ	Ислам (~95%)	Бамана (33,3%), Фульбе (13,3%)	Франция, 22 сентября 1960 года
Нигер	ПР	XOF	французский	СГ	Ислам (~99%)	Хауса (53,1%), Зарма (21,2%)	Франция, 3 августа 1960 года
Сенегал	ПР	XOF	французский	СГ	Ислам (~97%)	Волоф (37,1%), Фульбе (26,2%)	Франция, 20 августа 1960 года
Того	ПР	XOF	французский	СГ	Христианство (43,7%), Африканские традиционные верования (35,6%), Ислам (14%)	Эве (21,6%), Кабре (12,9%)	Франция, 27 апреля 1960 года
ЦАР	ПР	XAF	французский и санго	СГ	Христианство (~89%), Ислам (~9%)	Бая (28,8%), Банда (22,9%)	Франция, 13 августа 1960 года
Чад	ПР	XAF	французский и арабский	СГ	Ислам (~55%), Христианство (~40%)	Сара (27,7%), Арабы (12,3%)	Франция, 11 августа 1960 года

Источник: составлено автором по материалам [182; 185].

Подавляющее большинство рассматриваемых государств (11 из 12) обрели суверенитет более шестидесяти лет назад, преимущественно в 1960 году, который вошел в историю как «Год Африки» [70]. Однако эта формальная независимость не привела к полному разрыву

институциональных связей с бывшими метрополиями. Доминирование Франции в качестве колониальной державы в данном субрегионе предопределило унификацию ключевых аспектов государственного устройства.

Ключевым объединяющим фактором выступает единая форма правления – президентская республика, доминирующая во всех странах выборки. Эта политико-административная унификация создает структурный каркас для разработки скоординированных и унифицированных механизмов развития корпоративного сектора в рамках всего субрегиона. Она позволяет вырабатывать сходные модели взаимодействия между государством и бизнесом, типизировать процедуры регистрации и регулирования компаний, а также формировать предсказуемые административные практики.

Важнейшим институциональным активом региона является лингвистическое единство. Французский язык выступает в качестве одного из официальных языков во всех странах выборки, включая даже Гвинею-Бисау, чьей метрополией была Португалия. Это создает уникальные предпосылки для гармонизации корпоративного законодательства, унификации документации, упрощения трансграничных операций и формирования общего правового поля для региональной экономической интеграции. Язык, будучи фундаментальным социальным институтом, значительно снижает транзакционные издержки ведения бизнеса в регионе и облегчает взаимодействие между корпоративными структурами разных стран.

Современные границы многих африканских стран были проведены европейскими державами на Берлинской конференции (1884-1885 гг.) без учета этнических, культурных и исторических реалий. Это привело к созданию нежизнеспособных государств, внутри которых оказались враждебные друг другу группы, что стало источником бесконечных внутренних конфликтов [107].

Наиболее ярким проявлением сохраняющейся институциональной зависимости является валютная политика. Десять из двенадцати государств

продолжают использовать в качестве законного платежного средства франк КФА (CFA), эмитируемый под опекой Французского Казначейства [109]. В то время как Гвинея и Коморские острова осуществляют эмиссию собственных национальных валют, зона франка КФА демонстрирует высокую степень монетарной интеграции. Данный институт обладает двойственной природой. С одной стороны, он выступает гарантом макроэкономической стабильности, обеспечивая низкую инфляцию и предсказуемость валютного курса благодаря привязке к евро, что создает благоприятный климат для иностранных инвестиций и деятельности крупных корпораций [192]. С другой стороны, эта система объективно ограничивает бюджетно-налоговый суверенитет национальных правительств, лишая их ключевого инструмента гибкого реагирования на экономические вызовы. Это создает институциональный парадокс: при формальном политическом суверенитете страны делегируют значимый элемент экономической безопасности внешнему центру, что формирует структурную зависимость и объективно усложняет стратегический уход от влияния бывших метрополий [145].

Институциональный анализ был бы неполным без учета глубокого влияния религиозного фактора, который формирует сложный пласт неформальных норм, напрямую воздействующих на корпоративную среду. Провозглашение светского характера государства в одиннадцати из двенадцати стран представляет собой попытку создания нейтрального правового поля для религиозно-разнородных обществ. Однако данные демонстрируют, что религиозная идентичность является мощным социальным институтом, определяющим этические ориентиры и практики ведения бизнеса.

В таких странах, как Мали, Нигер и Сенегал, доминирование ислама (охватывающего около 95-99% населения) означает, что многие нормы делового оборота, подходы к финансированию (с учетом запрета на ростовщичество) и корпоративной социальной ответственности неявно согласуются с принципами шариата [195]. В то же время, в Бенине, Того и ЦАР

значительное влияние христианства формирует свою собственную деловую культуру. Особого внимания заслуживает феномен устойчивого присутствия традиционных африканских верований. В Бенине 17,9% населения официально исповедуют вуду, а в Гвинее-Бисау, Того и Кот-д'Ивуаре их доля остается существенной. Эти верования часто формируют систему неформальных связей и доверия, основанную на общинности и локальных традициях, что может влиять на кадровую политику, распределение ресурсов и принятие стратегических решений в компаниях, создавая уникальный сплав формального права и местных социокультурных кодексов.

Таким образом, институциональная архитектура развития корпоративного сектора в рассматриваемых странах Африки характеризуется глубокой дуалистичностью. Она сочетает в себе формальные институты, унаследованные от колониальной эпохи и способствующие унификации, стабильности и региональной кооперации (унифицированная форма правления, французский язык, франк CFA), с комплексными и разнородными неформальными нормами, укорененными в местной социокультурной и религиозной среде. Перспективы дальнейшего роста национального корпоративного сектора зависят от способности национальных правительств и региональных объединений проводить взвешенную политику, направленную на использование преимуществ сложившейся институциональной унификации, при одновременной тонкой настройке регуляторных механизмов с учетом глубокого влияния религиозных и традиционных факторов, определяющих реальные практики ведения бизнеса в регионе [163].

В свою очередь, как уже говорилось ранее, финансовая система исследуемого региона характеризуется выраженной зависимостью от внешних валютных систем, особенно заметной в 14 странах зоны CFA франка (с французского языка – Colonies Françaises d'Afrique (Французские колонии Африки). Франк CFA – общая валюта государств «франковой зоны», созданной в конце 1930-х годов, накануне Второй мировой войны.

В таблице 4 представлены 14 африканских стран, которые используют CFA франк в двух разных форматах: XOF (Западная Африка) и XAF (Центральная Африка). Ключевой особенностью является наличие одинакового курса: 1 евро = 655,87 XOF/XAF (данные на апрель 2025 года), а также то, что Франция гарантирует конвертацию данной валюты, но требует хранения 50% резервов в ее казначействе.

Таблица 4 – Страны Африки, использующие франк КФА, с указанием валютных зон и кодов валют

Страна	Валютная зона	Коды валют
Бенин	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Буркина-Фасо	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Габон	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF
Гвинея-Биссау	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Камерун	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF
Конго	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF
Кот-д'Ивуар	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Мали	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Нигер	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Сенегал	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
Того	Франк (франк КФА ВСЕАО)	XOF
ЦАР	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF
Чад	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF
Экваториальная Гвинея	Франк (франк КФА ВЕАС)	XAF

Источник: составлено автором на основе данных [148; 170].

Особенностью африканского контекста является сложное переплетение формальных институтов с глубоко укорененными неформальными практиками и традиционными механизмами экономического регулирования. Этот институциональный дуализм создает дополнительные барьеры для развития национального корпоративного сектора и формирования устойчивой модели экономического роста [202]. Каждая из этих групп оказывает комплексное воздействие на национальный корпоративный сектор, формируя

уникальную бизнес-среду, которая существенно отличается от моделей, характерных для развитых экономик [165]. Особенностью африканского контекста является тесное переплетение формальных институтов с глубоко укорененными неформальными практиками и традиционными механизмами экономического регулирования. Более того, качество государственных институтов оказывает значительное влияние на способность страны:

- обеспечивать мирное сосуществование между различными социальными группами;
- максимизировать создание богатства;
- минимизировать коррупцию, стремление к привилегиям и другое оппортунистическое поведение;
- продвигать предпринимательство среди своих граждан.

Экономическая свобода является одним из важнейших аспектов качества национальных институтов [198]. В таблице 5 отражен уровень показателей доступа к электроснабжению в исследуемых странах, которые демонстрируют критически важный аспект инфраструктурного обеспечения экономического суверенитета стран Сахельско-Сахарского региона.

Таблица 5 – Уровень доступа к электроснабжению в странах Сахельско-Сахарского региона

В процентах от общей численности населения

Страна	Доступ к электроснабжению, процент населения
Бенин	56,2
Буркина-Фасо	19,5
Гвинея	47,7
Гвинея-Бисау	37,4
Коморские острова	89,9
Кот-д'Ивуар	70,4
Мали	53
Нигер	19,5
Сенегал	67,9
Того	57,2
ЦАР	15,7
Чад	11,7

Источник: составлено автором по материалам [47].

Проведённый анализ выявляет глубокую дифференциацию между государствами: тогда как Коморские острова, Кот-д'Ивуар и Сенегал достигают относительно высоких показателей (89,9%, 70,4% и 67,9%) соответственно, Чад (11,7%), ЦАР (15,7%), Буркина-Фасо и Нигер (по 19,5%) характеризуются катастрофически низким уровнем электрификации.

Эта диспропорция напрямую коррелирует с ранее выявленными показателями эффективности государственного управления и экономического роста. Страны с наиболее развитой энергетической инфраструктурой (Коморские острова, Кот-д'Ивуар, Сенегал) одновременно демонстрируют и более высокие значения индексов государственного управления, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи качества институтов и базовых условий для экономического развития.

Низкий уровень доступа к электроэнергии в Чаде, ЦАР, Буркина-Фасо и Нигере создаёт системное ограничение для развития национального корпоративного сектора, поскольку энергодефицит: препятствует созданию современных производственных мощностей; ограничивает диверсификацию экономики; снижает конкурентоспособность национальных компаний.

Таким образом, улучшение доступа к электроснабжению представляет собой не только техническую задачу, но и необходимое условие укрепления экономического суверенитета через развитие национального корпоративного сектора. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, сочетающего институциональные реформы, государственно-частное партнерство и международное сотрудничество, что соответствует основным направлениям, разработанным в диссертационном исследовании.

Все вышеизложенное подчеркивает роль национального корпоративного сектора на формирование экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, а также определена обратная зависимость: сотрудничество может значительно увеличить выгоды, которые они получают от определенных сделок, и поэтому с большей вероятностью будут сотрудничать с другими участниками рынка. Там, где существует

высокоразвитый корпоративный сектор экономический суверенитет позволяет свободно участвовать в обмене, когда рыночные цены используются для координации добровольных и взаимовыгодных сделок.

В странах, где экономический суверенитет существует и охраняется законом, распределение ресурсов в большей степени зависит от рынка, государство обеспечивает эффективную защиту людей и собственности, а участники рынка конкурентоспособны и пользуются институтами, облегчающими их функционирование.

Таким образом, экономический суверенитет Сахельско-Сахарских государств достигается через трансформацию национального корпоративного сектора даже в условиях неоколониальной зависимости, но только при системном подходе, сочетающем государственное регулирование, региональную коопérationю, стратегическое партнерство с новыми глобальными экономическими игроками и уход от монополий бывших метрополий.

1.3 Влияние национального корпоративного сектора на формирование экономического суверенитета африканского континента

Суверенитет является одним из тех понятий, которые подвергаются переопределению и переосмыслинию вместе с изменением исторической ситуации. Понятие суверенитета появилось в европейской политической мысли в XVI веке, а французский политический мыслитель Жан Боден (1530-1596 гг.) считается главным теоретиком суверенитета. По мнению Жана Бодена, состоит в том, что суверенный правитель издает обязательные для своих подданных законы без их согласия [102]. С общепризнанной правовой позиции осуществлениеластных функций государства предполагает: подчинение всех учреждений, организаций, всех лиц в пределах данной территории законодательной и исполнительной власти, распорядительной деятельности, предписания государства; полномочия

устанавливать в стране единый правопорядок; независимость в межгосударственных отношениях.

Фактический суверенитет, по терминологии Краснера, является внутренним суверенитетом, то есть способностью страны выбирать и проводить самостоятельную политику [71]. Эффективный суверенитет не означает отсутствие попыток других суверенных государств вмешиваться во внутренние дела данного государства, а означает наличие у данного государства достаточно сильных инструментов для эффективной минимизации вмешательства других суверенных государств.

Суверенитет – необходимое свойство всякого государства, основной правовой признак различия между государством и другими самоуправляющимися образованиями. Признание де-факто суверенности государства было и остается актом не только юридическим, но и политического предпочтения. Многие государства нередко не соблюдают принцип нерушимости территориальных границ.

Государство на протяжении всей новой истории до последнего времени оставалось наиболее эффективной во всех отношениях формой организации общества. На его уровне принимались всегда основные политico-экономические решения, затрагивающие производство, распределение и использование различных ресурсов; обеспечивалась общественная и государственная безопасность, определялись ориентиры и инструменты экономической политики, поддерживался баланс между экономическим и социальным развитием.

Упорядочение жизни на каком-либо пространстве подразумевало суверенное право государства организовать жизнь по самостоятельно выбранной или насилиственно навязанной модели и именно для этой цели существовала и действовала специализированная бюрократия.

Автономность законодательной и исполнительной власти обеспечивалась военно-политическим, экономическим и социокультурным государственным суверенитетом. Практическое поддержание социального

порядка всегда признавалось немыслимым без избранной модели развития и возможности эффективно защищать территорию от внутренних и внешних вызовов; без возможности учета процессов в экономике; без права накопления ресурсов в интересах поддержания развития и идентичности страны.

При таком понимании государственного суверенитета миропорядок и глобальное развитие выглядело результатом межгосударственного взаимодействия, при котором с помощью разных методов защищалась международно гарантированная определенность границ, отделявших и закрывавших территорию суверенной власти государства. От всех государств подразумевался консенсус в отношении к такой организации мирового порядка, при котором различные сообщества могли отстаивать свое суверенное право управлять в границах отведенного пространства.

При исследовании особенностей осуществления суверенных прав современными государствами следует принимать в расчет тот факт, что заложенные после подписания Вестфальского мира в середине семнадцатого века принципы формирования и обеспечения государственного суверенитета вырабатывались и применялись по отношению к ограниченному кругу стран и не учитывали многие последующие политico-экономические и социальные факторы мирового развития. Преимущественно страны европейского происхождения признали право национального государства на суверенитет. Вряд ли можно признать методологически верным и правомочным перенос почти четырехсотлетний опыт исторического опыта европейских государств и его прямолинейное переложение на условия существования постколониальных и слаборазвитых государств.

В действительности, немногие народы, стремящиеся к государственному суверенитету, имели и имеют достаточный потенциал для создания государства на таком основании. К числу последних можно отнести Сахельско-Сахарские государства, относящиеся к группе наименее развитых стран мира. Регион Сахеля подвержен экологическим рискам, находится в неблагоприятной природно-климатической зоне. Этническое, религиозное и

лингвистическое разнообразие каждого государства формируют широкий круг проблем для закрепления правовых и социально-политических условий для государственного суверенитета. Границы обитания различных этнических групп нередко охватывают территории нескольких государств, нарушая территориальный суверенитет и создавая повышенную конфликтогенность региона. Расширение экономического суверенитета длительное время сдерживалось вовлеченностью в сферу экономических интересов и взаимодействия с Францией, а также ограничивается влиянием транснациональных корпораций. Так, например, «валютный суверенитет» большинства стран Сахеля можно назвать «совместным» или «разделённым» суверенитетом.

Развитию государственной самостоятельности и идентичности отчасти способствуют глобальные и региональные институты развития, поддерживая проекты многостороннего партнерства в направлениях, способствующих преодолению основных проблем развития на основе использования богатого природного потенциала и наличия многочисленной молодежи трудоспособного возраста. Участившиеся в последние годы радикальные политические изменения во многих странах региона демонстрируют рост осознания местными элитами необходимости объединения усилий для реализации проектов, направленных на укрепление государственной самостоятельности и обеспечение стабильности для экономического развития и повышения уровня жизни населения.

Процесс построения собственной государственности одними народами нередко сопровождается ограничением сходных устремлений на стороне множества других народов более слабых, малочисленных или разобщенных в силу различных обстоятельств. Этому также способствует институциональная монополия развитых государств, подкрепленная олигополией ТНК. Она консервирует гегемонистские устремления в системе отношений стран ядра и периферии. Более того, за рядом стран с развивающимися рынками и группой наименее развитых стран закрепился подход как странам с

несостоявшимся (failed), «хрупкими», нестабильными (fragile) или затухающим (faded) государством. Этой теме посвящены многочисленные публикации, в том числе доклады ООН, в которых предпринята попытка унифицировать подход к выделению в такую группу стран, испытывающих трудности с обеспечением экономического роста, правопорядка и безопасности.

При этом особенности и исторические обстоятельства находятся на периферии внимания при объяснении причин неблагополучного состояния того или иного государства. Более того, нередко индексы выставляются согласно политической мотивации. На основе такого подхода составляется The Fragile States Index, в котором с индексом выше 50 баллов из 100 находится большая часть стран мира. Все государства Африки превышают индекс несостоятельности в 60 баллов [201].

Серьёзным вызовом для государственного суверенитета в сфере экономики стала глобализация, которая представляет собой необратимый процесс интернационализации всей общественной жизни, содержательно наполненный либерализацией самых разнообразных форм социального и экономического общения, а также их гармонизацией, а в ряде случаев унификацией. В этих условиях изменяются как сами экономические функции государства, так и методы их осуществления. Данные изменения ведут к трансформации суверенитета национальных государств [104].

Глобализация устанавливает прямую связь изменений в природе пространства и времени с модернизацией моделей социальной организации, к которым в традиционном понимании относятся, прежде всего, национальные государства.

Внутригосударственную политico-экономическую сбалансированность нарушает глобализация, поскольку возникает несоответствие реальных полномочий между традиционными государственными институтами принятия решений и новыми центрами, контролирующими необходимые для их реализации основные ресурсы и экономические процессы. Равновесие все

больше изменяется в пользу международного регулирования с делегированием нарастающего объема полномочий от государства наднациональным политическим и экономическим органам. Формирование новой структуры мирового общения перестает быть результатом только межгосударственных договоренностей, а сами межгосударственные отношения и институты уступают место новым сетевым субъектам глобальной системы международных отношений.

В целях международного согласования и регулирования социальных и экономических процессов, а в перспективе глобального регулирования созданы и действуют десятки различных глобальных и региональных формальных и неформальных межгосударственных и неправительственных организаций, Самостоятельное место в этих процессах занимают транснациональные корпорации и их альянсы.

Институты глобального регулирования вырабатывают правила, процедуры и методы взаимодействия основных участников международных экономических отношений. Их усилия направлены на изъятие части суверенных прав отдельных государств путем создания универсальных норм, мониторинга их соблюдения и мер обеспечения прозрачности поведения участников в следующих сферах: согласования макроэкономической политики; контроля за макроэкономическими показателями и уровнем конкурентоспособности стран, определяющих состояние основных мировых рынков; выработки стратегии и конкретных действий по отношению к третьим странам; валютных операций; торговле товарами и услугами; защите интеллектуальной собственности; миграции трудовых ресурсов.

Перечень не исчерпывает всех сфер, которые все активнее подвергаются воздействию международных норм экономического регулирования и контроля со стороны международных торгово-экономических, финансово-кредитных и валютно-финансовых органов и организаций. Он постоянно расширяется и детализируется. На этой почве возникли и координируют деятельность на рынках третьих стран транснациональные

корпорации, стремящиеся подчинить интересам универсализации мирового экономического пространства все перспективные сегменты экономики и экономическую политику различных государств.

Многим государствам не хватает ресурсов и свободы маневра, чтобы выдержать конкурентное давление. Экономика быстро выходит из-под политического контроля. Однажды приняв правила глобальной игры, практически подавляющее большинство стран не в состоянии противодействовать конкурентному или спекулятивному натиску международных рынков.

Единственная задача, которую, как ожидается, может выполнять государство – это обеспечение «сбалансированного бюджета» с учётом местных особенностей в целях более активного вмешательства государства в поддержку бизнеса и обеспечения защиты населения от отрицательных последствий дисфункциональности рынков.

Похоже, существует связь и взаимная обусловленность между усилением и защитой глобальной либерализации всех сторон экономической жизни и отрицанием «территориального принципа» организации государства. Более того, чтобы обеспечить свободу передвижения и неограниченную привилегию преследовать собственные цели, глобальные финансы, торговля и информационная индустрия прямо заинтересованы в закреплении фрагментации политической карты мира и сложившихся позиций стран ядра и периферии.

В современных условиях достигнутого уровня либерализации международных экономических отношений государство осуществляет суверенные права в сфере экономики и не только при условиях, определяемых не только его политической волей и целями. Суверенные права государства осуществляются при условии адаптации и имплементации рекомендаций и предписаний международных формальных и неформальных международных организаций и транснациональных коммерческих организаций.

При таких обстоятельствах суверенитет приобретает специфическую

форму. Его можно трактовать как «разделенный», «совместный» или в большей степени он попадает под определение «компромиссный». При отсутствии национального единства, общности государственно организованного и управляемого сообщества суверенитет формируется на основании осмысления и обсуждения конституции, институтов и норм, с одной стороны, между внутренними социокультурными и политико-экономическими образованиями на основе объединяющих интересов и общности чувства принадлежности, а с другой стороны, с решением проблем с наднациональными институтами.

В последнем случае следует исключить навязывание суверенитета извне в неприемлемой политической форме. Устойчивый государственный суверенитет как компромисс может быть достигнут при проведении различий между суверенитетом, как выражением внутренней потребности общества и имперским, гегемонистским и колониальным.

Фредерик Купер в своей работе «Модернизационный колониализм и пределы империи» акцентировал внимание на том, что в общем виде различия между этими формами вмешательства сильного государства или наднациональной организации в дела более слабого заключается в следующем: имперское означает вмешательство в дела другого государства, но не действительное управление им; гегемонистское означает установление правил игры, которым должны следовать другие: колониальное означает управление внутренними делами подчиненного политического образования. Безусловно, этим, конечно, не исчерпываются различные формы вмешательства в дела империи или гегемона в суверенные действия более слабых государств. Возможно разделение на разрозненные группы внутри государства, игра с интересами и так далее¹⁾.

Можно высказать гипотетическое предположение. Страны Сахельского региона, из которых часть, особенно, внутриконтинентальные страны, стоят перед проблемами выживания. Одним из оснований для согласования основ

¹⁾ Купер, Ф. Модернизационный колониализм и пределы империи = Modernising Colonialism and the Limits of Empire / Ф. Купер // Прогнозис. Журнал о будущем. – 2006. – № 4 (8). – С. 163. – ISBN отсутствует.

устойчивого суверенитета является защита, поддержка и выращивание компаний сектора МСП в общих приоритетных направлениях на основе многостороннего партнерства при поддержке и преференциальных условиях со стороны международных и региональных программ, организаций и объединений. Современное состояние национального корпоративного сектора в африканских странах формируется под влиянием комплекса институциональных факторов, создающих существенные барьеры для его устойчивого развития. В условиях глобализации экономики и усиления международной конкуренции институциональная среда выступает ключевым детерминантом, определяющим как потенциал роста национальных корпораций, так и их способность обеспечивать экономический суверенитет государств региона.

Ещё в 1950-х и 1960-х годах многие африканские страны считали, что независимость создаст перспективы для экономического роста и развития.

Во-первых, независимость означала конец колониализма и его деспотических, эксплуататорских и репрессивных институтов.

Во-вторых, с уходом европейских метрополий африканцы могли участвовать в процессе демократического (национального, коллективного и всеобщего) создания нормативно-правовой базы, которую могло бы обеспечить им правительство, отражающее их обычаи, реальность, убеждения, ценности, культуру, и стремления.

В-третьих, государственная политика могла бы, наконец, сместить акцент на максимальное достижение целей коренных африканцев.

В-четвертых, новое правительство, контролируемое африканцами, могло бы обеспечить соответствующую институциональную среду для эффективного управления экономикой.

В-пятых, ожидалось, что сменяющие друг друга независимые правительства справятся с исторической несправедливостью и предоставят всем отдельным лицам, группам и сообществам ресурсы, необходимые для полного и эффективного участия в экономическом росте и развитии.

Наконец, ожидалось, что новые власти изменят права собственности, особенно в области природных ресурсов, руководствуясь справедливостью в их предоставлении и устойчивостью в их эксплуатации [98].

Большинство африканских стран предпочитали этатизм, экономическую систему, основанную на контролируемом государством распределении ресурсов, при которой рынок ограничен и который дает государству широкие полномочия вмешиваться в обмен товарами и услугами, в возможность владеть производственными ресурсами и распоряжаться ими. В конечном итоге, государство доминировало в экономике большинства африканских стран [80].

В рамках активной роли государства также ожидалось, что оно будет использовать свою регулирующую власть для перераспределения доходов и богатства, чтобы исправить неравенство и несправедливость в распределении ресурсов. Сопутствующая политизация распределения ресурсов должна была оказать весьма негативное влияние на экономический рост и искоренение нищеты, а также на политическое развитие в африканских странах. Как показывает анализ, такой подход к развитию не оправдал ожиданий.

По известному предположению было достигнуто лишь одно — улучшение способности политиков и государственных чиновников использовать государственные структуры в качестве инструментов для собственного обогащения за счет общества. Более того, по всему континенту этатизм расширил возможности по эксплуатации сельскохозяйственных регионов, продолжая подрывать любые перспективы развития в этих уже эксплуатируемых и обедневших регионах [83].

Ещё одним важным вопросом, с которым пришлось столкнуться африканским странам — это выбор политического строя. Утверждая, что для эффективного управления этническим разнообразием требуется единая политическая система с сильным центральным правительством, многие выступали за однопартийную политическую систему, поскольку быстрый экономический рост, необходимый любой новой стране, может быть

достигнут только в рамках однопартийной политической системы. Ввиду чего, многие африканские страны приняли однопартийную политическую систему с сильным центральным правительством, и ожидалось, что эти партии будут представлять все слои общества.

Подобно этатизму, однопартийная политическая система не смогла улучшить способность эффективно управлять этническим разнообразием, бороться с бедностью и другими важными социальными проблемами. Наоборот, она задушила политическое развитие и позволила государственным властям извлекать выгоду и обогащаться нерегулируемыми или несанкционированными способами [76].

Результатом стал дальнейший рост бедности, деструктивная этническая мобилизация и неспособность экономик создать богатство, необходимое для удовлетворения потребностей и эффективного решения социальных проблем. В результате нищета по этническим мотивам и политическое насилие стали распространяться по всему континенту и угрожали подорвать все усилия по созданию развивающейся и устойчивой системы управления.

Однопартийная политическая система эффективно использовалась властями для подавления гражданского общества и полной монополизации всех аспектов управления. Кроме того, массовый государственный контроль над экономической деятельностью повысил способность государственных властей участвовать в кумовстве, коррупции и погоне за прибылью.

Развитие под руководством государства в Африке привело к значительному увеличению занятости в государственном секторе, создав очень неэффективную, раздутую бюрократию. Было создано большое количество государственных компаний (далее – ГК) для осуществления многих очень сложных и рискованных промышленных проектов, которые не приносили прибыли частному сектору [15].

Однако государственные корпорации понесли огромные убытки и смогли выжить только благодаря высоким финансовым вливаниям со стороны государства. В результате они внесли существенный вклад в сокращение

государственного бюджета. В результате уровень субсидий различным корпорациям государственного сектора во многих африканских странах был неустойчивым в долгосрочной перспективе.

Результатом чрезмерного государственного сектора стало полное игнорирование частного сектора. Африканские государства не только игнорировали частный сектор, когда искали способы поддержать неэффективные ГК, но и принимали политику, которая значительно увеличивала стоимость работы в частном секторе, вынуждая многие предприятия перейти в теневую экономику. В результате сокращение национальной налоговой базы привело к значительному сокращению государственных доходов, что вынудило многие из этих стран обращаться за официальной помощью в целях развития к Всемирному банку и другим международным организациям [58].

Практически все африканские государства избрали для своего развития стратегию импортозамещающей индустриализации, которая заключалась в закрытии экономики под защитой высоких тарифов, чтобы могла развиваться зарождающаяся и пока неконкурентоспособная в глобальном масштабе промышленность. В действительности эта стратегия привела к еще большей потере конкурентоспособности, так как закрытые экономики отрезали себя от поставок технологий, которых у них не было, а промышленность, развивавшаяся очень медленно, не могла конкурировать на мировых рынках ни по качеству, ни по цене [124]. Таким образом, эта стратегия оказалась очень неэффективной и скорее тормозила развитие.

Безусловно, это негативно сказалось на корпоративном секторе – государства формально пытались перенести стратегию с национального уровня на региональный, снять барьеры во внутренней торговле и защитить развивающуюся региональную торговлю высокими таможенными барьерами. Однако, поскольку таможенные доходы составляли значительную статью государственных бюджетов, несмотря на сравнительно небольшой объём

региональной торговли, государства не желали отказываться от этих доходов и препятствовали либерализации внутренней торговли.

Ряд авторов считает, что, по крайней мере в краткосрочной перспективе, создание таможенного союза между развивающимися странами ведёт к отклонению торговли, а не к ее созданию [96]. Более того, в Африке не соблюдена почти ни одна из предпосылок успешной интеграции, особенно по сравнению, например, с Европой – так, взаимодополняемость производства, высокий уровень региональной торговли, определенный уровень экономического развития, четкие цели и интересы акторов и их приверженность целям, сильные транснациональные акторы как движущие силы корпоративного сектора, наличие финансовых ресурсов, четкие механизмы разрешения споров, наличие региональной идентичности, потенциал для – экономическое сотрудничество, стремление к более глубокой интеграции, сотрудничество с гражданским обществом, готовность делегировать национальные полномочия на транснациональный уровень.

Под давлением экономических потрясений 1970-х гг., в основном связанных с двумя нефтяными шоками и ростом цен на нефть, с одной стороны, и падением цен на сельскохозяйственные товары на мировых рынках, с другой, африканские государства начали искать пути активизации регионального сотрудничества.

В 1979 г. на саммите Организации африканского единства (англ. Organization of African Unity, далее – ОАЕ) была принята Монровийская декларация с требованием нового экономического порядка для Африки в форме континентального экономического сообщества, которого можно достичь, только опираясь на собственные силы для экономического развития.

Для реализации декларации в 1980 г. африканские государства приняли Лагосский план действий по экономическому развитию (далее – ЛПД), который, однако, в полной мере отражал господствовавшую идеологию и подчеркивал необходимость достижения коллективной самодостаточности внутри Африки за счёт рыночной интеграции.

Африка была разделена на три региона, и каждый из них должен был пройти постепенное развитие от зоны свободной торговли через таможенный союз к экономическому союзу, которые должны были послужить базовыми строительными блоками для создания панафриканского экономического союза к 2000 году [139].

Однако на восьмом десятилетии интеграции и либерализации торговли она застопорилась и ее возрождение происходит лишь спустя десятилетия. Новый энтузиазм в отношении регионализма был вызван, среди прочего, боязнью маргинализации Африки рядом с триадой экономических центров (Европа, США, Восточная Азия), а также положительным примером интеграции в Европе и Америке (ЕС, НАФТА) и в то же время из страха перед последствиями этой интеграции для Африки [136]. Таким образом, в 1991 году представители африканских стран подписали так называемое Абуджийское соглашение (вступившее в силу после ратификации двумя третьими членов ОАЕ в мае 1994 года), которое должно было положить начало умирающему процессу региональной интеграции.

Целью соглашения была поддержка экономического и социального развития, мобилизация внутренних ресурсов, максимальное экономическое сотрудничество, а также координация и гармонизация политики в регионах. Их число увеличилось до пяти, и на базе этих пяти региональных группировок должно было быть создано так называемое Африканское экономическое сообщество (далее – АЭС). Сроки были значительно расширены и разбиты на шесть этапов: формирование региональных блоков во всех регионах, постепенная интеграция и гармонизация экономической политики внутри регионов, формирование зоны свободной торговли, таможенный союз в каждом регионе, создание панконтинентального таможенного союза (2019 г.), создание общего африканского рынка (2023 г.) и, наконец, создание экономического и валютного союза (2028 г.). Результатом АЭС должен был стать не только валютный союз и, следовательно, единая валюта («афро») и общий центральный банк, но также панафриканский парламент с

наднациональными полномочиями и панафриканский судебный трибунал [63]. Соглашение также, в отличие от предыдущей инициативы, призывает к более активному участию гражданского общества и частного сектора.

В 1990-х годах африканская интеграция наконец начала продвигаться вперед, хотя и медленно. В 1999 году (с июля 2002 года) АЭС превращается в Африканский союз (далее – АС) и принимает Новое партнерство в интересах развития Африки (далее – НЕПАД) в качестве программы экономического развития Африки, подтверждая план Африканского экономического сообщества.

Несмотря на перечисленные инициативы, развитие корпоративного сектора в странах Сахельско-Сахарского региона не произошло, более того, в последние десятилетия уровень экономического развития снизился. В рамках исследования роли национального корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета стран Сахельско-Сахарского региона принципиальное значение приобретает анализ институциональной среды, выступающей системным фактором развития национальных корпоративных структур. Качество государственных институтов непосредственно детерминирует инвестиционный климат, определяет возможности формирования производственных цепочек и влияет на конкурентоспособность национальных компаний [126]. Для верификации данной гипотезы и установления базовых параметров институционального развития региона представляется целесообразным обратиться к системе международных индикаторов, характеризующих ключевые аспекты государственного управления. В этой связи в таблице 6 представлены сводные данные по индексам эффективности государственного управления, качества регулирования, политической стабильности и уровня политических прав для исследуемой выборки стран.

Проведённый анализ индексов государственного управления выявляет существенную дифференциацию стран Сахельско-Сахарского региона по ключевым параметрам институционального развития.

Таблица 6 – Показатели эффективности государственного управления и институционального развития исследуемых стран Сахельско-Сахарского региона, 2023 г.

Страна	Индекс эффективности государственного управления (-2,5 низкая; 2,5 высокая)	Индекс качества регулирования (-2,5 низкое; 2,5 высокое)	Индекс политической стабильности (-2,5 низкая; 2,5 высокая)	Индекс уровня политических прав (7 – слабая защита прав; 1 – сильная защита прав)
Бенин	-0,22	-0,3	-0,35	5
Буркина-Фасо	-0,83	-0,49	-2,04	7
Гвинея	-0,91	-1,08	-0,88	6
Гвинея-Бисау	-1,43	-1,25	-0,33	5
Коморские острова	-1,54	-1,24	-0,23	5
Кот-д'Ивуар	-0,36	-0,12	-0,63	4
Мали	-1,14	-0,68	-2,73	6
Нигер	-0,64	-0,82	-1,67	4
Сенегал	0,07	-0,35	-0,14	3
Того	-0,58	-0,49	-0,95	5
ЦАР	-1,74	-1,47	-2,2	7
Чад	-1,48	-1,16	-1,56	7

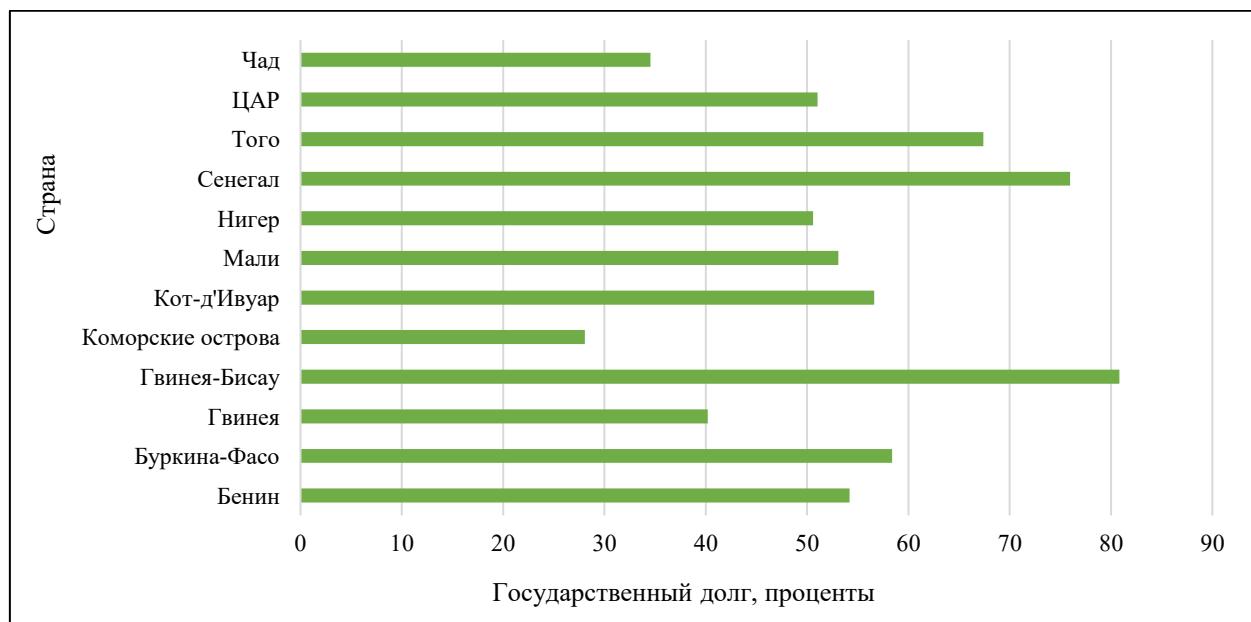
Источник: составлено автором по материалам [47].

Сенегал демонстрирует относительную институциональную устойчивость, являясь единственным государством с положительным значением индекса эффективности государственного управления (0,07), что свидетельствует о более развитой системе публичного администрирования. При этом страна сохраняет умеренные показатели политических прав (3 балла), занимая наилучшую позицию в регионе по данному параметру.

На противоположном полюсе располагаются ЦАР и Чад, демонстрирующие критически низкие значения по всем индексам. Особого внимания заслуживает значение индекса политической стабильности ЦАР (-2,2) и Чада (-1,56), что отражает глубокий институциональный кризис и хроническую нестабильность в данных государствах. Аналогичные тенденции наблюдаются в Буркина-Фасо и Мали, где экстремально низкие показатели политической стабильности (-2,04 и -2,73 соответственно) коррелируют с

максимальными значениями индекса политических прав (7 баллов), указывая на системные нарушения демократических процедур. Кот-д'Ивуар и Нигер занимают промежуточное положение, демонстрируя относительно лучшие показатели политических прав (4 балла) при сохранении отрицательных значений по остальным индексам. Гвинея, Гвинея-Бисау, Коморские острова и Того формируют группу стран с устойчиво негативными показателями по всем параметрам, что свидетельствует о системных проблемах в области государственного управления. Полученные данные позволяют констатировать наличие прямой корреляции между эффективностью государственного управления, качеством регулирования и политической стабильностью в регионе [160]. Низкие значения индексов объективно отражают структурные ограничения экономического суверенитета и подтверждают необходимость целенаправленных институциональных реформ как условия устойчивого развития стран Сахельско-Сахарского региона.

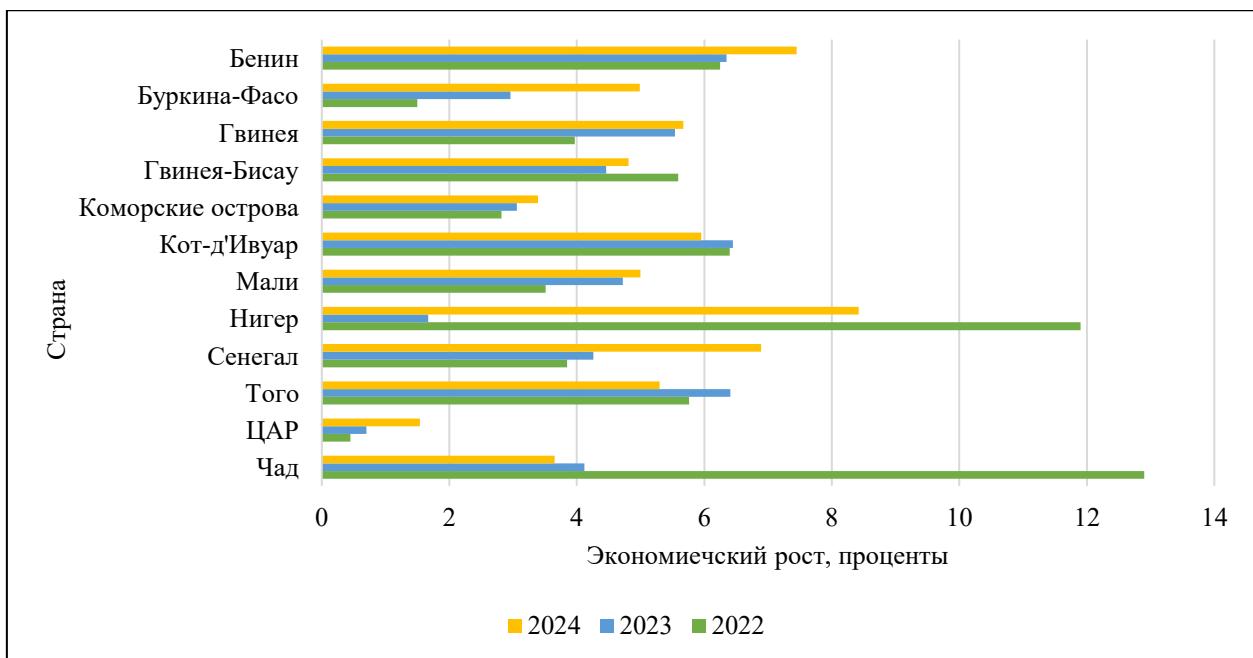
Представленная на рисунке 3 диаграмма содержит репрезентативную выборку стран, которая позволяет провести сравнительный анализ фискальной устойчивости и долговой нагрузки в рамках данной группы государств.

Источник: составлено автором по материалам [47].

Рисунок 3 – Государственный долг исследуемых стран в процентах от ВВП на 2022 год

Ключевым наблюдением является значительный разброс показателей государственного долга среди представленных стран, который свидетельствует о неоднородности долговой ситуации и фискальной политики в регионе. Страны с более низким уровнем долга, такие как, Бенин и Кот-д'Ивуар, демонстрируют более высокую эффективность в мобилизации внутренних доходов и управлении бюджетным дефицитом. В то же время государства с высокой долговой нагрузкой (например, Чад и Гвинея-Бисау) могут сталкиваться с структурными проблемами, включая узкую налоговую базу, зависимость от сырьевого экспорта и высокий уровень неформального сектора экономики. Уровень долга напрямую коррелирует с доступом стран к международным финансовым рынкам и программам помощи [169]. Страны с высоким показателем долга к внутреннему валовому продукту (далее – ВВП) могут активно привлекать внешние займы, в том числе на льготных условиях от международных финансовых институтов (Международный валютный фонд, Всемирный банк), либо столкнуться с необходимостью финансирования значительных бюджетных дефицитов в постпандемический период. Анализ данной диаграммы подтверждает тезис о критической важности управления государственным долгом для обеспечения экономического роста и стабильности в странах Сахельско-Сахарского региона. Представленная визуализация не только иллюстрирует текущее состояние фискальной сферы, но и задает вектор для дальнейшего, более глубокого анализа причинно-следственных связей уязвимости национального корпоративного сектора. Выявленная через систему индексов государственного управления институциональная дифференциация стран Сахельско-Сахарского региона находит свое непосредственное отражение в динамике их экономического развития. Низкие показатели эффективности государственного управления и политической стабильности, характерные для большинства государств региона, создают существенные ограничения для экономического роста, что подтверждается сопоставительным анализом динамики реального ВВП за 2022-2024 годы, который отражен на рисунке 4.

Источник: составлено автором по материалам [47].

Рисунок 4 – Экономический рост на основе изменения реального ВВП исследуемых стран в период с 2022 года по 2024 год

Анализ представленных данных позволяет выявить существенную дифференциацию траекторий экономического развития стран Сахельско-Сахарского региона в 2022-2024 гг. Наиболее значительный рост продемонстрировали Нигер (свыше 11% в 2022-2023 гг.) и Сенегал (устойчивый рост до 10%), что свидетельствует об эффективной адаптации этих экономик к постпандемическим вызовам и глобальной турбулентности [121].

Особого внимания заслуживает положительная динамика Чада, где темпы прироста реального ВВП увеличились с примерно 3% до 5% в 2023-2024 гг., вероятно, обусловленные ростом добычи нефти и улучшением условий торговли. Стабильно высокие показатели Кот-д'Ивуара (около 7%) подтверждают эффективность проводимой правительством политики диверсификации экономики [190].

В противоположность этому, Мали и ЦАР демонстрируют волатильную динамику с заметным замедлением темпов роста в 2024 году, что может быть связано с эскалацией внутренних конфликтов и ухудшением институциональных условий. Наиболее проблемную картину представляет

Гвинея-Бисау, где на протяжении всего анализируемого периода сохраняются близкие к нулевым значения экономического роста, отражающие структурные ограничения развития. Полученные данные коррелируют с ранее выявленными показателями эффективности государственного управления: страны с более высокими значениями институциональных индексов (Сенегал, Кот-д'Ивуар) демонстрируют и лучшие экономические результаты. Это подтверждает гипотезу о критической роли качества институтов в обеспечении устойчивого экономического роста в условиях Сахельско-Сахарского региона. В последние годы ученые снова обратились к исследованиям, анализирующим, почему африканский континент не развивается. Большинство данных исследований объясняли отсутствие прогресса военным вмешательством в государственную политику; политическое насилие, включая деструктивную мобилизацию национальных и этнических групп для более активного участия в политике и экономике; зависимость от промышленно развитых стран с рыночной экономикой Запада в плане торговли, субсидий на развитие, продовольствия, военной помощи и кредитов; коррупция, погоня за привилегиями и другие формы оппортунизма; чрезмерная рождаемость; стихийные бедствия; и чрезмерная эксплуатация природных ресурсов континента.

В современных открытых экономиках внешние явления могут влиять на внутренние экономические процессы больше, чем когда-либо прежде. Суть экономического суверенитета заключается в ответственности государства по противодействию переноса негативных последствий внешнеэкономических процессов на экономику страны. Примеры таких потенциально разрушительных внешних событий включают:

- нестабильность обменных курсов и сопутствующие (часто их вызывающие) спекулятивные атаки на данную валюту;
- ухудшение условий торговли в торговле товарами, произведенными в данной стране;

- усиление протекционизма в других странах, что ухудшает доступ продукции данной страны на рынки стран, повышающих степень протекционизма;
- накопление внешних долгов частных предприятий, что может грозить волной банкротств и экономическим спадом [189].

Стоит отметить, что реализация государством ответственности за охрану внутриэкономических условий (это основа понимания предлагаемой концепции экономического суверенитета) может означать совершение действий, которые в определенном смысле означают сокращение международно-правового суверенитета [82].

Национальные корпорации имеют возможность моделировать стратегию роста в рамках суверенных государств – они могут стимулировать инвестиции в конкретные сектора и стимулировать процессы роста, основанные на развитии технологий, которые не осуществляются частным сектором. Процесс создания общественной ценности так же важен, как и конечный результат, который в идеале должен быть продуктом динамичного диалога с гражданским обществом посредством новых форм сотрудничества между организациями государственного сектора, корпоративным сектором и организациями на местном, региональном и национальном уровнях.

В то же время «правильный» корпоративный сектор, направленный на содействие всестороннему и гармоничному развитию природных, человеческих и финансовых ресурсов, которыми располагает страна, с целью обеспечения благосостояния всего населения, способен обеспечить экономический суверенитет. Благотворные отношения между наукой, технологиями, государством и частными компаниями ведут к развитию, и, следовательно, к более сильному экономическому суверенитету государства.

Рост национального корпоративного сектора, является двигателем автономного экономического роста, создания и развития рабочих мест, а также увеличения национального дохода. Развивающиеся и наименее развитые страны сталкиваются с многочисленными проблемами, которые

препятствуют их экономическому росту. Внешние условия, находящиеся вне контроля частных компаний (промышленная и инвестиционная политика и бизнес-среда), нуждаются в улучшении. В то же время необходимо осваивать и развивать базовые знания, технологии, опыт и человеческие ресурсы, которые являются основой роста корпоративного сектора.

Современные вызовы экономической глобализации, трансформация суверенитета и усиление роли транснациональных корпораций формируют сложную систему взаимозависимостей, требующую переосмысления традиционных подходов к управлению национальными экономиками. Как показал анализ, экономический суверенитет в условиях глобализации уже не сводится к классическому пониманию независимости государства, а предполагает способность эффективно адаптироваться к внешним вызовам, сохраняя при этом контроль над ключевыми направлениями развития. В этом контексте корпоративный сектор становится не просто участником экономических процессов, а стратегическим элементом обеспечения национальной конкурентоспособности [89].

При этом ключевым условием остается сбалансированность между интеграцией в глобальную экономику и защитой внутренних рынков. Как показывает опыт, чрезмерная зависимость от иностранных корпораций (особенно в сырьевых отраслях) ведет к уязвимости экономик, тогда как развитие национального корпоративного сектора (включая малые и средние предприятия) способно усилить адаптационный потенциал государства [97].

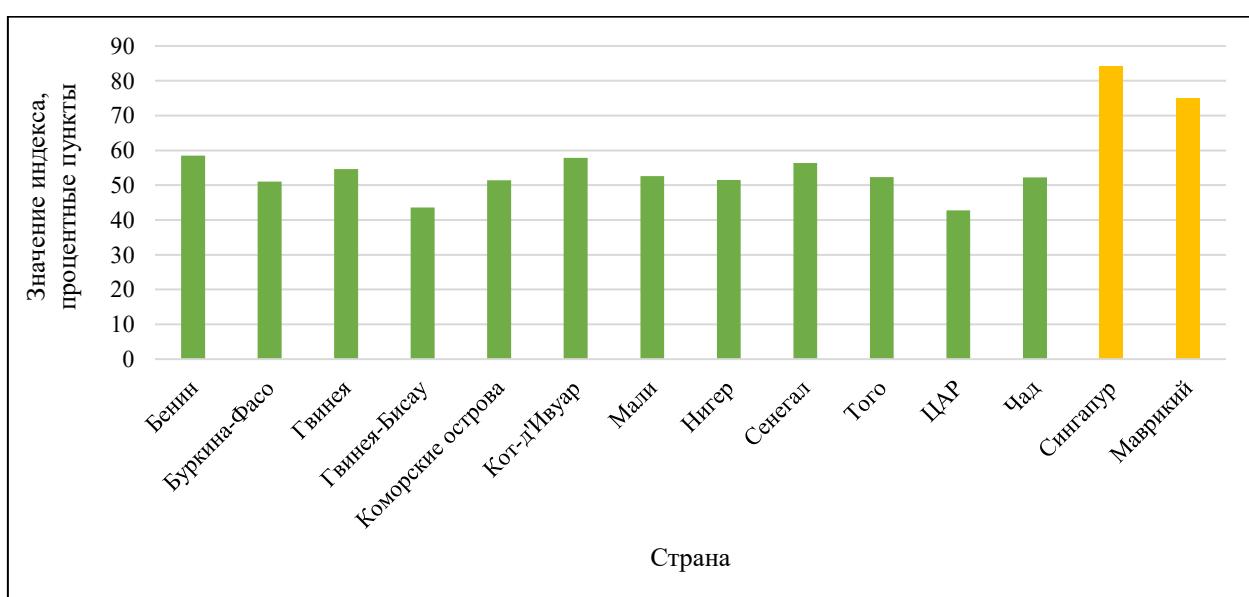
Таким образом, теоретическая взаимосвязь между развитыми национальными институтами, экономической свободой и суверенитетом получает свое практическое измерение в Индексе экономической свободы. Данный индекс выступает эмпирическим отражением способности национального корпоративного сектора к свободному обмену и созданию богатства. Его количественные показатели по компонентам — от защиты прав собственности до размеров регуляторного бремени — напрямую показывают, в какой степени распределение ресурсов в стране определяется рыночными

механизмами, а не государственным диктатом. Следовательно, высокий рейтинг страны в Индексе экономической свободы является не просто статистическим фактом, а индикатором реальной обеспеченности её экономического суверенитета, демонстрируя, что конкурентные рыночные институты доминируют в принятии ключевых экономических решений.

Разбивка категорий Индекса экономической свободы (по методологии The Heritage Foundation) выглядит следующим образом:

- свободные экономики (Free): 80 – 100;
- в основном свободные (Mostly Free): 70 – 79,9;
- умеренно свободные (Moderately Free): 60 – 69,9;
- слабо свободные (Mostly Unfree): 50 – 59,9;
- репрессированные (Repressed): 0 – 49,9.

Приведённый на рисунке 5 сравнительный анализ значений Индекса экономической свободы между странами исследуемыми странами Сахельско-Сахарского региона, Сингапуром, являющимся мировым лидером с показателем 84,1 процентный пункт (далее – п.п.), а также Мавриkiem, который является лидером среди африканских стран с показателем 75 п.п., – выявляет глубокий институциональный разрыв.

Источник: составлено автором по материалам [171].
Рисунок 5 – Индекс экономической свободы в исследуемых странах, 2025 г.

Все исследуемые государства демонстрируют уровни, соответствующие категориям «слабо свободных» (Бенин – 58,5; Кот-д'Ивуар – 57,8; Сенегал – 56,4) или «репрессированных» экономик (ЦАР – 42,8; Гвинея-Бисау – 43,6). Даже наивысший показатель региона (Бенин – 58,5) более чем на 25 пунктов уступает сингапурскому, что подчеркивает не просто количественное, а качественное институциональное отставание. Маврикий, являясь лидером среди африканских стран с показателем 75 баллов («в основном свободная экономика»), опережает наиболее успешные исследуемые страны (Бенин – 58,5; Кот-д'Ивуар – 57,8) более чем на 16 пунктов. Этот разрыв подчеркивает, что страны региона не просто отстают от глобальных эталонов, но и не достигают стандартов, уже реализованных в рамках самого континента.

Успех Маврикия доказывает, что создание прозрачных институтов и благоприятного делового климата достижимо в африканском контексте. Этот контраст иллюстрирует фундаментальную слабость ключевых институтов в странах Сахеля – верховенства права, защиты прав собственности и эффективности регулирования.

Таким образом, разрыв в индексе является индикатором системной угрозы экономическому суверенитету региона. Без целенаправленного укрепления национальных институтов, обеспечивающих экономическую свободу, создание конкурентоспособного корпоративного сектора и достижение реальной экономической самодостаточности останутся недостижимыми целями.

Анализ компонентной структуры Индекса экономической свободы для исследуемых стран представлен в таблице 7. Данная декомпозиция позволяет выявить системные институциональные ограничения, сдерживающие формирование конкурентоспособного национального корпоративного сектора в странах Сахельско-Сахарского региона.

Таблица 7 – Декомпозиция Индекса экономической свободы по компонентам в исследуемых странах и странах-референтах, 2025 г.

Страна	Общий балл	Защита прав собственности	Честность правительства	Эффективность судебной системы	Налоговое бремя	Государственные расходы	Состояние государственных финансов	Свобода предпринимательства	Свобода труда	Свобода денежного обращения	Свобода торговли	Свобода инвестиций	Финансовая свобода
Бенин	58,5	44,8	42,4	49,1	69,4	88,4	51,9	53,7	58,7	80,3	63	50	50
Буркина-Фасо	51	28,1	40,7	35,7	82	73,3	13,7	38,6	61,9	71,9	61,4	65	40
ЦАР	42,8	6,9	19,6	4	65,5	89,8	53,8	27,1	48,3	72,8	50,4	45	30
Чад	52,2	27,4	14,1	14,5	78,5	92,9	97,9	28,7	53,5	72	47,2	60	40
Коморские острова	51,4	22,9	16	20,9	65,3	89,5	86,1	49,9	55,1	71,3	64,2	45	30
Кот-д'Ивуар	57,8	46,3	36,6	31,1	82,2	86,3	42,4	65,2	56,8	66,5	70	60	50
Гвинея	54,6	22,3	25,1	26,5	70,4	93	93,4	44,9	56,4	71,1	61,8	50	40
Гвинея-Биссау	43,6	26,5	20,4	14	88,9	84,5	15,6	35,1	54,8	73,3	50,6	30	30
Мали	52,6	23,5	22,7	32,9	70	79,6	60,4	42,4	53,9	77,2	64	65	40
Нигер	51,5	29,6	31,8	37,1	77,9	87,3	34,4	33,8	54	72,6	64	55	40
Сенегал	56,4	57,2	45,2	50,3	69,4	79,7	30,5	54,3	54,3	68,8	67,2	60	40
Того	52,3	37	31,6	37,1	70,5	81,6	21,7	59,9	51,9	69,8	66,8	60	40
Сингапур	84,1	94,3	86,4	58,3	89,9	92,9	73,9	90,6	77,1	81	95	90	80
Маврикий	75	86,4	53,2	81	89,8	77,1	64,9	82,9	69,3	67,4	87,4	70	70

Источник: составлено автором по материалам [171].

Национальный корпоративный сектор выступает системообразующим элементом в архитектуре экономического суверенитета развивающихся государств. Его влияние реализуется через формирование эндогенных точек роста, создание замкнутых производственно-технологических цепочек и обеспечение мультипликативного эффекта в смежных отраслях. Данный механизм обеспечивает устойчивость экономической системы к экзогенным шокам и создает предпосылки для проведения независимой промышленной политики.

Таким образом, в современных условиях глобальной экономической взаимозависимости классическое представление об абсолютном

экономическом суверенитете государства – его исключительном праве контролировать ресурсы, финансовые потоки и торговую политику на своей территории – претерпевает трансформацию. В качестве аналитической рамки для изучения экономических стратегий африканских государств, характеризующихся схожими структурными вызовами (ограниченность внутренних рынков, зависимость от сырьевого экспорта, потребность во внешних инвестициях и технологиях), в условиях глобальной взаимозависимости и региональной интеграции, по мнению автора, представляется востребованной концепция разделённого экономического суверенитета.

Разделённый экономический суверенитет можно определить как добровольное, договорное и, как правило, частичное делегирование государством правомочий в ключевых экономических сферах (денежно-кредитная политика, таможенный контроль, регулирование инвестиций) внешнему актору или наднациональному органу при сохранении за собой стратегического контроля и возможности пересмотра условий. Применение данной концептуальной рамки к исследуемым государствам является релевантным по нескольким ключевым причинам:

1) Региональные торговые соглашения и разделение регулирования. Все страны субрегиона участвуют в масштабных региональных объединениях, членство в которых предполагает делегирование части суверенных прав в сфере таможенного тарифа и технического регулирования для создания зон свободной торговли и общего рынка. Это добровольное разделение экономического суверенитета ради достижения более весомых коллективных выгод от масштаба и снижения трансакционных издержек.

2) Стратегическое взаимодействие с внешними донорами и инвесторами. Для привлечения критически важных инвестиций в инфраструктуру и добывающие отрасли государства заключают соглашения с транснациональными корпорациями или странами-партнёрами (например, с Китаем, Россией, ЕС). В рамках подобных контрактов часто происходит

функциональное и ограниченное во времени разделение суверенитета: передача прав на разведку, разработку и экспорт ресурсов в обмен на роялти, налоговые поступления и технологический трансфер. Государство сознательно сужает сферу своего непосредственного контроля над сегментом экономики для получения долгосрочных доходов и развития.

Важно отметить, что для исследуемых стран полный, изолированный экономический суверенитет часто является нереалистичной или экономически неэффективной целью. Вместо этого предлагается стратегическое разделение и объединение экономических прерогатив, что позволит им преодолевать ограничения, связанные с малым размером внутренних рынков, нехваткой капитала и технологий, а также укреплять макроэкономическую стабильность через коллективные институты. Следовательно, их реальный экономический суверенитет может существовать в гибридной форме: он может быть распределён между национальными правительствами, региональными наднациональными органами и, в определённых секторах, внешними экономическими акторами. Подобный подход является не признаком слабости, а прагматичным инструментом интеграции в мировую экономику на условиях, позволяющих минимизировать риски и максимизировать выгоды от сотрудничества. Безусловно, это не отменяет долгосрочной цели углубления интеграции, но признаёт, что путь к ней лежит через постепенное, секторальное наращивание доверия и координации, а не через скачкообразную передачу ключевых экономических прерогатив. Прагматичный подход заключается не в выборе одной модели, а в их комбинировании: укреплении существующих национальных институтов при параллельном активном развитии гибких форматов разделённого суверенитета в новых, прорывных сферах сотрудничества.

В условиях глобализации экономический суверенитет следует понимать не как изоляцию, а как способность государства и национального корпоративного сектора совместно формировать условия для устойчивого роста, минимизируя риски внешних шоков. Только такой комплексный

подход позволит преодолеть диспропорции глобализации и превратить корпоративный сектор из потенциального источника зависимости в катализатор суверенного развития. Ввиду этого, можно сделать вывод, что национальный корпоративный сектор выполняет роль структурного стабилизатора экономики, обеспечивая её долгосрочную конкурентоспособность в условиях турбулентности глобальных рынков.

Глава 2

Динамика и направления развития национального корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств

2.1 Современное состояние корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств

Уровень и перспективы развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона в значительной степени определяются условиями бизнес-среды, инвестиционной привлекательностью страны и устойчивостью компаний.

Анализ структуры совокупного ВВП свидетельствует о значительной дифференциации экономического потенциала стран региона, что создает существенно различающиеся условия для развития корпоративного сектора в относительно диверсифицированных экономиках или экономиках с выраженной моноспециализацией.

Лидирующее положение в экономике региона характеризуется значительным неравенством между странами. Лидером является Кот-д'Ивуар, чей ВВП (86,54 млрд долл. США) составляет 31,8% от общего объёма ВВП выборки, как отражено в таблице 8. Такое положение является результатом развитого сельского хозяйства, ориентированного на производство и экспорт стратегических продуктов (какао, кофе) и относительно диверсифицированной промышленностью.

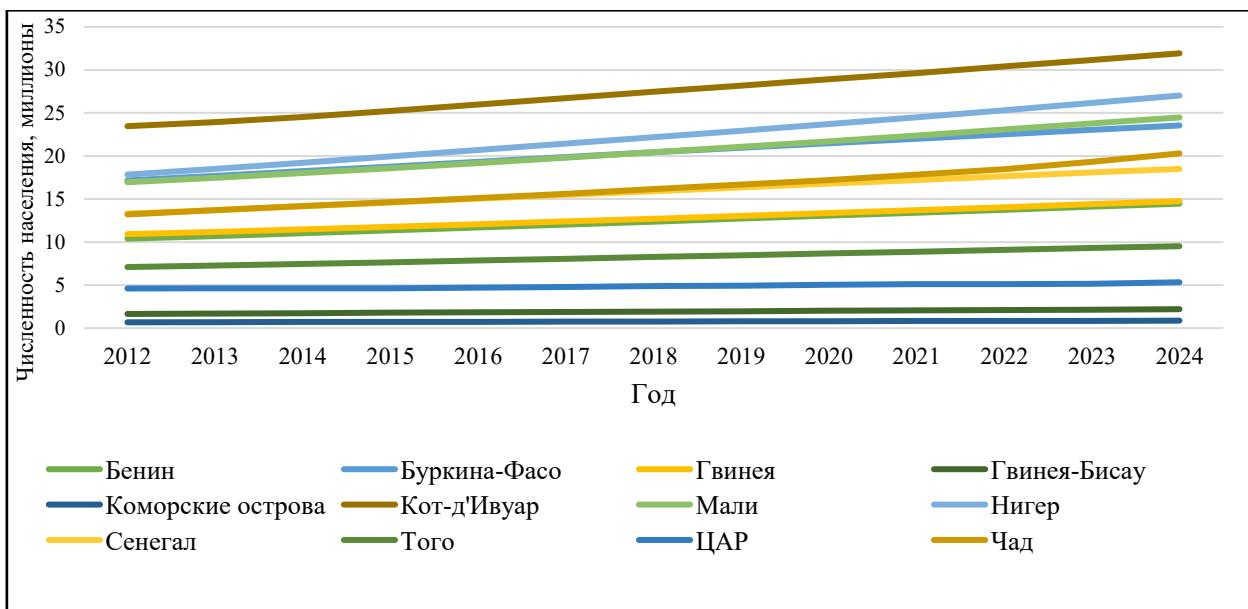
В то же время Гвинея-Бисау и Коморские острова имеют крайне малые экономики (менее 1% от общей выборки), что отражает их зависимость от монокультурного производства и слабое развитие внешнеэкономических связей [50].

Таблица 8 – ВВП и численность населения исследуемых государств, 2024 г.

Страна	ВВП, млрд долларов США	Относительная доля в выборке стран, в процентах	Население, млн	Относительная доля в выборке стран, в процентах
Бенин	21,48	7,9	14,463	7,5
Буркина-Фасо	23,25	8,5	23,549	12,2
Гвинея	25,33	9,3	14,755	7,6
Гвинея-Бисау	2,12	0,8	2,201	1,1
Коморские острова	1,55	0,6	0,867	0,5
Кот-д'Ивуар	86,54	31,8	31,934	16,6
Мали	26,59	9,8	24,479	12,7
Нигер	19,54	7,2	27,032	14,0
Сенегал	32,27	11,9	18,502	9,6
Того	9,93	3,6	9,515	4,9
ЦАР	2,75	1,0	5,331	2,8
Чад	20,63	7,6	20,299	10,5
Итого	271,98	100	192,927	100

Источник: составлено автором по материалам [47; 201].

Одним из факторов, серьёзно ограничивающим преодоление структурной отсталости экономики, развитие корпоративного сектора, возможности модернизации производства и перехода к более высоким технологическим переделам является качество трудовых ресурсов стран Сахельско-Сахарского регионами. При высоких темпах роста населения и ускоренной урбанизации происходит миграция сельского населения, приводящая к ослаблению сельскохозяйственного сектора — ключевого источника ВВП для многих стран Сахеля, как для наглядности визуально отражено на рисунке 6. Вместе с тем, переход к городскому образу жизни и рост потенциала трудовых ресурсов для других отраслей не сопровождаются адекватным повышением их качественных характеристик. Это создаёт дисбаланс: с одной стороны, рост городов стимулирует спрос на инфраструктуру и услуги, с другой — снижает продуктивность аграрного сектора, который остаётся основой экономики [51].

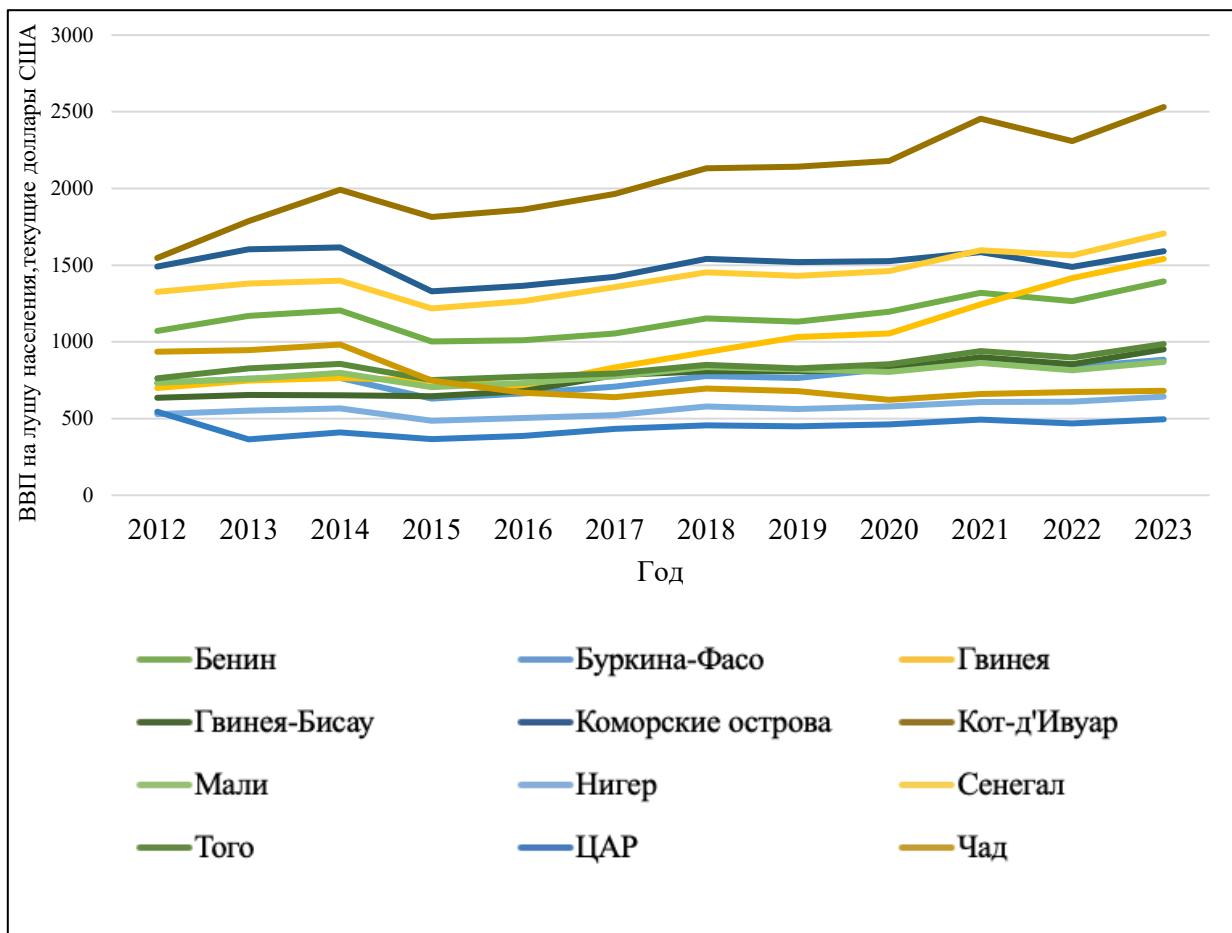

Источник: составлено авторов по материалам [47; 201].
Рисунок 6 – Численность населения в исследуемых странах в период с 2012 года по 2024 год

Страны Сахельско-Сахарского региона демонстрируют один из самых высоких темпов прироста населения в мире – в среднем 3,9% в год. Это связано с культурными и религиозными традициями, где на одну женщину приходится более 7 детей [47]. Однако такой рост населения создаёт значительное давление на экономику, усугубляя проблему бедности. Около 60% жителей региона живут менее чем на 1 доллар в день, а низкий уровень образования (в среднем 1,5 года обучения к 25 годам) ограничивает возможности для развития человеческого капитала.

В свою очередь ВВП на душу населения в субрегионе устойчиво сохраняется на низком уровне, несмотря на рост в последние годы, рисунок 7 наглядно демонстрирует данную тенденцию. Это объясняется демографическим давлением и сырьевой ориентацией экономик. Например, Чад и Нигер, обладающие запасами нефти и урана, не смогли трансформировать доходы от экспорта в устойчивый рост благосостояния из-за коррупции и слабых институтов. ВВП на душу населения также косвенным образом может свидетельствовать об ограниченной платёжеспособности

населения, что сужает возможности для развития внутреннего спроса в качестве стимула экономического роста и развития корпоративного сектора.

Источник: разработано автором по материалам [47].
Рисунок 7 – ВВП на душу населения в период с 2012 года по 2023 год

Проведённый комплексный анализ интегральных индикаторов, отражённый в таблице 9, позволяет выявить системную взаимосвязь между состоянием правовых институтов, уровнем внешних рисков и, соответственно, потенциалом экономического суверенитета в странах Сахельско-Сахарского региона.

Критически низкие значения Индекса восприятия коррупции (средний показатель в субрегионе 30,3 балла) свидетельствуют о глубоких институциональных деформациях, непосредственно ограничивающих развитие национального корпоративного сектора.

Таблица 9 – Интегральные индикаторы состояния правовых институтов и внешних рисков в странах Сахельско-Сахарского региона, 2024 г.

Страна	Индекс восприятия коррупции, 100 = отсутствие коррупции	Индекс прав человека и верховенства закона, 0 (высокий уровень) - 10 (низкий уровень)	Индекс демографического давления, 0 (низкое) - 10 (высокое)	Индекс внешнего вмешательства, 0 (низкое) - 10 (высокое)
Бенин	45	6	7,9	4,6
Буркина-Фасо	41	7,1	8,6	8,4
Гвинея	28	7,3	9,1	6,9
Гвинея-Бисау	21	6,3	8,9	6,9
Коморские острова	21	6	8	5,9
Кот-д'Ивуар	45	6,6	8,9	7,3
Мали	27	7,6	9,1	8
Нигер	34	6,8	8,8	8
Сенегал	45	4,7	7,2	4,6
Того	32	6,6	7,5	5
ЦАР	24	8,7	8,9	9,1
Чад	21	8,1	9	7,6
Средний показатель в субрегионе	30,3	6,8	8,5	7,2

Источник: составлено автором по материалам [47].

Установлена чёткая корреляция между качеством правовой среды и инвестиционной привлекательностью: страны с наиболее высокими показателями верховенства закона (Сенегал - 4,7 балла) демонстрируют и более устойчивые темпы экономического роста. Напротив, государства с максимальными значениями индекса внешнего вмешательства (ЦАР - 9,1; Мали и Нигер - по 8,0) характеризуются ослабленным экономическим суверенитетом и зависимостью от внешних акторов.

Особого внимания заслуживает комплексное воздействие демографического давления (средний показатель 8,5 балла) и коррупционных рисков на формирование конкурентной среды для национальных корпораций. Высокие значения этих индикаторов создают дополнительную нагрузку на экономические системы региона, затрудняя реализацию программ импортозамещения и развития производственного потенциала.

Полученные данные подтверждают центральную гипотезу исследования о том, что укрепление экономического суверенитета требует системного преобразования институциональной среды. Разработанные в диссертации механизмы государственно-частного партнерства и отраслевые стратегии сотрудничества должны учитывать выявленные региональные особенности для эффективного повышения конкурентоспособности национальных корпоративных структур.

Анализ отраслевой структуры ВВП стран субрегиона на 2025 год, эмпирическая база которого представлена в таблице 10, выявляет глубокие диспропорции, которые существенно отличают регион от общемировых тенденций и формируют уникальную институциональную среду для развития корпоративного сектора.

Таблица 10 – Отраслевая структура экономики стран Сахеля, 2025 г.

В процентах от ВВП

Страна	Сельское хозяйство	Промышленность	Обрабатывающая отрасль	Сфера услуг
Бенин	24,2	17,4	10,2	48,9
Буркина-Фасо	18,6	29,7	10,0	40,2
Гвинея	29,6	25,3	12,7	37,5
Гвинея-Бисау	36,8	16,6	9,4	42,1
Коморские острова	36,6	9,6	нет данных	50,1
Кот-д'Ивуар	17,9	22,1	12,9	53,9
Мали	33,4	22,7	7,4	36,7
Нигер	33,8	17,8	7,0	45,4
Сенегал	15,5	25,4	14,1	49,1
Того	18,0	20,0	12,7	52,0
ЦАР	32,5	17,8	18,0	40,5
Чад	32,2	29,7	нет данных	31,6
Среднее значение по исследуемым странам	27,4	21,2	11,4	44,0
Общемировой показатель	4,0	26,0	15,1	66,2

Источник: составлено авторов по материалам [47; 55].

Структурной особенностью региона является гипертрофированная роль сельского хозяйства. Его доля в ВВП (27,4%) почти в 7 раз превышает общемировой показатель (4,0%). В таких странах, как Гвинея-Бисау (36,8%), Коморские острова (36,6%) и Нигер (33,8%), аграрный сектор остается системообразующим, определяет сырьевую ориентацию экономик и их высокую уязвимость к климатическим и ценовым шокам. С институциональной точки зрения, доминирование сельского хозяйства формирует корпоративный сектор, характеризующийся:

- Преобладанием малых и средних предприятий в агробизнесе.
- Слабой капитализацией и ограниченным доступом к финансированию.
- Высокой зависимостью от неформальных институтов и традиционных практик ведения бизнеса.
- Недоразвитостью промышленности и «сырьевым проклятием».

Несмотря на то, что средняя доля промышленности в регионе (21,2%) приближается к мировому уровню (26,0%), доля обрабатывающей промышленности (11,4%) существенно ниже общемирового показателя (15,1%). Промышленность имеет выраженный монокультурный, слабо диверсифицированный профиль с низким уровнем переработки добываемого сырья. Исключением является ЦАР, где доля обрабатывающей промышленности достигает 18,0%. Институциональная ловушка «сырьевого проклятия», обуславливает преимущественное развитие корпоративного сектора в добывающих отраслях, слабо связанных с остальной экономикой и не способствующих созданию производственных цепочек.

Сектор услуг, формально являющийся крупнейшим в Сахельско-Сахарском регионе (44,0%), демонстрирует значительное отставание от мирового уровня (66,2%). Его структура тяготеет к традиционным низкомаржинальным видам деятельности (розничная торговля, бытовые услуги). Современные финансовые, ИТ и бизнес-услуги развиты слабо. Этим обстоятельством ограничивается формирование «экосистемы»

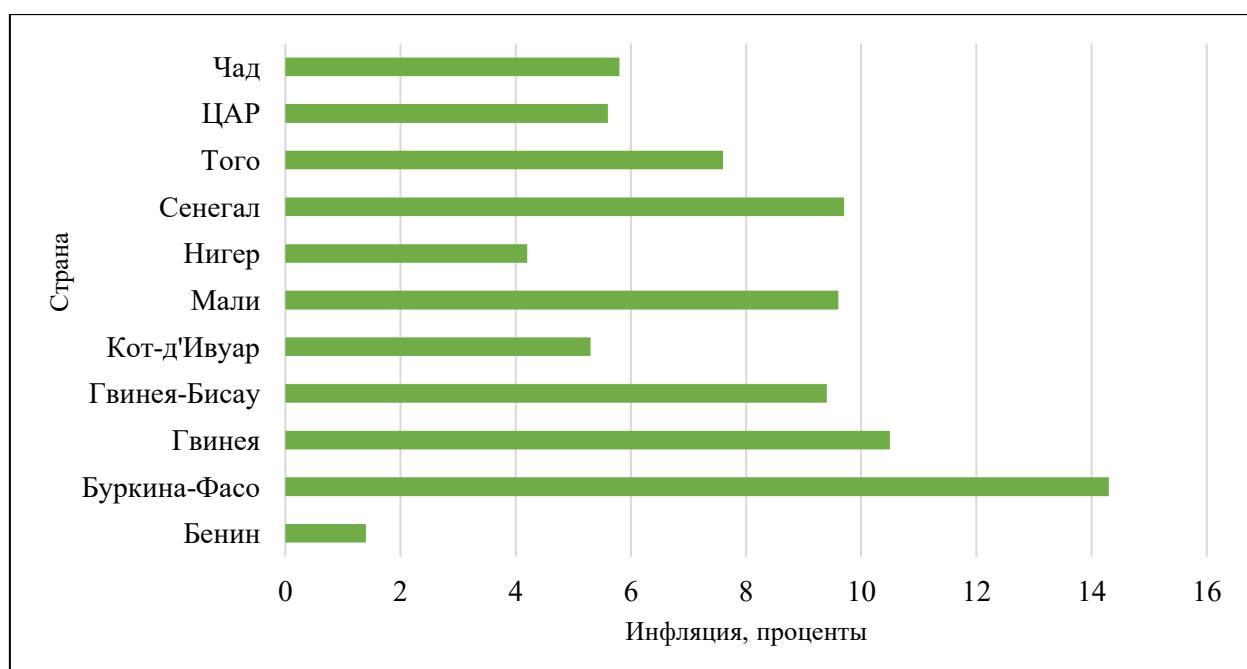
для развития современных корпоративных структур, которые требуют развитой инфраструктуры поддержки — банковских, юридических, консалтинговых услуг [120].

Во многих странах региона (например, Кот-д'Ивуар — какао, Нигер — уран, Чад — нефть) преобладающий сырьевой экспорт создает приток иностранной валюты, укрепляет национальную валюту и обеспечивает спрос на импортные товары и внутренние услуги (торговля, кафе, транспорт). Однако при этом развитие местной промышленности сдерживается, так как не может конкурировать с дешевым импортом. В результате сырьевой сектор «выталкивает» рабочую силу в сферу низкопроизводительных услуг, искусственно раздувая ее долю. Таким образом, экономики стран Сахеля демонстрируют характерные черты периферийной модели развития с преобладанием низкопроизводительного сельского хозяйства, гипертрофированным сегментом услуг и слабой обрабатывающей промышленностью. С институциональной точки зрения, это создает риски для корпоративного сектора, во-первых, высокой волатильности (зависимость от аграрного и сырьевого секторов делает корпоративные доходы нестабильными), во-вторых, ограниченности масштабирования (низкая доля обрабатывающей промышленности сдерживает появление сложных, технологичных компаний с экспортным потенциалом) и, в-третьих, институциональную незрелость (структура экономики не стимулирует развитие сложных формальных институтов, необходимых для защиты прав собственности, контрактов и корпоративного управления) [179].

Структурные диспропорции экономики выступают не просто фоном, а ключевым институциональным ограничителем, определяющим траекторию развития корпоративного сектора в странах Сахеля, консервируя его сырьевую ориентацию и зависимость от внешней конъюнктуры.

В 2022 году страны, представленные в выборке, демонстрировали значительный разброс в уровнях инфляции [52]. Значения варьируются от относительно умеренных (около 2–4%) до весьма высоких

(превышающих 10–12%), что указывает на неоднородность макроэкономической ситуации в регионе. Наглядным подтверждением данного утверждения выступает рисунок 8, который демонстрирует уровень инфляции (процентное изменение индекса потребительских цен) в 2022 году в исследуемых странах, выраженный через процентное изменение индекса потребительских цен (далее – ИПЦ). Важно уточнить, что в рамках исследования отсутствуют данные об инфляции для Коморских островов.

Источник: составлено автором по материалам [47].
Рисунок 8 – Инфляция в исследуемых странах в 2022 году

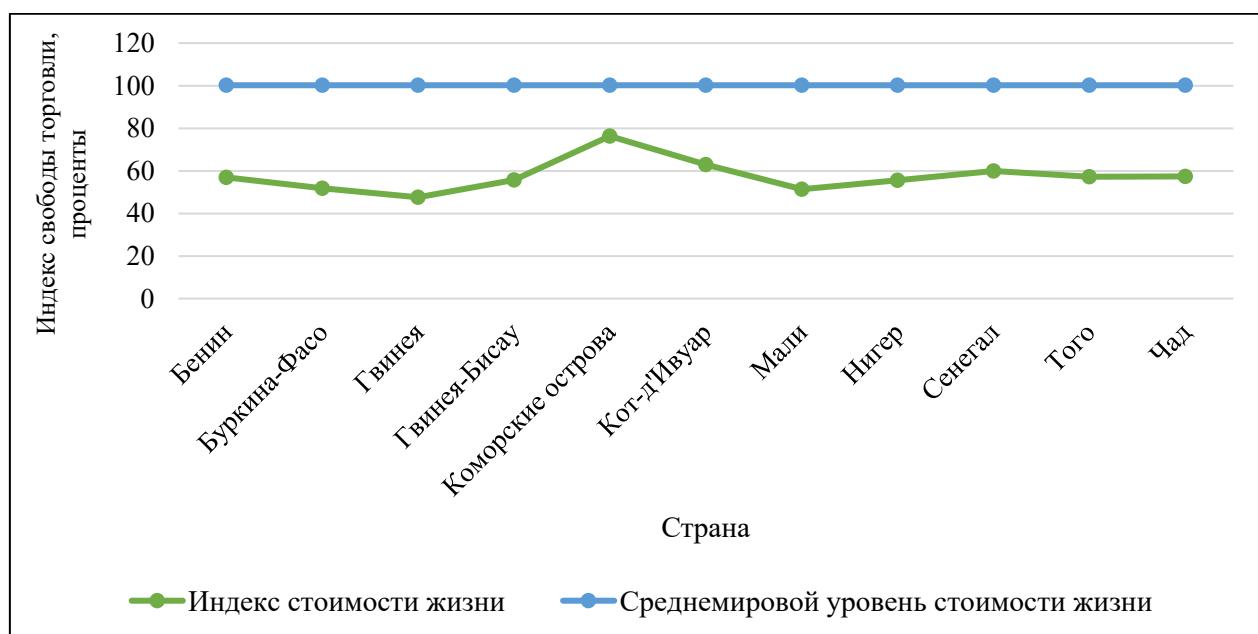
Наибольшие темпы роста потребительских цен наблюдались в Чаде, где показатель достиг максимального значения в выборке. Также к группе стран с высокой инфляцией (согласно визуальному представлению гистограммы) можно отнести Центральноафриканскую Республику (ЦАР), Гвинею и, вероятно, Гвинею-Бисау. Это может быть следствием комплекса факторов, включая структурные экономические проблемы, последствия пандемии, geopolитическую нестабильность и нарушение глобальных цепочек поставок [87].

С другой стороны, такие государства, как Бенин, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Того, Нигер, Мали и Буркина-Фасо, демонстрировали более сдержаные

темпы инфляции. В частности, Бенин и Кот-д'Ивуар, судя по длине столбца на графике, имели самые низкие показатели в представленной группе. Это может свидетельствовать о более эффективной монетарной политике, относительной макроэкономической стабильности или иных страновых особенностях, сдерживающих рост цен.

Таким образом, представленные данные наглядно иллюстрируют существенную дифференциацию инфляционных процессов внутри выборки стран в 2022 году. Наличие государств как с двузначной инфляцией, так и с относительно стабильными ценами, подчеркивает важность учета страновых рисков и индивидуальных макроэкономических условий при анализе региона. Высокие уровни инфляции в ряде стран, таких как Чад и ЦАР, требуют от властей этих государств проведения сдерживающей денежно-кредитной и антиинфляционной бюджетной политики.

В свою очередь анализ индекса стоимости жизни в странах Сахельско-Сахарского региона выявляет существенные различия в экономических условиях функционирования национального корпоративного сектора, что наглядно отражено на рисунке 9. Важно уточнить, что в рамках исследования отсутствуют данные об индексе стоимости жизни для ЦАР.

Источник: составлено автором по материалам [47; 185].

Рисунок 9 – Индекс стоимости жизни в исследуемых странах по шкале от 0 до 100

Показатели, варьирующиеся в диапазоне от 40 до 120 пунктов при среднемировом уровне 100, свидетельствуют о значительной дифференциации покупательной способности населения и уровня экономического развития в регионе. Страны с наиболее высокими значениями индекса (приближающиеся к 120) демонстрируют повышенные операционные издержки для корпоративного сектора, что создает дополнительные барьеры для развития производственных мощностей и ограничивает конкурентоспособность национальных компаний на международных рынках.

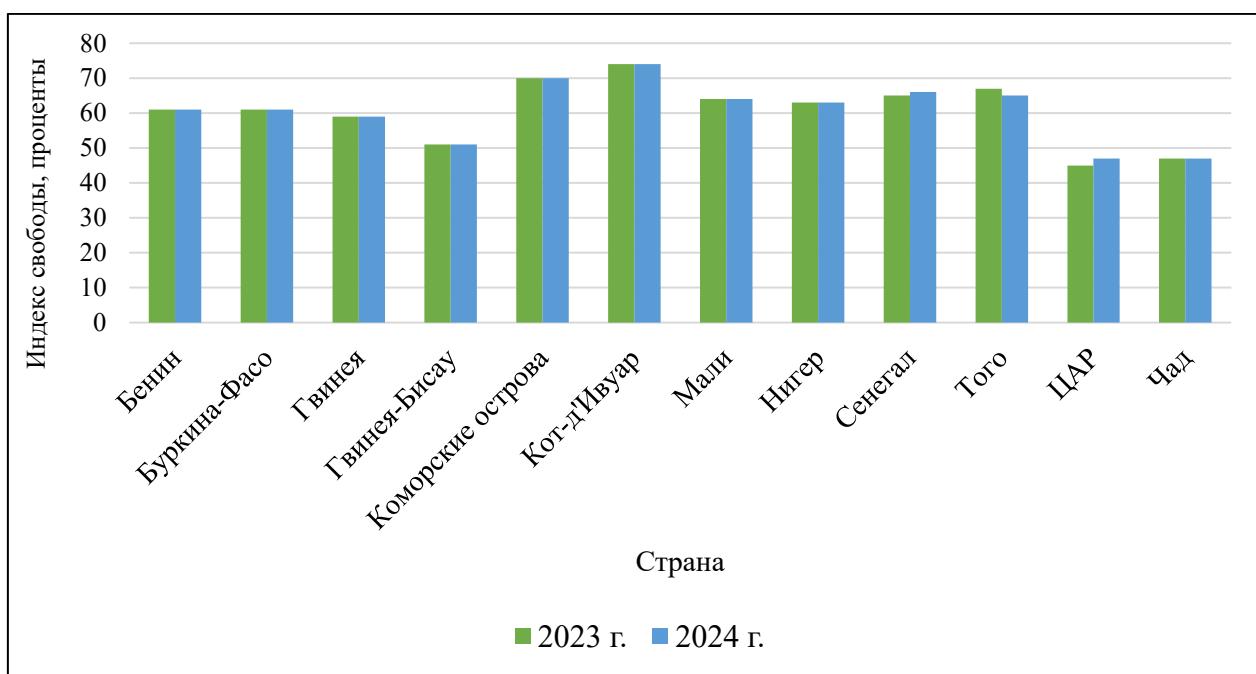
Напротив, государства с низкими показателями индекса (около 40-60 пунктов) обладают потенциальным преимуществом в виде относительно дешевой рабочей силы, однако это может компенсироваться низкой производительностью и ограниченной покупательной способностью внутреннего рынка. Отсутствие данных по ЦАР в связи с их статистической недоступностью подчеркивает проблему фрагментарности экономической информации в регионе, что само по себе является индикатором институциональных ограничений для экономического суверенитета. Эта информационная асимметрия затрудняет формирование адекватных стратегий развития корпоративного сектора и создает дополнительные риски для инвестиционной деятельности.

Полученные данные коррелируют с ранее выявленными институциональными показателями: страны с более высоким индексом стоимости жизни обычно демонстрируют и лучшие значения индексов эффективности государственного управления, что подтверждает взаимосвязь между качеством институтов и уровнем экономического развития.

Для анализа зависимости бизнеса стран Сахеля от импорта и экспорта и влияния тарифных барьеров рассмотрен индекс свободы торговли для субрегиона. Данный показатель количественно оценивает уровень либерализации внешнеторговой деятельности государства и выражается в процентах, чем выше значение индекса (ближе к 100%), тем меньше регуляторных ограничений налагается на импортно-экспортные операции.

Методика расчёта индекса свободы торговли включает анализ тарифных ставок, нетарифных барьеров и административных процедур, влияющих на стоимостные и временные издержки участников внешней торговли. Индекс основан на двух показателях: средневзвешенной тарифной ставке и нетарифных барьерах (включая количественные, ценовые, нормативные, таможенные и инвестиционные ограничения, а также прямое государственное вмешательство).

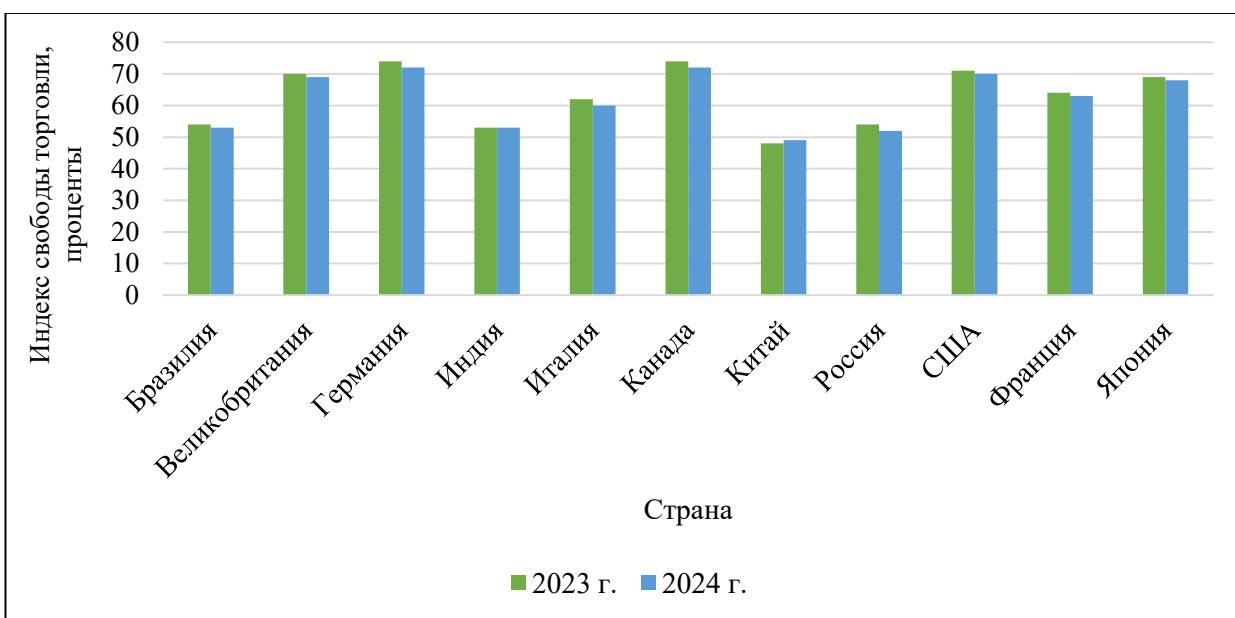
Распределение среднего значения индекса свободы торговли в исследуемых странах за 2023 и 2024 годы представлено на рисунке 10. Среднее значение индекса по субрегиону составляет 60%.

Источник: составлено автором по материалам [47; 185].
Рисунок 10 – Индекс свободы торговли в исследуемых странах по шкале от 0 до 100

Данный анализ подтверждает необходимость учёта региональной специфики стоимости жизни при разработке стратегий укрепления экономического суверенитета через развитие национального корпоративного сектора, сделанное предположение находит свою верификацию в закономерностях, выявленных на рисунке 11. Проведённый анализ показал, что уровень свободы торговли в странах Сахеля (60%) лишь незначительно

уступает среднему значению для 11 наиболее развитых экономик мира (62,5%), что даёт чёткое представление о незначительном, но устойчивом структурном отставании их торговой политики от эталонного уровня ведущих экономик. Безусловно, страны Сахеля достигли определённого прогресса в либерализации внешней торговли, сократив тарифные и нетарифные барьеры, что указывает на потенциал для дальнейшего улучшения торговой политики, однако важно отметить, что незначительная разница в индексах не должна маскировать качественные различия в структуре торговли и уровне экономического развития.

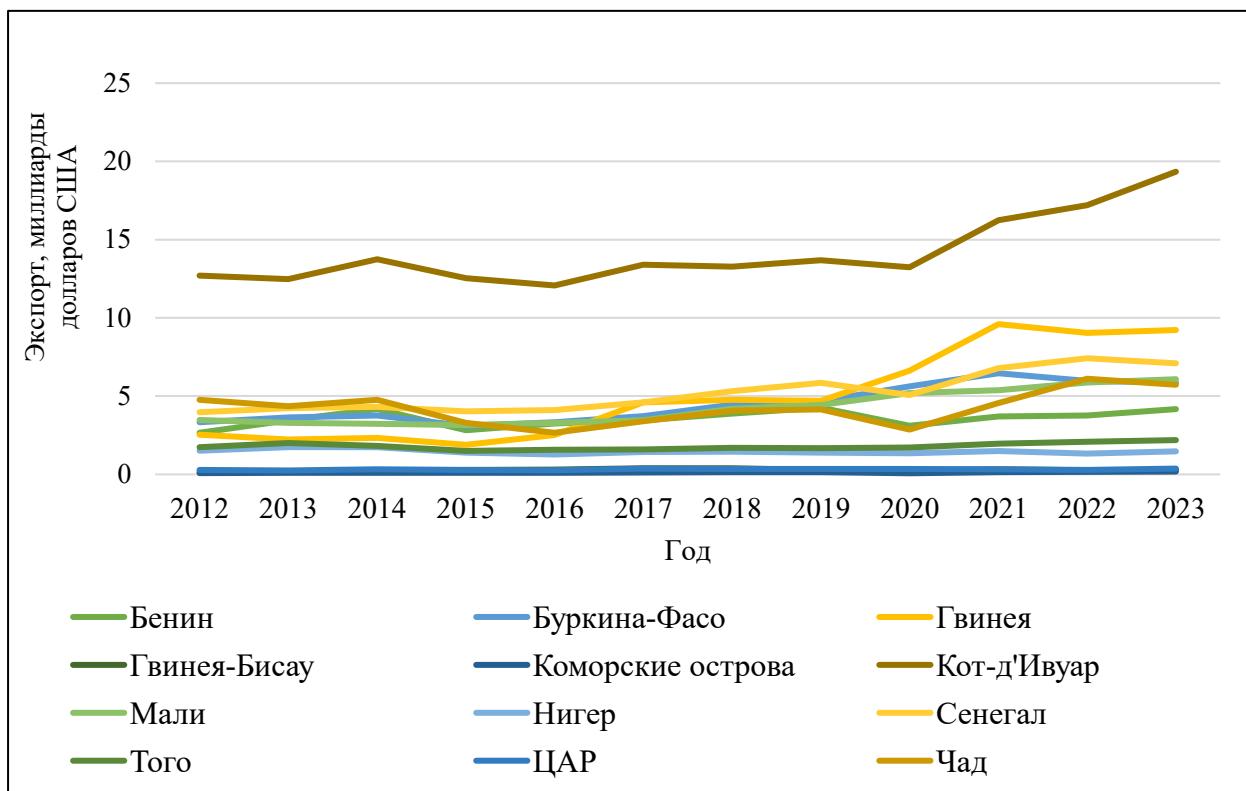
Источник: составлено автором по материалам [47].
Рисунок 11 – Индекс свободы торговли в наиболее развитых экономиках мира по шкале от 0 до 100

Сходство количественных показателей не может скрыть качественные различия. Для стран Сахеля приоритетом остается не только дальнейшая либерализация, но и устранение системных ограничений, связанных со слаборазвитой инфраструктурой, несовершенством институтов и низким уровнем диверсификации экономики и внешнеэкономических связей. К примеру, если в индексе свободы развитых стран (62,5%) отражается обмен высокотехнологичными товарами, то регион Сахеля реализует потенциал своего индекса свободы в 60% за счёт переработки и экспорта сырья.

Структура и динамика внешней торговли являются фактором, определяющим конкурентоспособность, специализацию и устойчивость корпоративного сектора в странах Сахеля. Локальные компании корпоративного сектора, действуя преимущественно в сегменте добычи и первичной переработки сырья, имеют узкую экспортную специализацию. Например, экспорт таких стран, как Чад (нефть), Нигер (уран), Мали (золото), Буркина-Фасо (хлопок, золото) и Кот-д'Ивуар (какао, кофе), практически полностью состоит из непереработанных природных ресурсов. Компании работают с минимальной рентабельностью.

Анализ динамики экспорта, который для наглядности отражён на рисунке 12, служит наглядным эмпирическим доказательством структурной уязвимости экономик региона, вытекающей из модели сырьевой зависимости. Данные выявляют три уровня проблем. Во-первых, синхронные спады экспорта у абсолютного большинства стран в 2015–2016 годах, 2020 и 2023 годах являются прямым следствием зависимости от конъюнктуры глобальных сырьевых рынков, что подтверждает тезис об экзогенной природе ключевых экономических шоков. Во-вторых, сохраняющийся разрыв между небольшой группой относительно устойчивых экспортёров (Кот-д'Ивуар, Сенегал) и остальными странами, чьи показатели хронически не превышают 5 миллиардов долларов США, визуализирует глубокое внутрирегиональное неравенство и фрагментарность экономического пространства.

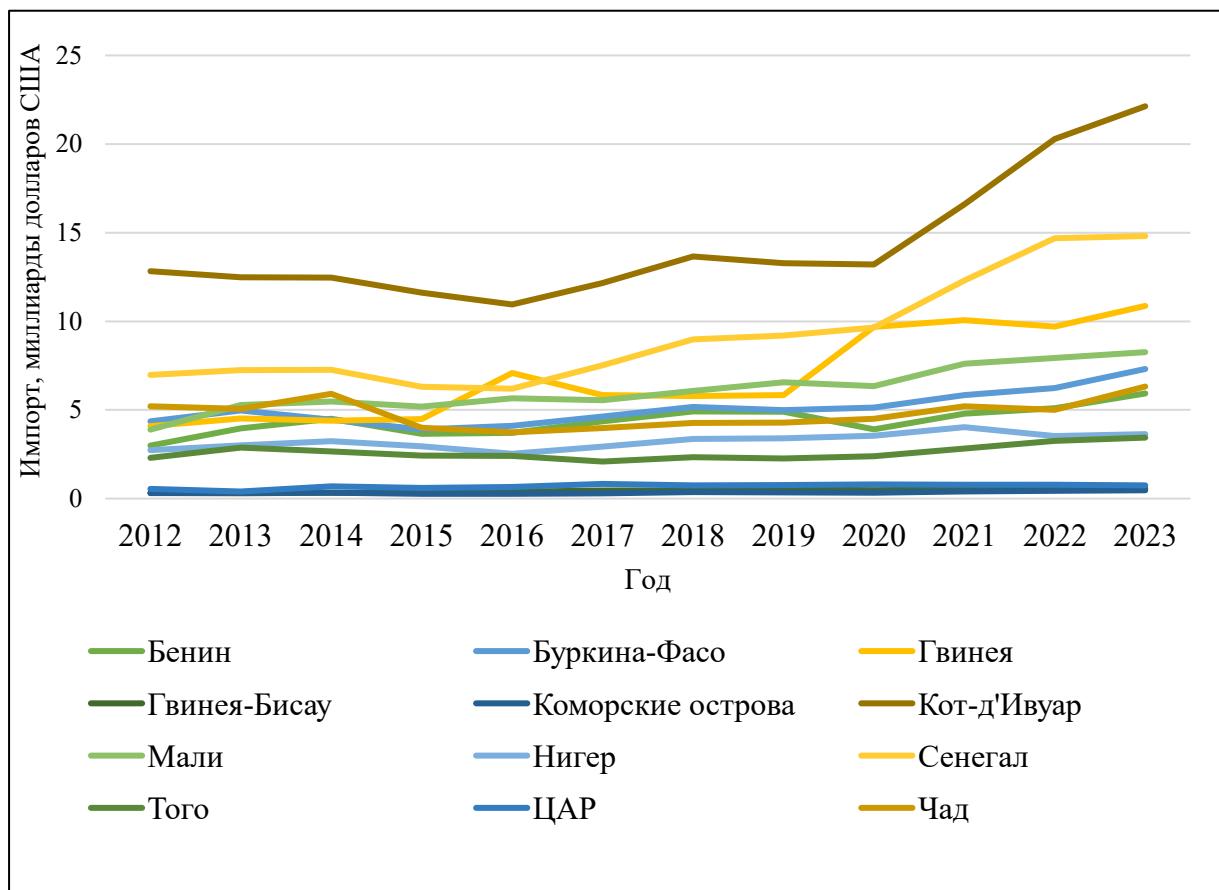
В-третьих, общая «пилообразная» динамика большинства кривых без выраженного долгосрочного тренда роста объективно отражает отсутствие устойчивой трансформации в сторону создания более сложных цепочек стоимости внутри региона. Таким образом, представленные данные не просто иллюстрируют волатильность, но выступают строгим основанием для вывода о том, что существующая модель интеграции в мировую экономику консервирует уязвимость и ограничивает потенциал суверенного экономического развития.

Источник: составлено автором по материалам [47; 55; 185].
Рисунок 12 – Экспорт товаров и услуг в исследуемых странах в период с 2012 года по 2023 год

Анализ динамики импорта в исследуемых странах, который для представлен на рисунке 13, в сравнении с данными об экспорте, приведёнными выше, выявляет системный дисбаланс, служащий ключевым эмпирическим подтверждением структурной уязвимости их экономик. В то время как экспортные доходы демонстрируют хроническую волатильность и отсутствие устойчивого тренда роста, кривые импорта для ключевых экономик региона (Кот-д'Ивуар, Сенегал, Мали, Бенин) имеют выраженную восходящую динамику, особенно с 2016–2017 годов.

Эта дивергенция является объективным индикатором нарастания фундаментального противоречия: рост внутреннего спроса и потребления не обеспечен сопоставимым увеличением собственной производственной и экспортной базы, что создаёт перманентную зависимость от внешних источников финансирования для поддержания текущего импорта.

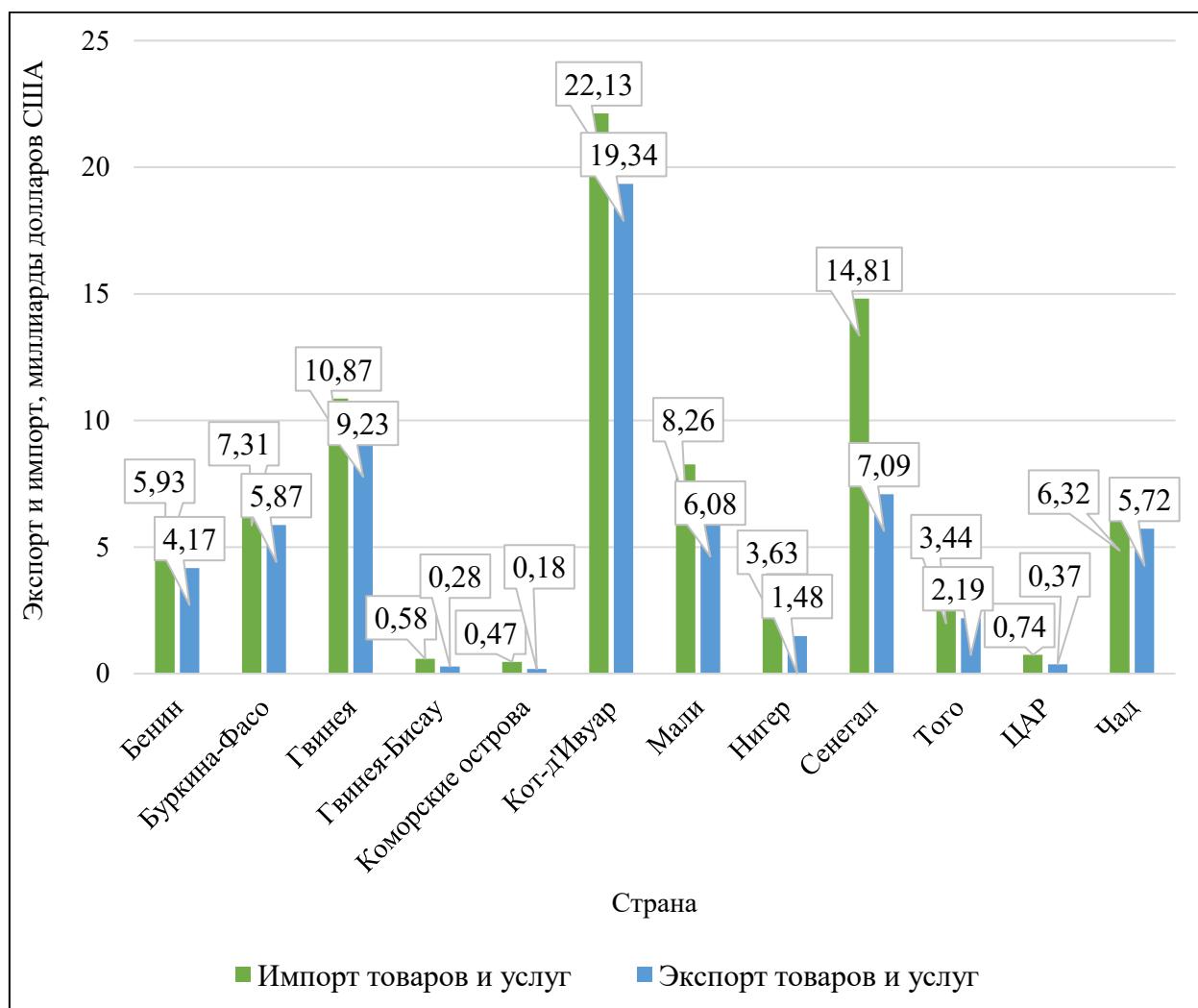
Источник: составлено автором по материалам [47; 55; 185].

Рисунок 13 – Импорт товаров и услуг в исследуемых странах в период с 2012 года по 2023 год

Одновременно синхронные резкие спады импорта в 2015–2016 годах и 2020 годах, зеркально повторяющие шоки на графике экспорта, прямо указывают на двойную уязвимость – как от ценовых колебаний на сырьевых рынках (экспорт), так и от сбоев в глобальных цепочках поставок и сокращения внешнего финансирования (импорт). Таким образом, сравнительный анализ экспорта и импорта товаров и услуг в субрегионе предоставляет неопровергимое доказательство того, что текущая модель интеграции региона в мировую экономику консервирует его положение в качестве зависимого потребителя, чья экономическая стабильность подвержена экзогенным шокам по обоим каналам – доходному (экспорт) и расходному (импорт).

Для подтверждения структурной взаимосвязи автором был разработан рисунок 14, который наглядно демонстрирует, что для большинства стран

субрегиона характерно значительное и устойчивое превышение импорта над экспортом. По данным на 2023 год в исследуемых странах региона Сахель наблюдалось превышение объемов импорта над экспортом, в среднем достигающее почти двукратного размера, а именно в 1,7 раза. Этот дефицит финансируется за счет иностранной помощи и займов, но его воздействие на национальный корпоративный сектор оказывает негативное влияние.

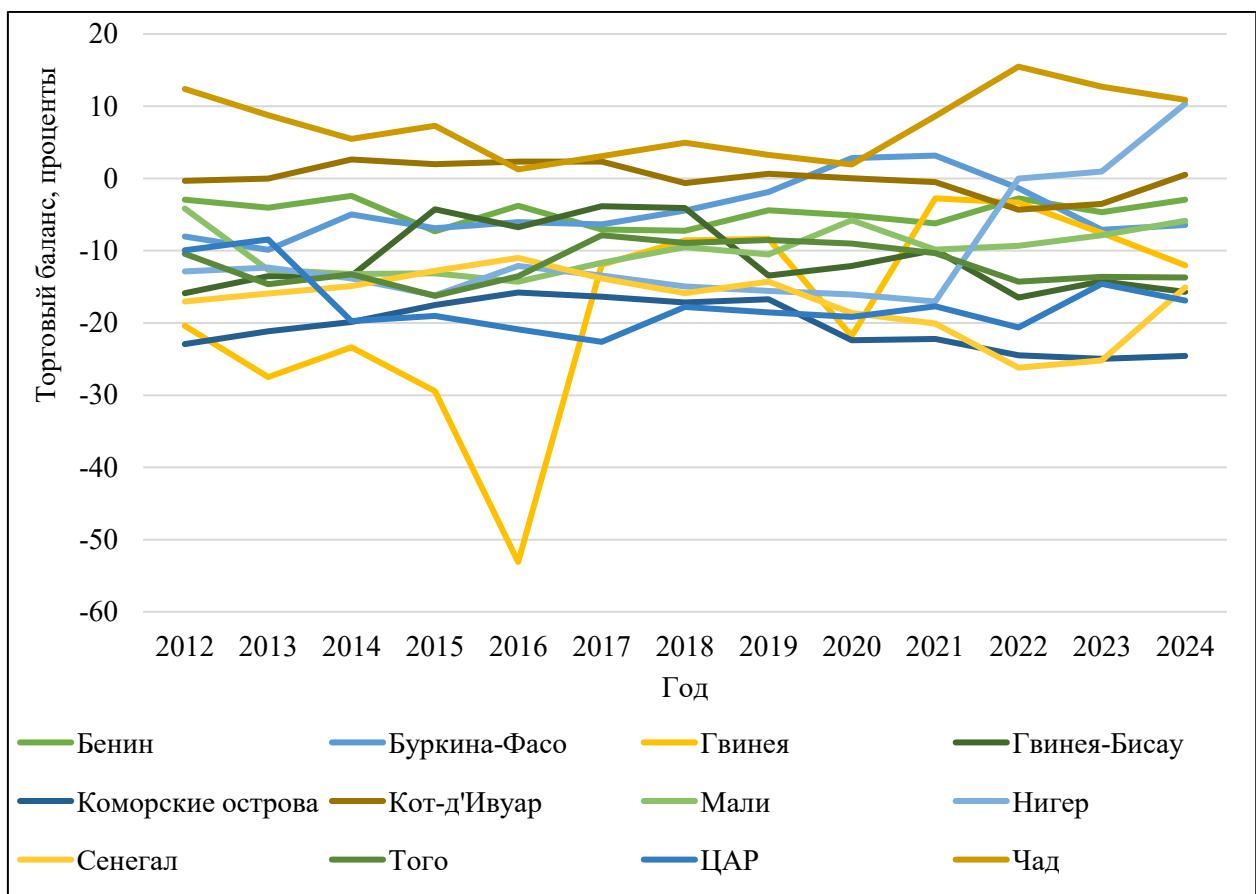

Источник: составлено автором по материалам [47; 55; 185].

Рисунок 14 – Экспорт и импорт товаров и услуг в исследуемых странах в 2023 году

Кроме того, данные показывают, что во всех исследуемых странах субрегиона, за исключением Кот-д'Ивуара, Нигера и Чада, в 2024 году был отрицательный торговый баланс, что отражено на рисунке 15. Дефицит торгового баланса свидетельствует о зависимости местных компаний от

иностранных товаров (оборудование, технологии). В странах с положительным сальдо (Кот-д'Ивуар, Чад) корпоративный сектор более устойчив, но ориентирован на сырьевый экспорт.

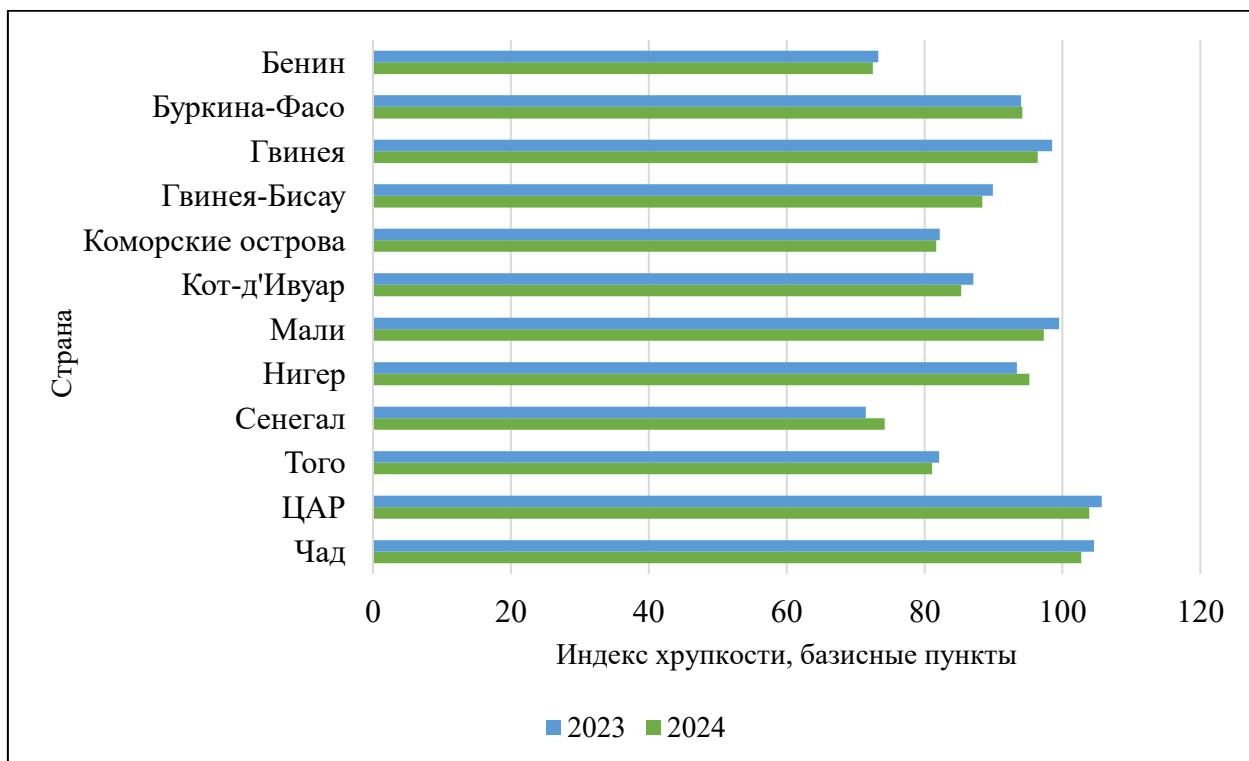

Источник: составлено автором по материалам [47; 55; 185].
Рисунок 15 – Торговый баланс исследуемых стран в период с 2012 года по 2024 год

Можно сделать вывод, что страны Сахельского региона недостаточно открыты для международной торговли. Их торговля характеризуется высокой географической концентрацией и слабостью внутризоновой торговли.

Устойчивость национальных экономик и, в частности, корпоративного сектора исследуемых государств в определенной степени характеризует индекс хрупкости (англ. Fragile States Index, FSI), который представляет собой комплексный аналитический инструмент, разработанный организацией «Фонд мира» (англ. FFP, The Fund for Peace) для системной оценки уязвимости политических систем современных государств. Степень хрупкости стран

Сахеля в 2023-2024 гг. для наглядности приводится на рисунке 16. Данный показатель измеряет степень устойчивости или, напротив, дестабилизации национальных политических институтов по шкале от 0 до 120 баллов, где нулевое значение соответствует теоретическому идеалу абсолютно стабильного государства, а максимальное – полному коллапсу государственности.

Источник: составлено автором по материалам [47].

Рисунок 16 – Индекс хрупкости исследуемых государств в период 2023-2024 гг., базисные пункты от 0 до 120

Методологическая основа индекса базируется на системе двенадцати взаимосвязанных индикаторов, сгруппированных в три ключевых кластера: социальные, экономические и политico-административные показатели. Социальный блок включает такие параметры, как демографическое давление, масштабы перемещения населения, уровень группового недовольства. Экономическая составляющая оценивает степень неравенства и темпы экономического спада. Политico-административный кластер анализирует легитимность власти, качество публичных услуг, соблюдение прав человека,

состояние силовых структур, уровень раскола элит и масштабы внешнего вмешательства [155].

Современная классификация государств по уровню хрупкости включает четыре категории: устойчивые (0-30 баллов), стабильные (30-60 баллов), предкризисные (60-90 баллов) и кризисные (90-120 баллов).

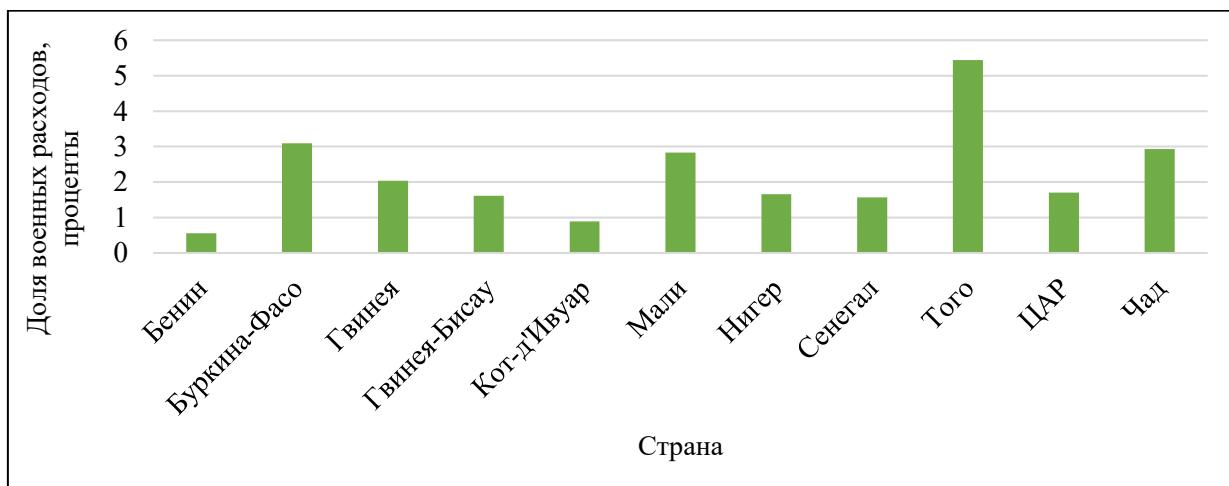
Проведенный анализ данных Индекса хрупкости государств (Fragile States Index) по странам Сахеля за 2023-2024 годы позволяет выявить ряд значимых тенденций и закономерностей. Наблюдается общее снижение уровня хрупкости в регионе: 9 из 12 исследуемых государств продемонстрировали улучшение показателей, что привело к уменьшению среднего значения индекса с 89,9 до 88,5 баллов. Наиболее существенный прогресс зафиксирован в Гвинее (-2,1 балла), Мали (-2,2) и ЦАР (-1,8).

Тем не менее, ситуация в регионе остается крайне сложной. Пять государств - Чад (102,7), ЦАР (103,9), Мали (97,3), Нигер (95,2) и Буркина-Фасо (94,2) - сохраняют показатели выше критической отметки в 90 баллов, что позволяет классифицировать их как страны с высоким уровнем государственной хрупкости. Особую обеспокоенность вызывает формирование так называемого «пояса нестабильности» в центральной части Сахеля.

Среди государств с умеренным уровнем хрупкости (75-90 баллов) выделяются Кот-д'Ивуар (85,3) и Гвинея-Бисау (88,4), где основными факторами риска остаются экономическое неравенство и слабость государственных институтов. Коморские острова (81,7) и Того (81,1) добились определенного прогресса, главным образом за счет снижения уровня внешнего вмешательства. Относительно благополучными на фоне остального региона выглядят Сенегал (74,2) и Бенин (72,5), демонстрирующие последовательное снижение показателей хрупкости. Однако в случае с Сенегалом наблюдается тревожная тенденция - ухудшение показателя на 2,7 балла, что, вероятно, связано с политическим кризисом вокруг переноса президентских выборов.

Особого внимания заслуживает аномальный случай Буркина-Фасо, где, несмотря на произошедший военный переворот, зафиксировано незначительное улучшение показателей (-0,2 балла). Данный парадокс требует дополнительного изучения, но может быть объяснен временной стабилизацией ситуации после смены власти. Положительный опыт Сенегала и Бенина свидетельствует о том, что последовательные институциональные реформы могут способствовать снижению уровня государственной хрупкости даже в условиях общего неблагоприятного регионального фона.

Более того, автором были проанализированы и представлены на рисунке 17 данные о военных расходах в 2022 году для группы исследуемых стран, выраженные в процентах от их валового внутреннего продукта. Важно уточнить, что в рамках исследования отсутствуют данные о доли военных расходов в ВВП для Коморских островов.

Источник: составлено автором по материалам [186].
Рисунок 17 – Доля военных расходов в ВВП стран Сахельско-Сахарского региона в 2022 году, в процентах от ВВП

Подавляющее большинство стран в выборке демонстрируют уровень военных расходов, существенно превышающий среднемировой показатель. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (англ. Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI), который является ведущим источником глобальной статистики по военным расходам, в 2022 году среднемировой показатель военных расходов составлял

примерно 2,2% от глобального ВВП [186]. Это указывает на то, что регион в целом характеризуется высокой приоритетностью оборонных ассигнований в структуре государственных бюджетов.

Согласно данным, абсолютным лидером является Чад, чьи военные расходы составляют около 5-6% ВВП, что более чем в два раза выше среднемирового уровня. Также к группе стран с очень высокими относительными расходами можно отнести Центрально-Африканскую Республику, Мали и Нигер. Столь высокие показатели, как правило, коррелируют с внутренними конфликтами, деятельностью незаконных вооруженных формирований и общей нестабильностью, вынуждающей власти направлять значительные ресурсы на силовой сектор.

На другом конце спектра находятся Бенин, Сенегал и Кот-д'Ивуар, чьи военные расходы, судя по графику, являются самыми низкими в представленной группе и ближе к среднемировому значению или ненамного его превышают. Это может свидетельствовать об относительно стабильной внутренней обстановке и иных бюджетных приоритетах (например, социально-экономическое развитие).

Таким образом, данные, представленные автором в диаграмме, наглядно подтверждают сильную корреляцию между уровнем внутренней безопасности и объемом военных ассигнований. Страны, переживающие острые кризисы и конфликты (Чад, ЦАР), тратят на оборону непропорционально большую долю своих экономических ресурсов. В то же время более стабильные государства региона (Бенин, Кот-д'Ивуар) поддерживают расходы на уровне или чуть выше среднемирового. Данная разница в подходах к финансированию обороны подчеркивает сильную региональную неоднородность с точки зрения вызовов и угроз безопасности.

Важно отметить, что Сахельско-Сахарский регион – это регион, где каждое государство уникально, каждое из которых имеет разную специфику и культуру. Внекономические факторы оказывают существенное влияние на

состояние и тенденции развития национальных экономик и роль корпоративного сектора в этих процессах.

Национальный корпоративный сектор Сахельско-Сахарских государств функционирует в условиях сложной системы взаимосвязанных факторов, которые определяют его структуру, динамику и ключевые проблемы развития.

Макроэкономические особенности стран региона создают фундаментальные ограничения и задают рамки для развития бизнеса. Ограниченный размер экономик большинства стран региона (за исключением Кот-д'Ивуара) определяет узкие рамки внутреннего рынка, не позволяющие местным компаниям достигать эффекта масштаба. Сыревая ориентация экспорта, зависящего от конъюнктуры мировых цен, делает корпоративный сектор уязвимым к внешним шокам. Хронический дефицит торгового баланса, при котором импорт почти вдвое превышает экспорт, свидетельствует о структурной слабости национальных производителей, неспособных конкурировать с импортной продукцией и удовлетворять базовые потребности экономики.

Несовершенная институциональная среда, содержащая влиятельные неформальные культурные и этнонациональные компоненты, представляет собой критический барьер для развития формального корпоративного сектора. Высокие показатели индекса хрупкости государств, особенно в Чаде, ЦАР, Мали, Нигере и Буркина-Фасо, отражают системные проблемы с безопасностью, легитимностью власти и качеством государственного управления. Низкие позиции в рейтинге легкости ведения бизнеса, особенно по таким компонентам как защита прав собственности, судебная эффективность и честность правительства, повышают операционные риски и транзакционные издержки бизнеса. Распространенная коррупция и бюрократические барьеры ограничивают возможности для легального предпринимательства.

Внешнеторговая зависимость определяет периферийное положение национального корпоративного сектора в глобальных цепочках добавленной

стоимости. Крайне низкий уровень внутрирегиональной торговли (около 2,7%) свидетельствует об отсутствии экономической интеграции и синергии между странами региона. Доминирование иностранных компаний в ключевых секторах экономики, сочетающееся с репатриацией прибыли, ограничивает возможности для накопления национального капитала и реинвестирования в местную экономику.

Инфраструктурные ограничения, включая недостаточно развитую транспортную сеть, энергодефицит и слабую цифровизацию, повышают издержки бизнеса и снижают его конкурентоспособность как на внутреннем, так и на внешних рынках.

В результате действия данных факторов национальный корпоративный сектор исследуемых стран Сахельско-Сахарского региона характеризуется структурной фрагментарностью, высокой зависимостью от сырьевого экспорта, слабой диверсификацией и ограниченной способностью к инновациям. Преодоление этих ограничений требует комплексных мер, направленных на улучшение институциональной среды, развитие человеческого капитала, модернизацию инфраструктуры и участие в региональной экономической интеграции.

2.2 Стратегическое позиционирование Сахельско-Сахарских государств в контексте региональной интеграции и глобальной транснационализации

Аfricanский континент в процессах глобализации занимает особое, продолжая оставаться источником привлечения и использования ресурсной базы, эксплуатируемой объединенными усилиями космополитического капитала и государств-метрополий, сохраняющих достаточно широкий набор экономических и политических средств неоколониального влияния.

Более того, в основу построения развитыми странами отношений со странами Африки и геоэкономического позиционирования континента

заложено широко распространенное убеждение, что объединение Европы и совместные усилия европейцев по колонизации Африки были двумя взаимодополняющими процессами. Африка может и должна быть освоена только Европой, а Европа может полностью раскрыть и сохранить свой потенциал только благодаря Африке. Идейные основы такого подхода сложились в межвоенный период и воплотились в антинациональном, космополитическом и либерально-прогрессистском проекте Паневропейского движения создания объединенной Европы. Контуры Общеевропейского союза, построенного на принципе общеевропейской исторической идентичности и заложенные в основы Европейского союза описаны в двадцатые годы австрийским политическим философом Ричардом Куденхове-Калерги [154]. Он же в 1929 году предложил идею Еврафрики, которая получила развитие и институциализацию после Второй мировой войны в документах Европейской организации угля и стали, а в 1956 году в Римском договоре о создании Общего рынка и договоре между ЕЭС и заморскими территориями европейских государств. Калерги считал, что европейская федерация требует использования «общих ресурсов», чтобы Европа могла развивать свои «великие африканские территории», что, в свою очередь, позволило бы Пан-Европе стать «способной жить для себя». Еврафрика стала бы «расширенной версией Европы, которая должна была включать в себя также европейские колонии», за исключением британских.

Паневропейский союз и движение существуют и действуют. По мнению его участников, Африка является естественной и необходимой частью geopolитической сферы Европы, частью, которую нужно сильнее связать с Европой и использовать объединенные европейские силы, чтобы в полной мере задействовать ее ресурсы [85]. Многие африканские государства приняли подобный подход, и он фактически реализовался на основе соглашений об ассоциации и многосторонних межгосударственных соглашениях о преференциальных торгово-экономических отношениях между ЕЭС и африканскими государствами. В 1963 году в соответствии с Конвенцией

Яунде в общей сложности восемнадцать независимых африканских государств одобрили многостороннее партнерство с ЕЭС, а по окончании второй Яундской конвенции к середине 1970-х годов, в соответствии с Ломейской конвенцией большинство африканских государств выбрали ассоциацию с ЕЭС [77].

В определяющей мере процветание Европы достигалось за счёт использования ресурсов стран Африки на протяжении веков [84]. Помимо привилегий, предусмотренных постколониальными договорами, например, Франция, как одна из ведущих колониальных метрополий, пользуется преимущественными правами при разработке любых обнаруженных природных ресурсов. Своими привилегиями Париж пользуется по сей день: например, более трети французского газа поступает с африканского континента [132]. С либерализацией торгово-экономических отношений и ростом концентрации капитала интересы развитых стран реализуют транснациональные компании.

Китайская Народная Республика (далее – КНР) демонстрирует наиболее масштабную и стратегически выверенную инвестиционную активность на континенте, включая исследуемые страны Сахельско-Сахарского региона [77]. В последнее десятилетие китайские компании активно вкладывают огромные средства в африканские страны, в частности, в импорт и торговлю, пищевую промышленность, бумажные фабрики, металлургические комбинаты и сельское хозяйство. Правительства африканских стран подписывают с КНР контракты на строительство крупных объектов, таких как дороги, мосты, небоскребы, аэропорты, железные дороги и больницы. Однако социальные, экономические и политические последствия этих инвестиций весьма противоречивы, и аналитики критически относятся к росту влияния Китая в Африке [24].

В силу низкой прозрачности и принципа невмешательства в локальную политику китайские проекты могут в большей степени использоваться местными элитами для преследования собственных интересов, что, в свою

очередь, может подрывать интересы людей. доверие к правительству. С другой стороны, усиление китайского экономического влияния может привести к ощущению, что проекты служат китайцам больше, чем местным жителям. Вместе с этим, китайские инвестиции создают рабочие места для местного населения, а бюджет получает больше денег от НДС, взимаемого с товаров, производимых и импортируемых китайцами [153].

В Сахельско-Сахарском отраслевая и страновая структура их присутствия транснациональных корпораций, представленная в таблице 11, позволяет раскрыть ряд особенностей экономического взаимодействия.

Таблица 11 – Транснациональные компании, представленные в странах Сахельско-Сахарского региона

Страна происхождения ТНК	Отрасль деятельности в Африке	Официальное название компании-примера
Китай	Строительство инфраструктуры	China Harbour Engineering Company (CHEC)
	Телекоммуникации	Huawei Technologies Co., Ltd.
	Нефтегазовая добыча	China National Petroleum Corporation (CNPC)
Франция	Энергетика и коммунальные услуги	Électricité de France (EDF)
	Горнодобывающая промышленность	Orano (Areva SA)
	Телекоммуникации	Orange S.A.
Великобритания	Нефтегазовая добыча	BP PLC
	Горнодобывающая промышленность	Anglo American plc
	Финансовые услуги	Standard Chartered Bank
США	IT и технологии	Microsoft Corporation
	Потребительские товары	The Coca-Cola Company
	Финансовые услуги	Citigroup Inc.
Индия	Фармацевтика	Sun Pharmaceutical Industries Ltd.
	Автомобильная промышленность	Tata Motors Limited
	Металлургия	ArcelorMittal
ЮАР	Телекоммуникации	MTN Group Limited
	Горнодобывающая промышленность	AngloGold Ashanti Limited
	Розничная торговля	Shoprite Holdings Ltd.
Россия	Ядерная энергетика	Государственная корпорация «Росатом»
	Алмазодобыча	АК «АЛРОСА» (ПАО)

Источник: составлено автором по материалам [173].

Доминирование компаний из бывших метрополий (Франция) и глобальных экономических лидеров (Китай, США) формирует асимметричную модель сотрудничества, где приоритет отдается сырьевому сектору и инфраструктурным проектам.

Значительная концентрация ТНК в нефтегазовой и горнодобывающей отраслях (BP PLC, Anglo American, CNPC) объективно усиливает сырьевую зависимость экономик региона, ограничивая возможности диверсификации и создания добавленной стоимости. Особую озадаченность вызывает ограниченность передачи технологий и слабое развитие производственной кооперации, что проявляется в отсутствии в регионе высокотехнологичных совместных предприятий и филиалов, ориентированных на глубокую переработку сырья. При этом отраслевая специализация по странам происхождения демонстрирует различные стратегии взаимодействия: от комплексного присутствия Китая, сочетающего инфраструктурные проекты (China Harbour Engineering Company) и телекоммуникации (Huawei), до узкоспециализированного участия России в ядерной энергетике («Росатом») и алмазодобыче («АЛРОСА»).

Проведение системного анализа крупнейших национальных компаний Африки, подобного рейтингу на 2025 год, ежегодно публикуемому изданием Jeune Afrique (англ. «Молодая Африка» — франкоязычный панафриканский новостной журнал), обладает существенной научной и прикладной значимостью для понимания современных экономических процессов на африканском континенте [199]. Данное исследование, основанное на верифицированных данных о выручке за 2023 финансовый год, собранных с более чем 1300 компаний из базы в 15 000 юридических лиц, служит не просто статистическим инструментом, а многофункциональным аналитическим ресурсом. Представленная автором в таблице 12 выборка из 57 компаний субрегиона демонстрирует чёткую иерархию экономического присутствия: абсолютным лидером является Кот-д'Ивуар (31 компания, 54,4%), за которым с заметным отрывом следуют Буркина-Фасо (8 компаний, 14%),

Сенегал (7 компаний, 12,3%), Гвинея (6 компаний, 10,5%) и Мали (5 компаний, 8,8%). Это количественное распределение отражает не только уровень развития национального корпоративного сектора, но и степень привлекательности стран для иностранных инвестиций, которые часто оформляются через локальные юридические лица.

Таблица 12 – Выборка по исследуемым странам из рейтинга крупнейших компаний африканского континента по объёму выручки на 2025 год

Текущий ранг (из 500 африканских компаний)	Предыдущий ранг в 2023 году	Страна	Компания	Сектор	Выручка (миллионы долларов США)	Чистая прибыль (миллионы долларов США)
1	2	3	4	5	6	7
34	38	Кот-д'Ивуар	SIR	Энергетика	4 299	162
57	68	Сенегал	GROUPE SONATEL	Телекоммуникации	2 755	564
67	92	Буркина-Фасо	SONABHY	Энергетика	2 247	86
109	112	Сенегал	SENELEC	Коммунальные услуги	1 421	нет данных
131	143	Мали	FECOLA MINE	Горнодобывающая	1 140	нет данных
139	151	Кот-д'Ивуар	SIFCA	Агробизнес	1 100	нет данных
147	128	Мали	SOCIÉTÉ DES MINES DE LOULO- GOUNKOTO	Горнодобывающая	1 068	388
152	158	Кот-д'Ивуар	ORANGE CÔTE D'IVOIRE	Телекоммуникации	1 044	нет данных
155	177	Кот-д'Ивуар	TOTALENERGIES MARKETING CÔTE D'IVOIRE	Энергетика	1 002	15
157	185	Сенегал	VIVO ENERGY SENEGAL	Энергетика	996	7
159	194	Сенегал	ORANGE SÉNÉGAL	Телекоммуникации	976	нет данных
162	261	Сенегал	INDUSTRIES CHIMIQUES DU SÉNÉGAL	Горнодобывающая	963	нет данных
173	209	Кот-д'Ивуар	VIVO ENERGY CÔTE D'IVOIRE	Энергетика	910	7
179	240	Кот-д'Ивуар	LONACI	Азартные игры и ставки	881	7
181	195	Кот-д'Ивуар	PETROCI	Энергетика	858	35
185	242	Сенегал	TOTALENERGIES MARKETING SÉNÉGAL	Энергетика	849	5
188	214	Мали	ORANGE MALI	Телекоммуникации	828	нет данных
191	184	Буркина-Фасо	ESSAKANE	Горнодобывающая	810	нет данных
208	246	Гвинея	ORANGE GUINÉE	Телекоммуникации	745	нет данных
216	232	Гвинея	SOCIÉTÉ MINIÈRE DE BOKÉ	Горнодобывающая	704	-31
220	250	Кот-д'Ивуар	PROSUMA GROUP	Розничная торговля	685	нет данных

Продолжение таблицы 12

1	2	3	4	5	6	7
226	241	Гвинея	COMPAGNIE DES BAUXITES DE GUINÉE	Горнодобывающая	675	нет данных
240	266	Кот-д'Ивуар	ITY GOLD MINE	Горнодобывающая	639	297
248	275	Буркина-Фасо	HOUNDÉ MINE	Горнодобывающая	614	262
255	259	Гвинея	SOCIETE AURIFERE DE GUINEE	Горнодобывающая	591	83
261	-	Сенегал	SABODALA-MASSAWA MINE	Горнодобывающая	571	181
262	287	Буркина-Фасо	ORANGE BURKINA FASO	Телекоммуникации	571	нет данных
263	-	Гвинея	VIVO ENERGY GUINÉE	Энергетика	570	-1
264	278	Кот-д'Ивуар	MTN CÔTE D'IVOIRE	Телекоммуникации	567	нет данных
278	313	Кот-д'Ивуар	SOLIBRA	Агробизнес	529	26
285	368	Мали	CMDT	Агробизнес	510	6
286	284	Кот-д'Ивуар	YAOURÉ GOLD MINE	Горнодобывающая	510	321
292	347	Кот-д'Ивуар	SOCIÉTÉ DES MINES D'ITY	Горнодобывающая	490	135
296	342	Кот-д'Ивуар	GROUPE PORTEO	Строительство	485	нет данных
319	351	Кот-д'Ивуар	CIE	Коммунальные услуги	434	2
326	315	Кот-д'Ивуар	SMB	Строительство	421	29
333	360	Кот-д'Ивуар	SOCIÉTÉ DES MINES DE TONGON	Горнодобывающая	411	30
339	341	Мали	SYAMA MINE	Горнодобывающая	402	62
342	347	Буркина-Фасо	SONABEL	Коммунальные услуги	400	11
364	347	Кот-д'Ивуар	SANIA CIE	Агробизнес	380	нет данных
370	349	Кот-д'Ивуар	PALM-CI	Агробизнес	368	33
376	359	Кот-д'Ивуар	SIPH	Агробизнес	351	11
378	387	Буркина-Фасо	LONAB	Азартные игры и ставки	349	45
381	381	Кот-д'Ивуар	NESTLÉ CÔTE D'IVOIRE	Агробизнес	346	28
385	-	Кот-д'Ивуар	CENTRAL TRADING OP	Розничная торговля	340	нет данных
387	377	Гвинея	SOCIÉTÉ MINIÈRE DE DINGUIRAYE	Горнодобывающая	338	-1
400	405	Кот-д'Ивуар	PETROIVOIRE	Энергетика	321	1
407	454	Кот-д'Ивуар	CFAO AUTOMOTIVE CI	Автомобильная	306	11
417	439	Кот-д'Ивуар	SODECI	Коммунальные услуги	298	8
424	364	Буркина-Фасо	MANA GOLD MINE	Горнодобывающая	290	15
427	263	Кот-д'Ивуар	SITAB	Агробизнес	289	21
457	473	Кот-д'Ивуар	PORT AUTONOME D'ABIDJAN	Транспорт и логистика	241	46
462	456	Буркина-Фасо	MOOV AFRICA BURKINA	Телекоммуникации	237	36
469	-	Сенегал	MAKO MINE	Горнодобывающая	230	39
476	-	Кот-д'Ивуар	SOCIÉTÉ DES MINES DE FLOLEU	Горнодобывающая	220	91
493	-	Кот-д'Ивуар	CULTURA	Розничная торговля	200	нет данных
498	-	Кот-д'Ивуар	ROXGOLD SANGO	Горнодобывающая	198	63

Источник: составлено автором по материалам [199].

Однако за цифрами скрывается общая для всего субрегиона структурная особенность: высокая степень транснационализации и иностранного контроля в ключевых секторах.

Будь то лидирующий Кот-д'Ивуар, где стратегические активы в телекоммуникациях и горнодобыче контролируются французскими и канадскими группами, или Сенегал с доминированием Sonatel (контроль Orange S.A.), или Буркина-Фасо с её энергетической монополией, интегрированной в глобальные цепочки поставок — экономический суверенитет каждой из этих стран в значительной степени ограничен влиянием внешних метрополий и транснационального капитала.

Даже относительно высокое представительство в рейтинге не является индикатором экономической независимости, а скорее отражает степень интеграции национальной экономики в глобальную систему под управлением иностранных корпораций.

В первую очередь, рейтинг выступает ключевым индикатором экономического развития и структурных трансформаций. Позволяя отслеживать динамику, секторальное распределение и географическую принадлежность ведущих предприятий, он объективно отражает уровень диверсификации экономики, её зависимость от сырьевого сектора (как, например, заметно представительство горнодобывающих компаний из Кот-д'Ивуара, Мали, Буркина-Фасо и Гвинеи) или, напротив, рост таких отраслей, как телекоммуникации (Sonatel, Orange в разных странах) и агробизнес (SIFCA, SIPH).

Во-вторых, исследование апробирует приведённое автором мнение и проливает свет на модели корпоративного управления, собственности и региональной интеграции. Данные рейтинга ярко иллюстрируют проникающее влияние транснациональных корпораций и капитала бывших метрополий на экономический ландшафт субрегиона. Так, ключевые телекоммуникационные активы часто контролируются иностранными

гигантами: Groupe Sonatel (Сенегал), занимающий второе место в рейтинге, на 42% принадлежит французской группе Orange S.A. Аналогично, ведущие горнодобывающие активы находятся под контролем международных игроков: Société des Mines de Loulo-Gounkoto (Мали) на 80% принадлежит канадской Barrick Mining Corporation. Эта тенденция демонстрирует, что формальная национальная принадлежность компаний часто скрывает структуры собственности, обеспечивающие влияние внешних метрополий на стратегическое управление и перераспределение прибыли. При этом наличие транснациональных групп (таких как Orange или TotalEnergies, работающих в нескольких странах) наглядно демонстрирует процессы региональной экономической экспансии и взаимозависимости, что является важным фактором для анализа зон интеграции.

В-третьих, данные позволяют выявлять системные риски и потенциальные точки роста национальных экономик. Рейтинг выявляет компании, играющие критическую роль в национальной безопасности и суверенитете, часто обладающие особым статусом. Яркий пример — Sonabhy (Буркина-Фасо), монополист на импорт и хранение углеводородов в стране. Подобные государственные или квазигосударственные структуры (как Senelec в Сенегале) являются одновременно стабилизаторами и потенциальными узлами уязвимости экономики. Высокая концентрация выручки в узком круге компаний или секторов, часто контролируемых извне, указывает на структурные уязвимости и зависимость от глобальных цепочек создания стоимости.

Помимо этого, исследование имеет прямое отношение к политике устойчивого развития. Крупнейшие национальные компании, как локальные (SIFCA), так и контролируемые ТНК (дочерние предприятия Orange), зачастую являются основными агентами социально-экономического воздействия: ключевыми работодателями, налогоплательщиками и субъектами, внедряющими экологические и социальные стандарты (ESG). Их финансовая результативность и стратегии, часто диктуемые головными

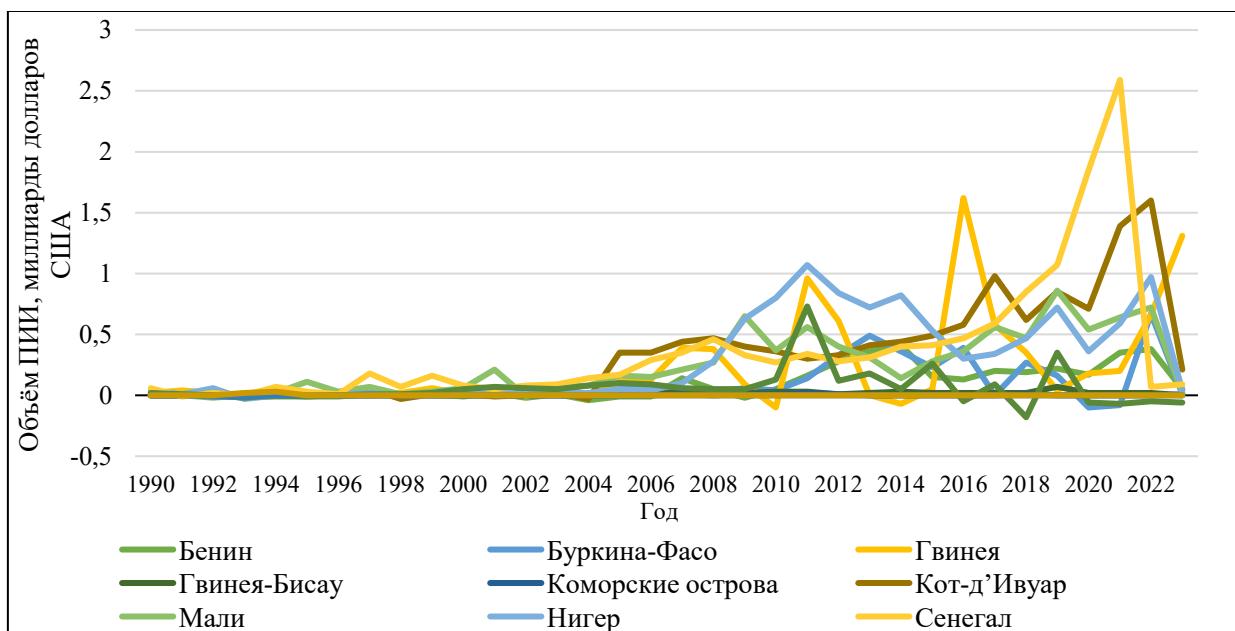
офисами в Париже, Торонто или Лондоне, напрямую влияют на достижение целей национального развития, создавая сложный симбиоз иностранного капитала и местных экономических задач.

Несмотря на формальное доминирование национальных компаний в экономиках своих стран, стратегическое управление и потоки капитала во многих критически важных секторах остаются под сильным влиянием транснациональных корпораций и капитала бывших метрополий. Это позволяет перейти от общих нарративов о «подъёме континента» к конкретному, основанному на данных, пониманию структурных сил, определяющих его текущее экономическое состояние, степень суверенитета и будущие траектории развития. Сложившаяся структура взаимодействия актуализирует необходимость выработки сбалансированного подхода, сочетающего привлечение иностранных инвестиций с защитой национальных экономических интересов. Перспективным направлением представляется разработка стратегий поэтапной локализации производства, стимулирование создания совместных предприятий с обязательным участием местного капитала и диверсификация сотрудничества с ТНК в сторону обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных отраслей. Это позволит трансформировать текущую рентно-сырьевую модель взаимодействия в партнерство, ориентированное на устойчивое развитие и укрепление экономического суверенитета стран региона.

Сахельско-Сахарский регион – это регион, чрезвычайно богатый природными ресурсами, количество которых никогда полностью не оценивалось, и многие из них до сих пор не используются: железные, медные, никелевые, марганцевые, сурьмяные, хромовые руды, а также богатые месторождения золота, серебра, платины, урана и алмазов.

Несмотря на зависимость от иностранной помощи Африка является чистым экспортёром капитала из-за уклонения от уплаты налогов и колоссальных сумм, спрятанных в налоговых убежищах [7]. На рисунке 18 представлены официальные цифры Всемирного банка об общем обороте

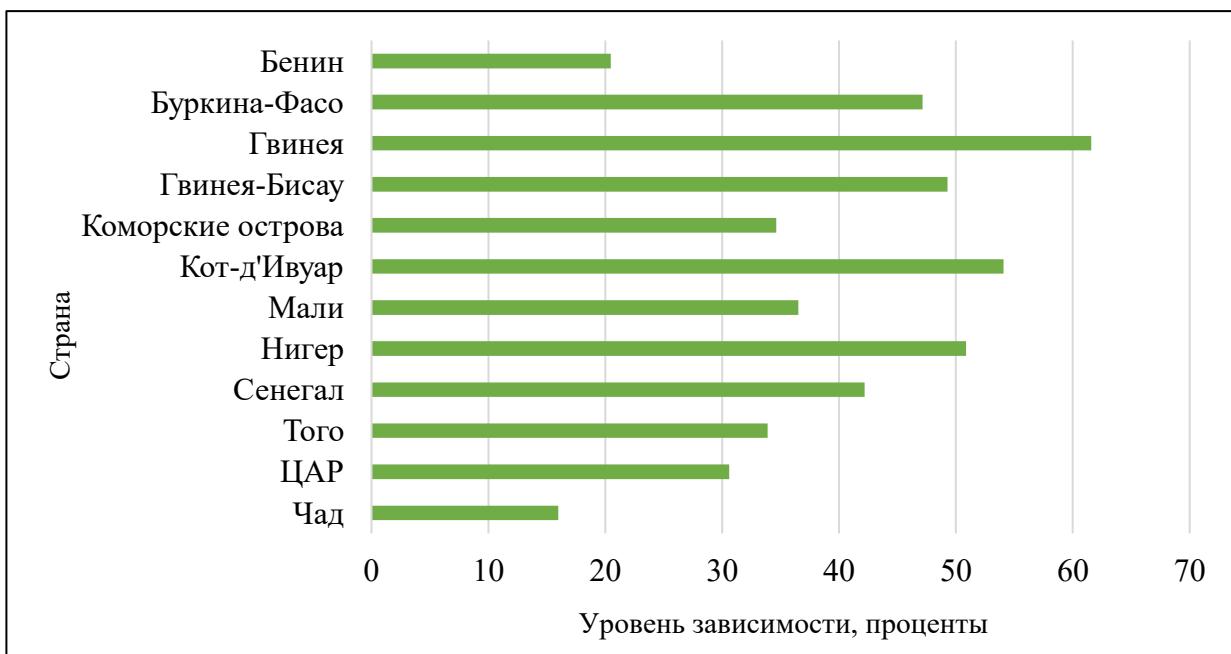
прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в период с 1990 г. по 2023 г., где отрицательные значения показывают отток инвестиций. В отдельных странах даже по официальным данным наблюдается отрицательный оборот ПИИ, что подтверждает вышесказанное. Эти выводы должны побудить страны ввести строгие правила в отношении многонациональных компаний и таких практик, как репатриация прибыли. Так, доля Африки в мировой торговле в последние годы все больше и больше сокращается и в настоящее время составляет менее 3% и охватывает лишь 5% от общего объема ввозимых ПИИ в мире [172].

Источник: составлено автором по материалам [192].
Рисунок 18 – Объем прямых иностранных инвестиций в исследуемых странах в период с 1990 по 2023 гг., млрд долларов США

На основании представленных данных становится очевидно, что зависимость экономик Сахельско-Сахарского региона от иностранных транснациональных корпораций приобрела характер системной уязвимости, подрывающей основы национального экономического суверенитета. Анализ рисунка 19 демонстрирует критический уровень доминирования иностранного капитала в корпоративном секторе, где национальные компании контролируют менее 30% совокупной выручки в большинстве стран региона. Данная зависимость стран Сахеля от иностранных ТНК была получена путём

соотношения выручки национальных компаний каждой страны к выручке компаний с иностранным участием.

Источник: составлено автором по материалам [47].
Рисунок 19 – Зависимость корпоративного сектора стран Сахеля от иностранных компаний, в процентах

Можно сделать вывод, что страны Сахельского региона обладают значительным, но недоиспользованным экономическим потенциалом, сталкиваясь при этом с комплексными вызовами структурного характера. Низкий уровень внутрирегиональной интеграции (около 2,7%) и сохраняющиеся риски политической нестабильности дополнительно ограничивают возможности устойчивого развития корпоративного сектора [209].

Участие стран Сахельско-Сахарского региона в ключевых интеграционных объединениях и системное влияние институциональной интеграции способствуют формированию единой корпоративной среды. Представленные в таблице 13 данные демонстрируют выраженную стратификацию стран по степени вовлечённости в международные организации - от максимальной интеграции (Буркина-Фасо, Нигер - 91%) до

минимальной (ЦАР - 18%), что создает разноскоростной режим гармонизации корпоративных стандартов.

Таблица 13 – Участие стран в ключевых для Сахельско-Сахарских государств интеграционных объединениях

Пересечение стран в выборках	Региональная экономическая интеграция							Политическое сотрудничество			Промышленные и отраслевые объединения		Уровень региональной интеграции (в количестве стран)	Уровень региональной интеграции (в процентах)
	OHADA	ECOWAS	UEMOA	OIC	ATIDI	BCEAO	G5 Sahel	AU	Council of the Entente States	League of Arab States	EITI			
Бенин	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	8	73	
Буркина-Фасо	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	10	91	
Гвинея	1	1	0	1	0	0	0	1	0	0	1	5	46	
Гвинея-Бисау	1	1	1	1	0	1	0	1	0	0	0	6	55	
Коморские острова	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	3	27	
Кот-д'Ивуар	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	1	7	64	
Мали	1	0	1	1	1	1	1	1	0	1	1	9	82	
Нигер	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	10	91	
Сенегал	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0	1	8	73	
Того	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	1	9	82	
ЦАР	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2	18	
Чад	1	0	0	1	1	0	1	1	0	0	1	6	55	
Итого	12	6	8	11	8	8	4	12	5	3	8			
Уровень региональной интеграции (в среднем количестве объединений)	8,8							7			5,5		–	
Уровень региональной интеграции (в процентах)	73							58			46			

Источник: составлено автором по материалам [141; 142; 148; 151; 156; 160; 176; 182; 183; 185; 194].

Ключевые объединения, формирующие это поле, можно структурировать по следующим направлениям:

- Региональная экономическая интеграция, где особую роль играет Организация по гармонизации коммерческого права в Африке (далее – фр. Organisation pour l'Harmonisation en Afrique du Droit des Affaires, OHADA), создающая унифицированное правовое поле для ведения бизнеса [182], Экономическое сообщество стран Западной Африки (далее – англ. Economic Community of West African States, ECOWAS) [156], Организация исламского сотрудничества — международная организация для укрепления солидарности и координации социально-экономической политики между странами-членами (далее – англ. Organisation of Islamic Cooperation, OIC) [183], и Западноафриканский экономический и валютный союз (далее – фр. Union économique et monétaire ouest-africaine, UEMOA), обеспечивающие координацию макроэкономической и торговой политики [194]. Финансово-экономическая интеграция представлена такими ключевыми институтами, как Центральный банк государств Западной Африки (фр. Banque Centrale des États de l'Afrique de l'Ouest, BCEAO), который обеспечивает валютную стабильность и проводит единую денежно-кредитную политику в зоне франка КФА [148].
- Политическое сотрудничество, в рамках которого Африканский союз (далее – англ. African Union, AU) задает общие стратегические ориентиры развития континента [142], также Совет Антанты (далее – фр. Council of the Entente States) — субрегиональная организация, ориентированная на развитие многостороннего сотрудничества в Западной Африке [185]. Особое место занимает «G5 Сахель» (далее – англ. G5 Sahel) – межправительственная организация, созданная для координации политики в области безопасности и совместного развития в Сахельском регионе, что оказывает прямое влияние на инвестиционный климат и операционные риски бизнеса [151].

– Промышленные и отраслевые объединения, такие как Инициатива прозрачности добывающих отраслей (далее – англ. Extractive Industries Transparency Initiative, EITI), способствующие повышению стандартов корпоративной ответственности в ключевых для региона сырьевых секторах [160], Африканская организация по страхованию торговли и инвестиций (далее – англ. African Trade and Investment Development Insurance, ATIDI), специализируется на страховании рисков в сфере торгового и инвестиционного финансирования на африканском континенте [141], Арабская лига (далее – англ. League of Arab States) – объединение, способствующее укреплению политического и экономического взаимодействия арабских государств региона [176].

Доминирующую роль в формировании общей деловой среды играют экономические объединения, в частности Зона франка КФА (ВСЕАО) и Западноафриканский экономический и валютный союз (далее – УЕМОА), охватывающие 8 из 12 стран. Данные организации создают институциональный каркас для унификации: финансовой отчетности и аудиторских стандартов, налогового администрирования и таможенных процедур, регулирования корпоративного управления, защиты прав инвесторов [64]. Особенno показателен контраст между странами зоны франка КФА, демонстрирующими высокие показатели интеграции (73-91%), и государствами с национальными валютами (Гвинея, Коморские острова), чья вовлеченность не превышает 46-55%. Даный факт подтверждает корреляцию между валютной интеграцией и глубиной гармонизации корпоративных стандартов.

Присутствие в таких политических объединениях, как Африканский союз (AU – 100% охват) и G5 Sahel, создает основу для разработки единых подходов к регулированию предпринимательской деятельности. Страны с максимальным уровнем интеграции (Буркина-Фасо, Мали, Нигер) формируют устойчивое ядро, транслирующее унифицированные стандарты корпоративного поведения на весь регион. При этом ограниченное участие

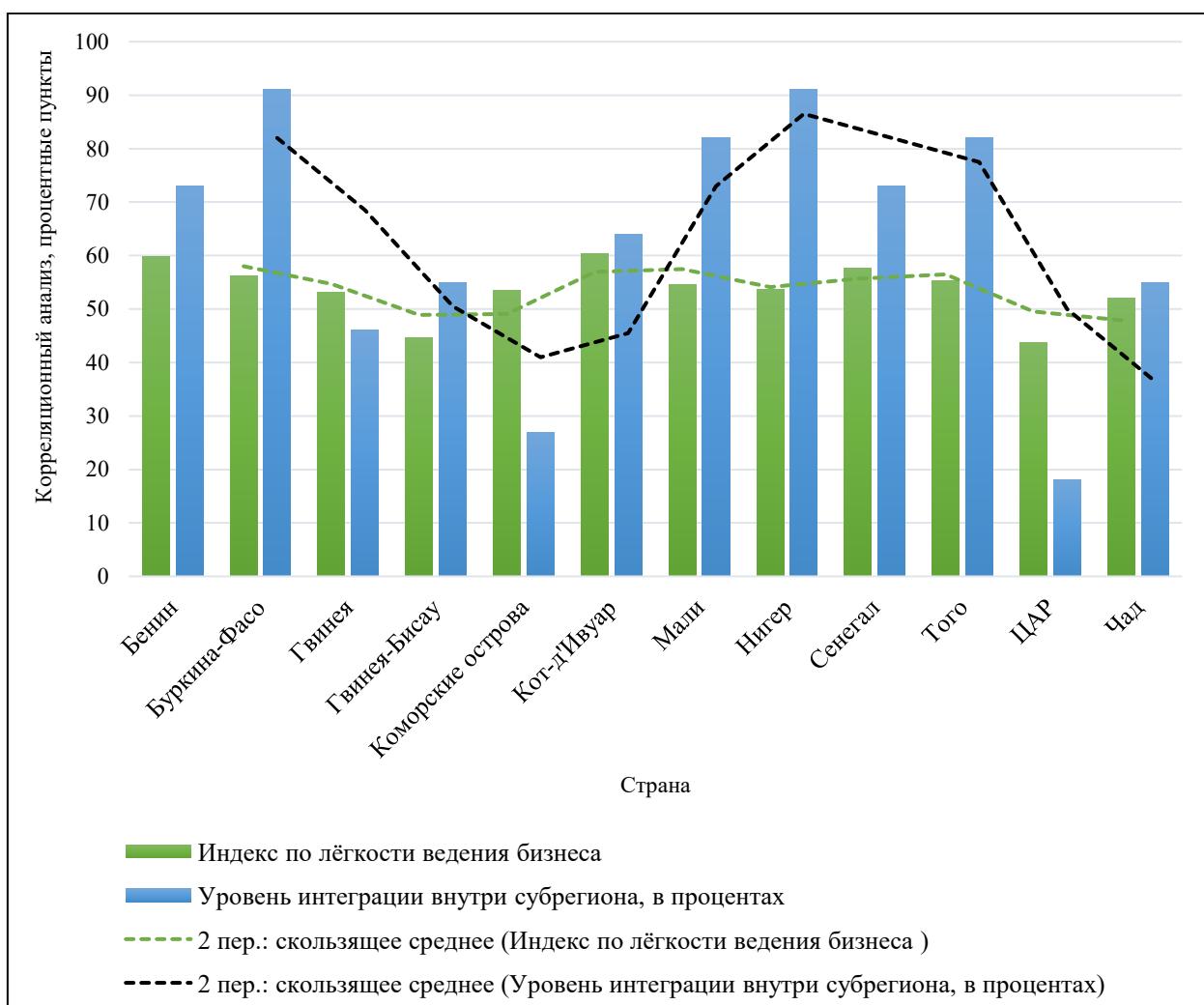
ЦАР и Коморских островов в ключевых политических объединениях создаёт институциональные разрывы, затрудняющие формирование единого правового поля для трансграничной корпоративной деятельности.

Участие в организации «Инициатива прозрачности добывающих отраслей» (далее – EITI), охватывающей 8 стран, способствует выработке единых стандартов корпоративной социальной ответственности [12], прозрачности и управления в ключевых для региона сырьевых отраслях. Это создает основу для формирования специализированных элементов корпоративной культуры, адаптированных к отраслевой специфике при одновременной гармонизации базовых принципов корпоративного управления.

Наблюдаемая значительная дифференциация уровней интеграции (от 18% до 91%) создает сложную мозаику корпоративных сред, где компании, работающие в нескольких странах региона, сталкиваются с необходимостью адаптации к разнородным регуляторным требованиям. Страны с высокой интеграционной активностью (Буркина-Фасо, Нигер, Мали, Того - 82-91%) естественным образом формируют «стандарт де-факто» для корпоративных практик, в то время как государства с низким уровнем интеграции (ЦАР, Коморские острова) рисуют оказаться на периферии формирующегося общего корпоративного пространства. Таким образом, многоуровневое участие в интеграционных объединениях выступает ключевым фактором формирования единой корпоративной культуры в Сахельско-Сахарском регионе. Формируются механизмы гармонизации стандартов корпоративного управления, финансовой отчетности и деловой этики. Однако существующая асимметрия интеграции обуславливает характер данного процесса, создавая как возможности для поступательной гармонизации через «интеграционное ядро», так и риски фрагментации регионального корпоративного пространства.

Эмпирические данные, представленные на рисунке 20, визуализируют устойчивую положительную корреляцию между степенью вовлеченности

стран Сахеля в субрегиональные объединения и показателями благоприятности их деловой среды. Представленная зависимость позволяет выдвинуть тезис о том, что интеграция является значимым институциональным фактором, снижающим транзакционные издержки и формирующим более предсказуемые условия для функционирования корпоративного сектора. Государства с более высоким процентом интеграционной активности (такие как Буркина-Фасо, Нигер, Того и Мали, чьи показатели интеграции превышают 80%) систематически демонстрируют и более высокие значения в рейтинге легкости ведения бизнеса. Это позволяет утверждать, что многостороннее участие в экономических, политических и отраслевых объединениях создает синергетический эффект.

Источник: составлено автором по материалам [173].
Рисунок 20 – Корреляционный анализ индекса легкости ведения бизнеса и уровня субрегиональной экономической кооперации, 2023 г.

Через гармонизацию законодательства, унификацию таможенных и административных процедур, а также создание общих надзорных органов, интеграционные платформы способствуют формализации и стандартизации правил игры, что напрямую отражается на улучшении позиций стран в международных рейтингах. Напротив, страны с минимальным уровнем интеграционного участия (порядка 20-30%) закономерно занимают нижние позиции по индексу легкости ведения бизнеса [169]. Их относительная институциональная изоляция приводит к сохранению уникальных, зачастую избыточно сложных и непрозрачных национальных регуляторных режимов, что создает барьеры для входа на рынок, увеличения инвестиций и развития трансграничных корпоративных структур. Многие страны Африки теряют веру в легитимность и справедливость международной системы, которая не дает им адекватного голоса в мировых вопросах и не решает в достаточной мере их основные проблемы. Для многих государств эти неудачи глубоко связаны с Западом. Они считают, что возглавляемый Западом порядок характеризуется постколониальным доминированием, двойными стандартами и невниманием к проблемам развивающихся стран. Преодоление сложившейся модели зависимости требует не просто изменений, а глубокой структурной трансформации экономик региона на основе стратегического планирования, усиления регуляторного потенциала государств и развития региональной кооперации.

В свою очередь, проведенный анализ позволяет констатировать, что интеграционные объединения выполняют системообразующую функцию в формировании институциональной среды корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона. Многоуровневое участие стран в экономических, валютных и политических объединениях создает механизмы гармонизации корпоративных стандартов, финансовой отчетности и регуляторных требований. При этом выявлена устойчивая корреляция между глубиной интеграции, особенно в валютной сфере, и степенью унификации корпоративных практик. Ключевым результатом исследования стало

выявление асимметричного характера интеграционных процессов, где страны «интеграционного ядра» (Буркина-Фасо, Мали, Нигер, Того) с показателями интеграции 82-91% формируют стандарты де-факто для всего региона. Одновременно сохраняющиеся институциональные разрывы с периферийными государствами (ЦАР, Коморские острова с интеграцией 18-55%) создают риски фрагментации единого корпоративного пространства.

Полученные выводы имеют существенное значение для понимания механизмов формирования экономического суверенитета, демонстрируя, что стратегическая координация в рамках интеграционных объединений позволяет странам региона не только гармонизировать корпоративную среду, но и усиливать свои переговорные позиции во взаимодействии с транснациональными корпорациями.

2.3 Факторы обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств

Экономический суверенитет государства формируется под влиянием комплекса эндогенных и экзогенных детерминант, включая объём и структуру национальных природных ресурсов, внешнеэкономические условия, а также институциональные и макроэкономические рамки, создаваемые государственной политикой. Достижение устойчивого суверенитета предполагает формирование сбалансированной системы макроэкономических стимулов, подкреплённых глубокими структурными преобразованиями.

Ключевым элементом такой системы является либеральная внешнеторговая политика, направленная на усиление эластичности предложения и повышение адаптивности экономики к изменениям глобальной конъюнктуры.

Эффективная реализация данной стратегии требует создания институциональных условий, способствующих диверсификации производства, развитию человеческого капитала и интеграции в

международные цепочки добавленной стоимости на условиях, обеспечивающих национальные конкурентные преимущества.

Развитию национального корпоративного сектора в исследуемом субрегионе препятствуют ограничительные торговые режимы и медленный рост дохода на душу населения, удалённость региона от основных рынков и высокая стоимость транспортировки. Корпоративный сектор в странах Сахельско-Сахарского региона развивается в таких направлениях, как: сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, здравоохранение, финансовые технологии, финансовые услуги и страхование, электронная коммерция, энергетика и коммунальные услуги, недвижимость.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый ранее, торговля Сахельско-Сахарского региона в среднем остаётся более протекционистской, чем торговля её партнеров или конкурентов. Тарифы – наиболее широко используемая мера торговых ограничений – являются самыми высокими в Африке в целом и в субрегионе в частности и составляют в среднем 20% [4]. Для привлечения иностранных инвестиций необходима прозрачная, либеральная и ориентированная на внешние рынки торговая политика. Потоки частного капитала в африканские страны выросли гораздо меньше, чем в другие развивающиеся страны, и регион остался в стороне от выгод, которые часто сопровождают такие потоки, например, передача технологий, управление организационной структурой, а также создание рабочих мест.

Для достижения более высоких показателей африканским странам необходимо решить ряд проблем: например, плохое здравоохранение и образование, отсутствие физической инфраструктуры и нехватку капитала.

Однако крайне важно иметь соответствующие условия макроэкономических стимулов и дополнительную структурную политику.

Решающими факторами являются: фискальные и монетарные меры, которые способствуют стабильности цен и стимулируют сбережения и инвестиции, жизнеспособная текущая платёжная позиция и структурные меры, которые способствуют экономической эффективности. Не менее важно

доверие к реформам и восприятие их жизнеспособности. Таким образом, чтобы стимулировать внешнюю торговлю и инвестиции, государства субрегиона должны сосредоточиться на следующих мерах:

- Направить государственные расходы на развитие здравоохранения и образования.
- Реформировать финансовый сектор.
- Приватизировать компании и экономические активы государственного сектора.
- Провести институциональные реформы, которые обеспечат соответствующее развитие и осуществимое определение прав собственности.
- Обеспечить лучшее управление, большую прозрачность и подотчётность.

Также важно развитие сектора услуг для того, чтобы сделать его более эффективным за счёт реформы внутреннего регулирования. За последние годы услуги стали самым быстрорастущим сектором торговли и жизненно важны в качестве промежуточных ресурсов производства. Развитие торговли услугами может облегчить передачу навыков и новых технологий. В то же время развитие технологий и инноваций означает, что можно продавать большее количество услуг, поскольку компании размещают свои производственные процессы по всему миру, успех компаний все больше зависит от эффективного предоставления таких услуг, как транспорт, связь и финансы.

Результаты в сфере африканского экспорта будут зависеть, прежде всего, от внутренней экономической политики стран региона. Однако также важно иметь более широкий доступ к рынкам промышленно развитых стран, поскольку это дало бы африканским странам дополнительный стимул для реформирования своей внутренней политики. Хотя они предлагают в целом открытые рынки, промышленно развитые страны склонны вводить ограничения на импорт сельскохозяйственной продукции именно там, где сосредоточена большая часть экспортного потенциала Африки.

Следует также отметить, что нетарифные барьеры в виде поддержки цен производителей, экспортных субсидий и маркетинговых соглашений исключают импорт сельскохозяйственной продукции. Эти меры фактически представляют собой субсидию сельскому хозяйству, которая в среднем достигает – по оценкам – 1,5% ВВП стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) [180; 181].

Существование торговых преференций для развивающихся стран является вторым аспектом торговой среды, имеющим особое значение для Сахельско-Сахарского региона.

Во-первых, данные соглашения обычно затрагивают товары с небольшой добавленной стоимостью, для которых тариф РНБ уже низкий или вообще отсутствует.

Во-вторых, применение экспортных преференций для сырья, наряду с более высокими тарифами по мере увеличения добавленной стоимости, препятствует диверсификации экспорта в сторону экспорта с большей добавленной стоимостью.

В-третьих, доступ к рынкам промышленно развитых стран часто ограничивается сложными административными требованиями, которые африканским экспортерам трудно выполнить.

В-четвёртых, преференции в рамках двух систем применяются к конкретным продуктам, не являются обязательными и могут быть приостановлены по усмотрению властей промышленно развитых стран. Следовательно, доступ к рынку не определен и препятствует долгосрочным инвестициям в экспортные отрасли. Наконец, развивающиеся страны с более высокими доходами, как правило, получают больше выгод от преференций, чем более бедные страны.

Анализ представленных данных позволяет выявить глубинные системные взаимосвязи между институциональными ограничениями и стратегическими рисками для корпоративного сектора стран Сахеля.

Помимо указанных факторов, ключевым вызовом остается структурная фрагментация экономического пространства, проявляющаяся в несовместимых технических стандартах, налоговых режимах и противоречащих друг другу регуляторных требованиях соседних государств.

Данная фрагментация искусственно дробит и без того ограниченные рынки, повышая транзакционные издержки и делая нерентабельными кросс-границы инвестиции даже для национальных компаний внутри региона.

В совокупности данные факторы, приведенные в таблице 14, формируют систему взаимно усиливающих ограничений, требующих комплексного подхода к их преодолению через согласованные действия на национальном и региональном уровнях, сочетающие институциональные реформы, инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру, а также стратегическую диверсификацию экономик.

Важным аспектом является кумулятивный эффект накладывающихся ограничений. Например, инфраструктурный дефицит (перебои с электричеством) в сочетании с коррупцией при получении подключения и дефицитом кадров создает замкнутый круг: даже при наличии финансирования невозможно развернуть современное производство. Это объясняет факт того, почему прямые иностранные инвестиции зачастую обходят стороной обрабатывающие отрасли, предпочитая менее зависимые от системных условий проекты в добывающем секторе или логистике.

С правовой точки зрения, проблема заключается не только в нестабильности законодательства, но и в его архаичной структуре, не учитывающей современные бизнес-модели (цифровые платформы, удаленная работа, зеленые технологии). Правовой вакуум в этих сферах вынуждает компаний либо работать в серой зоне, либо полностью зависеть от регуляторных преференций, получаемых крупными ТНК через лоббистские каналы, что еще больше усиливает неравенство условий конкуренции.

Таблица 14 – Институциональные ограничения и последствия для корпоративного сектора на примере исследуемых стран

Виды	Категория институциональных ограничений	Конкретные проявления	Примеры стран	Последствия для бизнеса
Правовые и регуляторные	Нестабильное законодательство	Частые изменения налоговых кодексов, непредсказуемые запреты на экспорт/импорт	Нигер, Мали, Чад	Рост транзакционных издержек; отток иностранных инвестиций
	Коррупция и бюрократия	Множественные разрешительные процедуры, неформальные платежи за доступ к ресурсам	Буркина-Фасо, Бенин, Того	Снижение конкурентоспособности локальных компаний
Социально-политические	Конфликты и небезопасность	Деятельность террористических групп, межэтнические столкновения	Мали, Буркина-Фасо	Разрушение производственных цепочек, эвакуация бизнеса
	Дефицит квалифицированных кадров	Низкий охват профессиональным образованием, утечка кадров в Европу	Чад	Трудности с внедрением технологий
Внешние	Зависимость от иностранных монополий и бывших метрополий	Контроль ТНК над стратегическими отраслями (нефть, уран), утечка капитала и технологий, валютная зависимость (CFA франк)	Нигер (уран), Гвинея (бокситы) Сенегал	Вытеснение локального бизнеса с прибыльных секторов
Экономические	Слабость местного корпоративного сектора	Отсутствие крупных национальных компаний, зависимость банков от иностранного капитала	Нигер, Чад, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Сенегал	Зависимость от ТНК в стратегических отраслях, ограниченный доступ к кредитам для местного бизнеса
	Раздробленность региональных рынков	Торговые барьеры между странами Сахеля, конкуренция за иностранные инвестиции	Мали, Чад, ЦАР, Буркина-Фасо, Нигер	Высокие издержки межрегиональной торговли
	Ограниченный доступ к финансам	Высокие ставки по кредитам, отсутствие венчурных фондов	Сенегал, Гвинея-Бисау, Коморские острова	Замедление технологической модернизации
	Инфраструктурные дефициты	Перебои с электричеством плохие дороги, отсутствие логистических хабов	ЦАР, Нигер	Рост себестоимости продукции на 15-40%
	Зависимость от сырьевого экспорта	Доминирование нефти/руды в ВВП (до 80%), экспорт 1-2 товаров (>30% ВВП)	Кот-д'Ивуар (какао), Того (фосфаты)	Уязвимость к колебаниям цен на сырье

Источник: составлено автором.

Оригинальность разработанной автором классификации институциональных ограничений обусловлена её многокритериальным характером, синтезирующим количественные параметры интеграции (уровень участия в региональных объединениях, показатели индексных оценок) с качественными факторами системной уязвимости (сырьевая зависимость, инфраструктурный дефицит, административные барьеры).

В отличие от существующих подходов, фокусирующихся на отдельных аспектах ограничений, предложенная типология:

- Выявляет взаимосвязь между макроэкономической структурой (доминирование ТНК в сырьевом секторе).
- Учитывает региональную специфику исследуемых стран через призму парадокса одновременной интеграционной фрагментации и экономической зависимости от внешних акторов.
- Содержит практико-ориентированный компонент – для каждой категории ограничений разработаны соответствующие механизмы преодоления.
- Данная классификация прошла апробацию на примере 12 стран региона, выявив чёткую корреляцию между уровнем транснационализации экономик (упрощённый индекс транснационализации) и структурой доминирующих ограничений, что подтверждает ее диагностическую ценность для исследований экономического суверенитета.

Реализация предложенного плана преодоления ограничений сталкивается с парадоксом институционального развития: для создания эффективных национальных институтов и госкорпораций уже требуются как минимум базовые институциональные условия — низкий уровень коррупции, профессиональная бюрократия, независимые суды. Разрешение этого парадокса возможно только через параллельное создание внешних механизмов контроля (например, через региональные надгосударственные структуры с реальными полномочиями) и точечное внедрение цифровых систем, исключающих человеческий фактор в ключевых областях (налоги,

таможня, регистрация бизнеса). Ввиду чего, системная трансформация корпоративного сектора в субрегионе зависит не столько от точечных мер, сколько от синхронизации реформ на макро- и микроуровне.

Разработанная и представленная в таблице 15 авторская типология раскрывает нелинейный характер воздействия данных ограничений, проявляющийся в эффекте институциональной синергии, когда отдельные барьеры мультилицируют свое негативное влияние через систему обратных связей.

Таблица 15 – Система реализации плана по преодолению институциональных ограничений в исследуемых странах

Виды	Шаги по преодолению	Механизмы реализации
Правовые и регуляторные	Гармонизация законодательства	Создание стабильного инвестиционного кодекса
	Внедрение цифровых госуслуг (далее – electronic governance или e-governance)	Антикоррупционные реформы, открытые тендеры
Социально-политические	Экономическая реинтеграция уязвимых групп, территориальное развитие зон стабильности, интегрированное управление границами	Создание экономических коридоров безопасности Механизмы местного посредничества
	Адаптивные системы профессионального образования, миграционные партнерства навыков, целевые программы повышения производительности	Мобильные учебные центры, отраслевые советы по квалификациям, системы прогнозирования потребностей в навыках
Внешние	Создание национальных госкорпораций, введение обязательной доли местного участия в проектах, переход на национальные валюты, диверсификация партнеров	Принятие закона о стратегических ресурсах, создание суверенных фондов развития, реформа центральных банков, заключение бартерных соглашений
	Создание «национальных лидеров» с господдержкой, развитие банков и локальных платежных систем	Льготное кредитование для приоритетных отраслей, законы о репатриации прибыли
	Формирование общего таможенного пространства, совместные инфраструктурные проекты (транссахарские транспортные коридоры)	Создание межгосударственных корпораций, гармонизация законодательств
	Развитие мобильных финансовых экосистем, создание многоуровневых гарантийных механизмов для МСП	Создание фондов частичных гарантий, разработка специальных налоговых режимов для репатриации капитала
	Оптимизация существующих транспортных коридоров, децентрализованные энергетические решения, модульные инфраструктурные проекты	Применение labor-based технологий в дорожном строительстве, создание инфраструктурных карт потребностей
Экономические	Введение прогрессивной шкалы экспортных пошлин. Создание кластеров перерабатывающей промышленности	Обязательные требования по локализации, специальные экономические зоны переработки, отраслевые фонды развития

Источник: составлено автором.

Ключевым условием успеха является не просто принятие новых законов или создание фондов, а формирование коалиции за изменения, включающей не только государственные органы, но и ассоциации местного бизнеса, международных инвесторов с долгосрочными интересами и гражданское общество для обеспечения общественного контроля.

Особой научной значимостью обладает выявленный парадокс интеграционной фрагментации – одновременное существование формальных интеграционных объединений и реальных препятствий для формирования единого экономического пространства.

Установлено, что ключевым системообразующим ограничением выступает не просто сырьевая зависимость, а стратегический разрыв между иностранным капиталом в экспортно-ориентированных секторах и национальным корпоративным сектором, что порождает модель «анклавного развития» с минимальным мультиплективным эффектом для местной экономики [78].

Достижение экономического суверенитета региона представляет собой сложный, итеративный путь институционального становления. Ключом к преобразованиям становится не механическое заимствование иностранных моделей, а выработка адаптивных решений, учитывающих специфику регионального социально-экономического ландшафта и направленных на поэтапное замещение внешней зависимости внутренними компетенциями и институтами.

Долгосрочная устойчивость экономик региона будет зависеть от их способности трансформировать сырьевое преимущество в технологический и человеческий капитал, обеспечив тем самым не просто независимость, а качественно новую позицию в системе глобальных экономических отношений [88].

Помимо этого, в рамках настоящего исследования проведена разработка и эконометрическая оценка расширенной гравитационной модели

международной торговли, адаптированной для анализа товарооборота между странами исследуемого субрегиона.

Методологическая основа исследования базируется на классической гравитационной модели Жана Тинбергена (1962 год) [154], модифицированной с учетом институциональных, логистических и географических особенностей развивающихся экономик.

Гравитационная модель призвана объяснить двусторонние торговые потоки в соответствии с их «силами притяжения». В рамках данного исследования гравитационная модель была модифицирована с целью учета специфики региональной экономической интеграции и институциональных факторов.

Для того, чтобы измерить влияние факторов на торговлю, автор выбирает модель дополненной гравитации, которая состоит из традиционных переменных, а именно расстояния, ВВП стран-экспортёров и импортёров, а также их соответствующего населения, в дополнение к фиктивным переменным для учета влияния других возможных факторов (языка, колониальной истории и так далее), представленные в таблице Г.1.

Данная модель позволила не только количественно оценить воздействие ограничений на торговые потоки, но и выявить ключевые точки приложения усилий для снижения транзакционных издержек и усиления региональной кооперации.

Таким образом, резюмируя выше сказанное, для измерения влияния факторов на состояние экономического суверенитета автором была разработана модель дополненной гравитации, которая состоит как из традиционных переменных, так и дополнена переменными, описывающими инфраструктурные факторы.

В приложении Г приведена полная информация о переменных, которые были использованы для оценки воздействия внешних факторов на торговлю исследуемого региона.

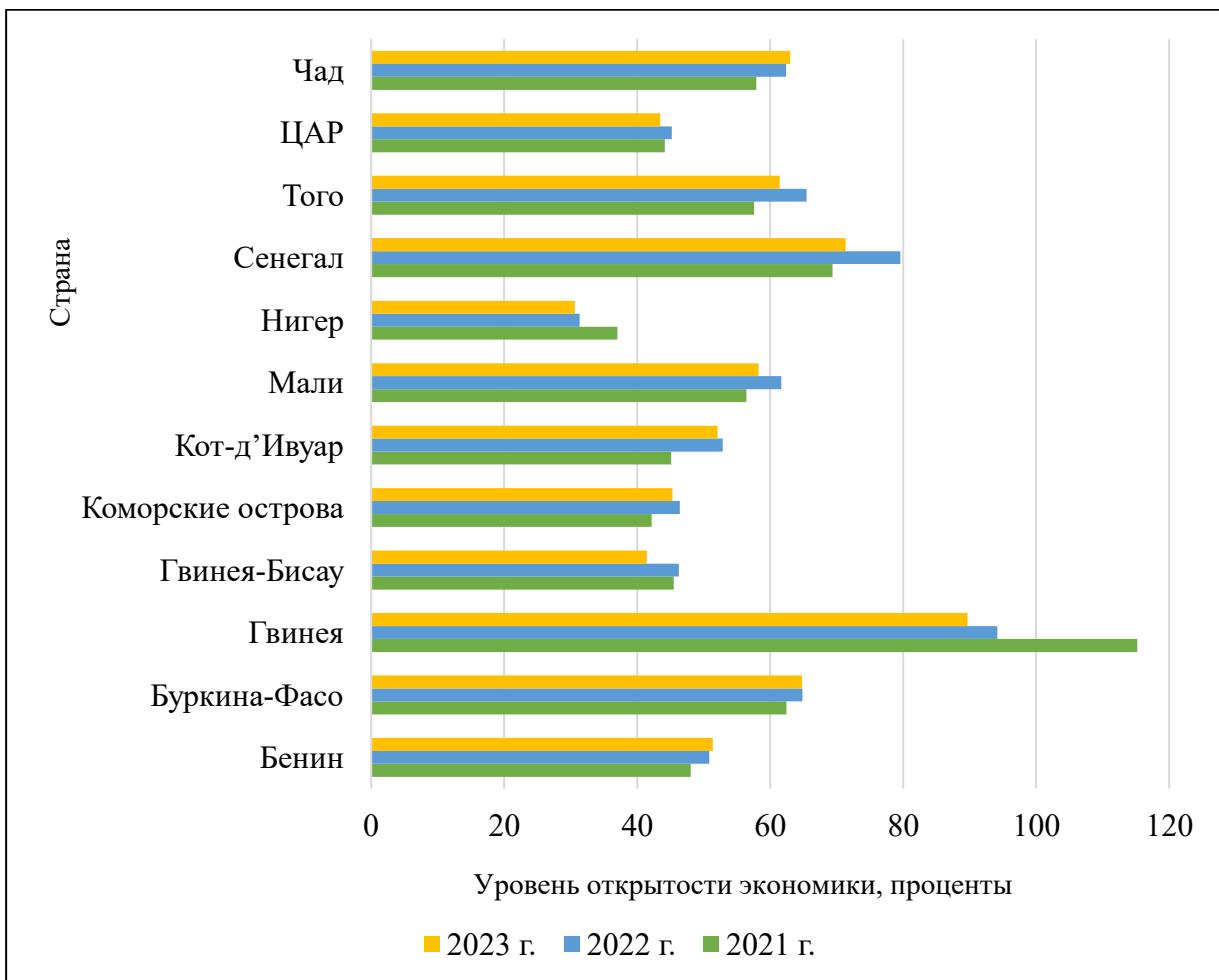
Исходная спецификация модели принимает следующую формулу (1)

$$\ln(Export_{ij}) = \alpha_0 + \sum_{k=1}^{16} \alpha_k X_{k,ij} + \sum_{m=1}^3 \beta_m Z_{m,ij}, \quad (1)$$

где $Export_{ij}$ – экспорт из страны i в страну j (млн долл. США);
 α_0 – константа (свободный член);
 X – независимые переменные (логарифмированные, кроме бинарных);
 Z – фиктивные переменные;
 α, β – коэффициенты регрессии;
нижние индексы i и j выполняют функцию идентификаторов парных взаимодействий между экономическими агентами, а индексы k и m являются показателями количественных (всего 16 штук) и фиктивных (бинарных) переменных (всего 3 штуки) соответственно.

Для расчёта гравитационной модели также использовались данные об открытости экономик стран Сахельско-Сахарского региона за 2021-2023 годы, которые являются ключевыми индикаторами, позволяющим оценить роль корпоративного сектора в формировании экономического суверенитета.

Автор приводит данные, представленные на рисунке 21, на которых наблюдается значительный разброс показателей, однако для большинства представленных стран (таких как Того, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Бенин) характерен крайне высокий уровень открытости, превышающий 50-60% ВВП, а в некоторых случаях достигающий 80-100%. Это свидетельствует о глубокой интеграции их экономик в глобальные цепочки создания стоимости. В контексте экономического суверенитета такая модель создает системные уязвимости.

Источник: составлено автором по материалам [47].

Рисунок 21 – Открытость экономики: объём экспорта и импорта в процентах от ВВП, в период с 2021 года по 2023 год

На диаграмме наблюдается значительный разброс показателей, однако для большинства представленных стран (таких как Того, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Бенин) характерен крайне высокий уровень открытости, превышающий 50-60% ВВП, а в некоторых случаях достигающий 80-100%. Это свидетельствует о глубокой интеграции их экономик в глобальные цепочки создания стоимости. В контексте экономического суверенитета такая модель создает системные уязвимости.

Разработанная гравитационная модель представляет собой практический инструмент для решения одной из ключевых проблем глобального развития – преодоления торговой изоляции наименее развитых регионов мира. Сахельско-Сахарский регион, в частности исследуемый

субрегион, характеризующийся экстремальными географическими барьерами, политической нестабильностью и структурными ограничениями экономического роста, служит полигоном для методологии, которая может быть масштабирована на другие периферийные регионы Африки, Азии и Латинской Америки. Модель демонстрирует, что даже в условиях, считающихся «неподдающимися» стандартному экономическому анализу, возможно построение точных прогнозных инструментов с уровнем ошибки всего 9,85% по критически важным торговым потокам, представленные в таблице 16.

Таблица 16 – Агрегированная оценка точности прогнозов гравитационной модели по торговым парам субрегиона

Характеристика	Количество страновых пар, штук	Уровень ошибки от количества всех страновых пар, в процентах
В пределах нормы	121	91,67
Отклонение от нормы	11	8,33
Итого	132	100

Источник: составлено автором.

Факт того, что 121 из 132 торговых пар (91,67%) смоделированы с отклонением в пределах нормы, имеет принципиальное научное и практическое значение. Это свидетельствует о высокой объясняющей способности гравитационной модели в условиях развивающегося региона, где торговля подвержена влиянию множества формальных и неформальных факторов. Достигнутый уровень точности подтверждает, что базовые детерминанты торговли — географическая дистанция, экономический масштаб, наличие общих границ и институциональная схожесть — сохраняют свою прогностическую силу даже при наличии структурных ограничений и несовершенств статистического учёта.

Каждый значимый коэффициент в уравнении модели количественно отражает влияние конкретного фактора — будь то снижение торговли из-за удалённости или её рост благодаря участию в региональных объединениях.

Таким образом, модель служит не только инструментом прогнозирования, но и средством верификации теоретических предположений о природе торговых потоков в субрегионе.

Что же касается 11 случаев (8,33%), где отклонение вышло за пределы нормы, они не являются недостатком модели, а, напротив, указывают на зоны особой экономической динамики или статистических аномалий.

Как правило, эти пары связаны:

1) С транзитными и реэкспортными операциями (например, потоки через Кот-д'Ивуар или Сенегал в Мали), которые официальная статистика может учитывать как прямой экспорт, хотя их объём и структура определяются логистикой третьих стран.

2) С влиянием узкой товарной специализации, когда торговля одной-двумя ключевыми позициями (нефтепродукты, минералы) резко колеблется из-за изменения мировых цен или внутреннего производства, что слабо улавливается агрегированными макроэкономическими переменными.

3) С действием внезапных политических, инфраструктурных или конъюнктурных шоков, не включённых в модель (например, открытие нового транспортного коридора, введение или отмена торговых ограничений).

Таким образом, данные «аномалии» выполняют важную диагностическую функцию: они выявляют наиболее чувствительные точки региональной торговой системы, требующие углублённого анализа, уточнения статистической методологии или целенаправленной политики – будь то гармонизация таможенных процедур, развитие логистической инфраструктуры или поддержка диверсификации экспорта.

Высокий общий процент точности (91,67%) позволяет считать модель надёжным инструментом для сценарного анализа и оценки потенциального эффекта от мер региональной интеграции, улучшения логистики или изменения макроэкономических условий. В таблице Г.4 представлен сравнительный анализ смоделированных данных с учётом выявленных отклонений от эмпирически установленной матрицы реального двустороннего

товарооборота между странами субрегиона за 2023 год, представленной в таблице 17. На основании результатов моделирования, можно констатировать, что гравитационная модель в целом адекватно воспроизводит структуру двусторонних торговых потоков в исследуемом субрегионе.

Таблица 17 – Матрица реального двустороннего товарооборота между странами субрегиона на 2023 год

В миллионах долларов США

Экспортёр → Импортёр	Бенин	Буркина-Фасо	Гвинея	Гвинея-Бисау	Коморские острова	Кот-д'Ивуар	Мали	Нигер	Сенегал	Того	ЦАР	Чад
Бенин	–	44,1	17,2	9,8	2,3	75,8	20,9	6,2	18,2	64,7	4,4	38,0
Буркина-Фасо	6,2	–	15,8	10,3	2,2	865,2	57,4	122,8	24,7	6,8	4,1	6,2
Гвинея	21,9	25,1	–	37,4	3,1	196,5	40,8	24,1	52,3	17,2	5	6,4
Гвинея-Бисау	7,5	15,2	9,9	–	2,3	832,8	57,4	115,6	25,9	6,9	4,2	6,4
Коморские острова	2,8	3,8	4,2	4,3	–	23,5	2,7	2,5	5,1	2,8	3,0	3,9
Кот-д'Ивуар	125,5	842,4	173,3	129,8	23,5	–	1548,5	122,4	354,8	106,8	26,5	34,3
Мали	3,0	108,6	41,9	19,8	2,6	148,3	–	78,9	92,8	11,3	4,8	7,4
Нигер	6,6	96,5	23,1	12,4	2,4	122,9	78,9	–	25,1	13,5	4,8	7,4
Сенегал	22,4	28,9	57,3	45,9	5,1	1314,2	1228,5	25,1	–	23,0	5,3	6,8
Того	11,1	17,6	5,5	10,6	2,8	14,4	11,6	13,5	5,7	–	3,0	3,9
ЦАР	0,8	1,2	1,2	1,3	0,8	7,6	1,2	1,2	1,3	0,8	–	4,7
Чад	0,4	1,3	1,2	1,3	0,9	9,8	1,4	1,4	1,4	0,9	4,7	–

Источник: составлено автором.

Для подавляющего большинства торговых пар прогнозные значения экспорта находятся в диапазоне систематического завышения относительно фактических данных, с типичной величиной ошибки от +10% до +15%, что в рамках исследования интерпретируется как «пределы нормы». Такая картина характерна для таких стран-экспортёров, как Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал и Того, что свидетельствует об устойчивости базовых взаимосвязей, заложенных в модель — отрицательного влияния расстояния и положительного влияния экономической массы (ВВП), общих границ и институциональных факторов. Вместе с тем, модель выявила несколько системных аномалий, где наблюдалась значительная недооценка реальных потоков. Однако ряд отклонений выходит за рамки нормы и

указывает на системные ограничения модели или особенности конкретных торговых пар.

Причины подобной недооценки могут быть многофакторными:

- Нерегистрируемые и неформальные торговые потоки. Особенно между соседними странами с протяженной границей (как в случае Кот-д'Ивуар–Мали). Официальная статистика может не учитывать значительные объемы приграничной и реэкспортной торговли, что приводит к занижению реальных данных, с которыми сравнивается модель.

- Узкая товарная специализация и «шоковые» факторы. Крупные потоки могут быть обусловлены несколькими ключевыми товарами (например, нефтепродукты, сельхозпродукция), динамика которых плохо улавливается агрегированными макроэкономическими переменными модели (ВВП, индекс экономической свободы). Внезапный рост спроса на конкретный товар или логистические проекты (например, новые транспортные коридоры) также могут резко увеличить торговый оборот.

- Ограниченностю учитываемых институциональных факторов. Модель включает такие переменные, как участие в региональных объединениях (CER), индекс трансграничной торговли (ТАВ) и логистики (LPI). Однако она может не полностью отражать влияние двусторонних торговых соглашений, политической воли к интеграции или неформальных бизнес-сетей, которые особенно сильны между исторически связанными странами.

- Транзитный статус и искажения учета. Страны-реэкспортеры (Бенин, Того) могут показывать завышенный «экспорт» в соседние страны, который фактически является транзитом товаров извне региона. Модель пытается учесть это через фиктивную переменную TRANSIT, но точность учета может быть недостаточной. Корпоративный сектор, ориентированный на экспорт сырья (например, какао в Кот-д'Ивуаре, хлопка в Бенине, полезных ископаемых в Гвинее), делает национальный доход крайне чувствительным к колебаниям мировых цен [184]. Падение цен на ключевой товар напрямую

подрывает бюджетную и макроэкономическую стабильность, лишая государство финансовой автономии.

Научно-прикладная ценность построенной гравитационной модели двусторонней торговли заключается в ее способности служить инструментом для сценарного анализа моделирования. Путем варьирования значений экзогенных переменных в рамках заданной спецификации модели можно количественно оценить потенциальное воздействие конкретных политических мер, институциональных реформ или изменений макроэкономических условий на объемы внутрирегионального экспорта.

Модель позволяет квантифицировать выгоды от улучшения институциональной и таможенной среды. Например, модель позволяет оценить потенциальный прирост торговли от распространения режимов региональной интеграции на новые пары стран. К примеру, оценка эффекта от вступления пары стран в дополнительное региональное объединение. Предположим, для пары стран, не имеющих статуса совместного участия в четырех и более сообществах ($CER=0$), этот показатель меняется на 1. Участие в региональных торговых соглашениях в среднем увеличивает взаимную торговлю на 30-80% [152]. Приняв консервативную оценку в 50% (коэффициент $\alpha_6 = \ln(1.50) \approx +0.41$), модель показывает, что углубление интеграции между парой стран (изменение CER с 0 на 1) может привести к росту экспорта в $\exp(0.41) \approx 1.51$ раза, то есть на 51%. Такой расчёт предоставляет экспертам конкретные количественные аргументы в пользу переговоров по новым соглашениям и позволяет приоритизировать партнёров, интеграция с которыми обещает наибольший мультипликативный эффект.

Ввиду чего, несмотря на погрешности, модель служит инструментом для базового картирования торговых взаимосвязей и выявления стран-партнеров, торговля с которыми существенно ниже прогнозного потенциала (например, выявленные случаи значительной недооценки указывают на наличие неучтенных, но мощных драйверов обмена). Более того, модель позволяет количественно оценить вклад общих экономических сообществ (CER), общих

границ и языков в стимулирование торговли, что необходимо для обоснования интеграционной политики. Значительные расхождения между моделью и реальностью (как в случаях с Кот-д'Ивуаром и Сенегалом) не являются недостатком модели, а, напротив, выполняют диагностическую функцию, указывая исследователям и политикам на зоны, где требуются дополнительные изыскания: будь то неформальная экономика, действие специфических соглашений или проблемы сбора статистики.

Таким образом, представленная гравитационная модель выполняет роль не столько точного измерителя, сколько аналитического каркаса для системной оценки торговых потоков в субрегионе, выявления структурных закономерностей и точек роста, а также для оценки возможных эффектов от мер экономической политики, направленных на углубление региональной интеграции и снижение трансакционных издержек [178].

Исследование также иллюстрирует, что в странах Сахельско-Сахарского региона национальный корпоративный сектор в его текущем состоянии выступает скорее как «канал» внешней зависимости, нежели как «фундамент» экономического суверенитета. Ввиду чего, подчёркивается необходимость качественной трансформации национального корпоративного сектора – от пассивного участника глобальных сырьевых рынков к активному агенту по построению региональных производственных цепочек, диверсификации экономики и увеличению доли добавленной стоимости, создаваемой внутри региона.

Фундаментальным фактором обеспечения экономического суверенитета субрегиона является уровень инфраструктуры. В исследуемом субрегионе он является низким. Более того, ограниченность транспортных и торговых услуг увеличивают транзакционные и логистические издержки, делают продукцию неконкурентоспособной, ограничивают сельское производство и доступ людей к рынкам, оказывая негативное воздействие на экономику и уровень бедности.

Африканский континент в целом сталкивается с высокими транспортными и логистическими затратами [144]. Данные высокие затраты отчасти являются результатом дефицита инфраструктуры континента, включая землю, аэропорты, порты и железные дороги. Что же касается наземных маршрутов, которые представляют собой наиболее часто используемые средства транспорта в Африке. Следует отметить, что вся дорожная сеть в странах Африки к югу от Сахары составляет всего 204 км на 1000 км² площади поверхности (то есть эквивалентно 3,6 км дорог на 1000 жителей), из которых только 25% заасфальтированы, тогда как средний мировой показатель составляет 944 км на 1000 км² площади поверхности (то есть эквивалент 7 км на 1000 жителей) [111].

Аналогичная ситуация и на железнодорожном транспорте: тринадцать стран Сообщества Сахельско-Сахарских государств не имеют действующей железнодорожной сети. Плотность дорожной сети в большинстве стран колеблется от 30 до 50 на миллион жителей. Такая плотность железнодорожной сети в Африке остается очень низким по сравнению с другими регионами мира, такими как, например, Европа, где он составляет от 200 до 1000. Что касается портов, то в Африке действуют 64, остаются огромные проблемы, связанные с пропускной способностью и производительностью существующих сооружений, а также с расходами на погрузочно-разгрузочные работы. При этом затраты на обработку грузов в Африке в среднем на 50% выше, чем в других регионах мира. При обработке контейнеров эффективность составляет менее 20 движений/час по сравнению с 25–30 на современных терминалах по всему миру [111]. Кроме того, стоимость автомобильной перевозки грузов почти в четыре раза выше.

Данные статистики показывают, что с точки зрения эффективности логистики и качества транспортной и торговой инфраструктуры С имеют самый низкий балл, как показано в таблице 18. В частности, что касается качества транспортной и торговой инфраструктуры, которое является одним

из элементов, используемых для расчёта индекса эффективности логистики, статистика показывает, что большинство африканских стран входят в число стран мира с самыми низкими оценками. Индекс эффективности логистики по странам субрегиона представлен в приложении В.

Таблица 18 – Эффективность логистики и индекс качества инфраструктуры

Регионы	Индекс эффективности логистики	Индекс качества инфраструктуры
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	2,85	2,74
Европа и Центральная Азия	2,76	2,59
Латинская Америка и Карибский бассейн	2,74	2,52
Южная Азия	2,61	2,34
Ближний Восток и Северная Африка	2,50	2,32
К югу от Сахары	2,46	2,27

Источник: составлено автором по материалам [47].

Проблема с транспортной инфраструктурой в Африке связана не только с физическим дефицитом инфраструктуры, но и с отсутствием сообщения между автомобильными и железнодорожными линиями, а также плохим сообщением с портами [196]. Помимо этого, уровень телекоммуникационной инфраструктуры объясняет уровень индустриализации государств, влияние которого зависит от стадии развития. Наибольшие последствия зафиксированы в странах с доходом выше среднего и низким уровнем дохода. В целом, динамика внутриафриканской торговли во многом зависит от качества и наличия инфраструктуры. Инвестиции и структурные реформы являются ключом к достижению в области континентальной свободной торговли и региональной интеграции. Преодолев эти вызовы, Сахельский регион раскроет свой экономический потенциал и решит проблему стагнации внутрирегиональной торговли. Совместное применение модифицированной гравитационной модели и авторской классификации создает комплексный исследовательский инструментарий, где количественные оценки торговых потерь получают качественное институциональное объяснение, а

предлагаемые стратегические решения обретают конкретные точки приложения в рамках выявленных ограничений.

Страны Сахельско-Сахарского региона с широким спектром природных ресурсов, как отражено в таблице 19, распределённых по всему континенту, должны гарантировать жителям своих стран процветание, безопасность, всесторонний прогресс, и уверенность в развитии. Между тем именно в Африке обнаруживаются наибольшие экзистенциальные дефициты, как в плане недоедания населения, проблем со здоровьем, жилищных условий, неграмотности, безработицы и так далее. Кроме того, этот континент, как никакой другой в глобальном масштабе, практически постоянно становится жертвой широко понимаемой эксплуатации его более сильными странами мира [3].

Таблица 19 – Доходы от природных ресурсов в 2021 году

В процентах от ВВП

Страна	Доходы от природных ресурсов
Бенин	2,3
Буркина-Фасо	20,14
Гвинея	4,52
Гвинея-Бисау	10,43
Коморские острова	1,63
Кот-д'Ивуар	4,74
Мали	18,42
Нигер	6,41
Сенегал	4,4
Того	7,86
ЦАР	10,26
Чад	21,34

Источник: составлено автором по материалам [47; 197].

Проблемы в исследуемом субрегионе сложны и многогранны, причины этого следует искать как во внутреннем, зачастую очень тяжелом положении стран континента, так и за пределами самого континента. Главной отличительной чертой слабых африканских государств является некомпетентное, неэффективное осуществление власти правящими элитами, причины которого можно искать, во-первых, в так называемом наследие

колонизации, когда большинство коренного населения Африки южнее Сахары не имело возможности участвовать в осуществлении власти, а значит, не имело возможности исследовать секреты этого искусства [92]. И хотя процесс деколонизации продолжался с середины прошлого века и во многих «молодых» (новых) странах предпринимались попытки их демократизации, по разным причинам эта деятельность не принесла ожидаемых результатов. Рано или поздно на смену квазидемократическим правительствам пришли авторитарные военные режимы, ориентированные на политику насилия и террора. Это нашло отражение в целях образования, которые отдавали приоритет подготовке компетентных работников для реконструкции континента. Такие предположения могли применяться только во время военного положения, действовавшего в авторитарный период. Однако они явились основой для формирования государственного взгляда на образование как на процесс, который должен централизованно контролироваться и использоваться в государственных (общенациональных) целях.

Во-вторых, причиной такого положения вещей может быть и отсутствие многолетних демократических традиций, в результате чего даже там, где существуют демократические государственные структуры, на практике они лишены адекватных этой системе ценностей, поэтому трудно реализовать их. Отчёт «Свобода в мире», публикуемый ежегодно, показывает, что в 2019 году только 9 стран Африки к югу от Сахары воспринимались как «свободные страны» (Маврикий, Южная Африка, Ботсвана, Кабо-Верде, Намибия, Сан-Томе, Сенегал, Гана и Бенин), ещё 20 считаются «частично свободными», а остальные классифицируются как «несвободные» [166, 167]. В свою очередь, согласно отчету Индекса демократии 2019 года, в котором проанализировано положение 44 стран Африки к югу от Сахары (с учётом 60 показателей, разделенных на 5 отдельных категорий: избирательный процесс и плюрализм, гражданские свободы, функционирование государственного управления, политическое участие и политической культуры), ни один регион региона не отнесен к разряду полностью демократических. Только 3 из них определены

как несовершенные демократии (Южная Африка, Ботсвана и Намибия), а остальные диагностированы как гибридные системы и авторитарные режимы.

И, наконец, последний фактор, которым может ограничивать экономический суверенитет Сахельско-Сахарских государств – слабое государственное управление. Такие явления, как коррупция или клептократия, являются главной причиной возникновения неоколониализма и неоимпериализма в этой части мира. Часто считается, что эти два симптома лучше всего иллюстрируют патологию власти и процесс деградации и вассализации стран региона. Он состоит в том, что правящая группа, убежденная в своем всемогуществе и безнаказанности, наживается на всех возможных благах, находящихся в распоряжении данного государства, игнорируя интересы остального населения. Эта практика нередко принимает форму клептократии, при которой государство представляет интересы только узкой социально-экономической группы и с помощью применимого права, удобного для этой группы, распоряжается переводом государственных средств, полученных на основе всевозможных принуждение (налоги, пошлины, сборы) к определенной группе государственных или негосударственных субъектов, в том числе физических лиц.

Недостаточный и неэффективно функционирующий аппарат безопасности создаёт простор для деятельности всевозможных преступных организаций и террористических групп [122]. Слабость государственных структур, вездесущий хаос и ничтожный уровень контроля над территорией государства способствуют безнаказанности экстремистских группировок. В странах, где вероятность вмешательства местных органов власти в деятельность этих субъектов практически ничтожно мала, эти группы имеют широкий спектр возможностей получения прибыли, например, от природных ресурсов страны, а также использования любого другого потенциала (получение дешевой труд, деньги легальным и нелегальным путем, торговля оружием, наркотиками, людьми и так далее), и, в частности, расширить организационные структуры, создать вербовочные центры, учебные базы,

построить командные центры. Кроме того, террористической деятельности в районах неблагополучных стран также благоприятствует масштаб конфликтности между обществами, то есть сепаратизма и трайбализма, характерных для региона [187]. Все приведённые выше факторы, ограничивающие обеспечение экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств, помимо создания благоприятной атмосферы для действия патологической власти, также способствуют эксплуатации слабостей африканских государств внешними заинтересованными сторонами. Снижению экономического суверенитета способствуют огромные масштабы коррумпированности африканских лиц, принимающих решения, огромное социальное расслоение, вытекающее из этого разочарование граждан, а также функционирование всякого рода преступных группировок в Африке.

Геополитическая зависимость от бывших метрополий и новых внешних акторов проявляется через систему финансовых, торговых и политических связей, которые часто ограничивают пространство для маневра при выработке независимой экономической политики. Валютная зависимость, условия предоставления международной помощи и внешнее влияние на процессы принятия решений создают дополнительные рамки для реализации национальных экономических стратегий.

Экономический суверенитет стран Сахельско-Сахарского региона сталкивается с системными ограничениями, формирующими комплекс взаимосвязанных вызовов. Ключевым сдерживающим фактором выступает сырьевая модель экономики, характеризующаяся концентрацией на экспорте узкой номенклатуры природных ресурсов при одновременной зависимости от импорта продовольствия и промышленных товаров. Данная модель не только усиливает уязвимость к внешним шокам и колебаниям мировых цен, но и консервирует технологическое отставание, ограничивая возможности для диверсификации производства и создания добавленной стоимости.

Важно подчеркнуть, что ключевым ограничивающим фактором остаётся низкий уровень региональной экономической интеграции. Внутрирегиональная торговля составляет незначительную долю от общего объема внешнеторгового оборота, что связано с сохраняющимися тарифными и нетарифными барьерами, различиями в стандартах и недостаточно развитой транспортной и логистической инфраструктурой. Это ограничивает потенциальные преимущества экономик масштаба и возможности кооперации между странами региона. Парадоксальным образом, именно корпоративный сектор, в значительной степени формируемый транснациональными компаниями и зависящий от глобальных цепочек создания стоимости, потенциально способен стать ключевым агентом изменений и катализатором экономического суверенитета. Его трансформация из пассивного объекта внешних влияний в активного субъекта региональной и международной экономической политики открывает принципиально новые возможности для преодоления структурных ограничений. Это предполагает стратегический переход от роли поставщика сырья к позиции полноправного участника международных рынков с высокой добавленной стоимостью, что требует выработки новых, амбициозных направлений внешнеэкономической экспансии.

Глава 3

Направления обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств за счёт корпоративного сектора

3.1 Механизмы стимулирования внешнеэкономической экспансии корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств

Ключевым условием обеспечения экономического суверенитета Сахельско-Сахарских государств выступает трансформация роли национального корпоративного сектора из объекта глобальной экономики в активного субъекта международных экономических отношений. Внешнеэкономическая экспансия национальных компаний региона перестает быть исключительно вопросом коммерческой эффективности, приобретая стратегическое значение как инструмент диверсификации внешних связей, снижения сырьевой зависимости и укрепления переговорных позиций на международной арене [174].

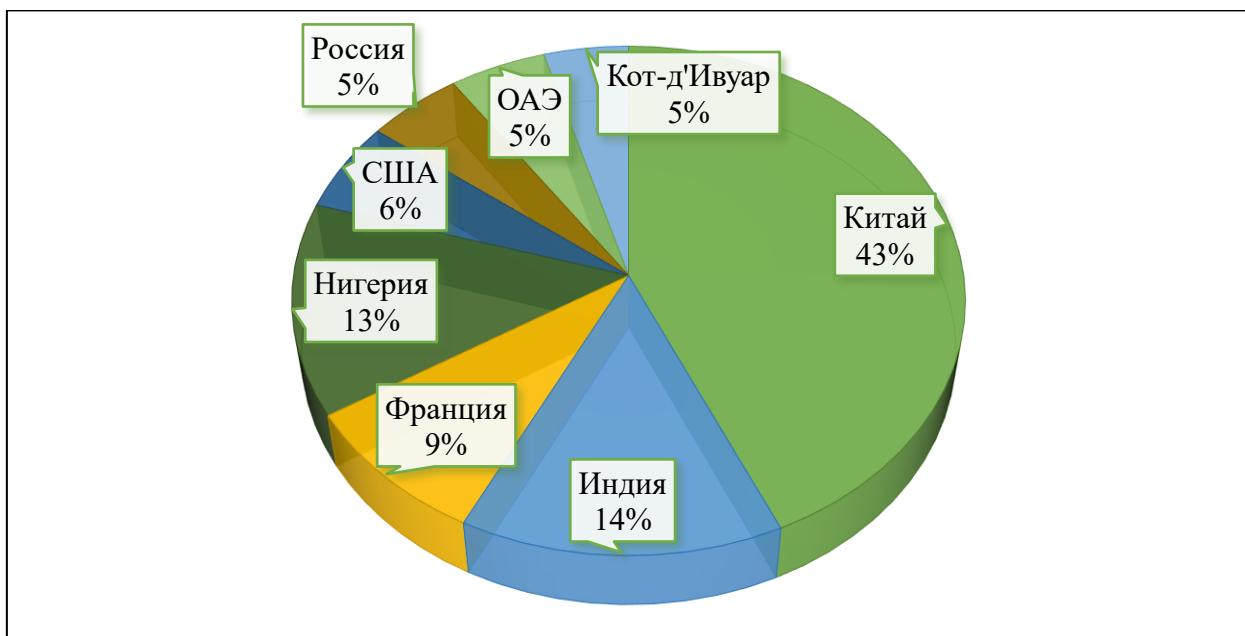
Современная парадигма экспансии характеризуется переходом от традиционной торговли сырьевыми товарами к формированию многоуровневой системы внешнеэкономического взаимодействия, включающей:

- создание транснациональных производственных цепочек с добавленной стоимостью;
- развитие региональных корпоративных альянсов;
- экспорт инфраструктурных компетенций;
- реализацию совместных инвестиционных проектов в третьих странах.

Особое значение в этом контексте приобретает развитие региональной торговли, которая выступает не просто экономическим инструментом,

а стратегическим ресурсом укрепления экономического суверенитета. Формирование интегрированных региональных рынков позволяет национальным корпорациям Сахельско-Сахарского региона достигать экономии от масштаба, диверсифицировать производство и создавать устойчивые цепочки добавленной стоимости, менее зависимые от глобальных конъюнктурных колебаний [168].

Однако, приведенный на рисунке 22 анализ структуры совокупного импорта ключевых стран-партнеров исследуемых государств Сахельско-Сахарского региона в 2025 году выявляет ярко выраженную асимметрию и высокую степень внешней зависимости.

Источник: составлено автором по материалам [59].

Рисунок 22 – Совокупный импорт ключевых стран-партнеров исследуемых стран, доллары США

Доминирование Китая является центральным элементом данной конфигурации: на его долю приходится 43% всего импорта, что свидетельствует о его роли основного поставщика товаров в регион. Это создает значительные риски для экономического суверенитета, формируя структурную уязвимость от торговой политики и экономической конъюнктуры одной страны.

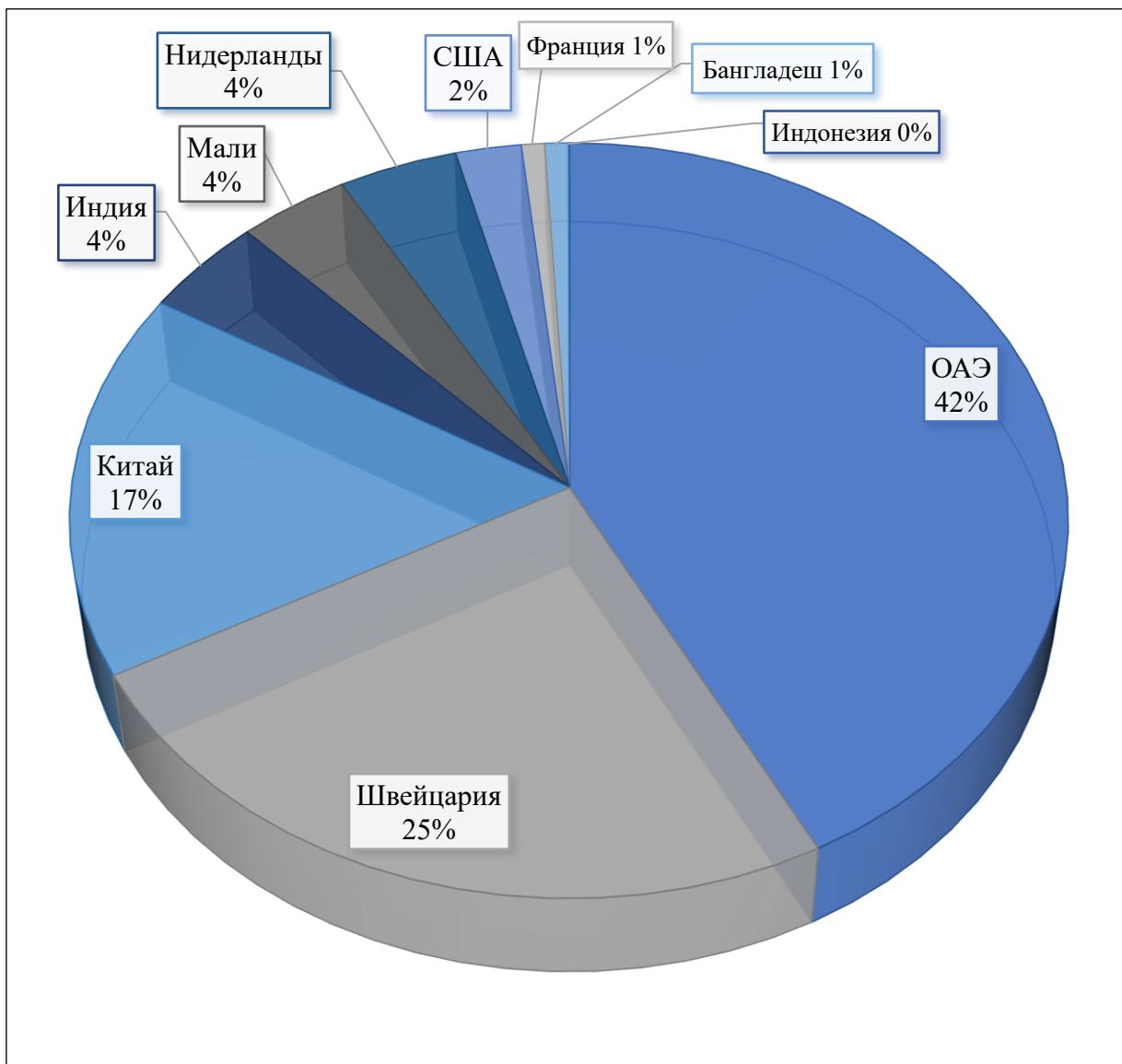
Вторым по значимости рынком закупок выступает Индия (14%), тогда как совокупные доли таких партнеров, как США (6%) и Россия (5%), остаются существенно ниже. Примечательно, что Кот-д'Ивуар (5%) фигурирует в списке ключевых партнеров, что указывает на наличие региональных экономических связей, однако их масштаб несопоставим с влиянием внeregиональных игроков.

Таким образом, представленная структура импорта наглядно иллюстрирует ограниченность экономического суверенитета стран региона. Критическая зависимость от китайских поставок, дополненная ориентацией на других внешних партнёров, ставит вопрос о необходимости разработки стратегий диверсификации внешнеторговых связей для укрепления их экономической самостоятельности.

При этом ключевым условием эффективной торговой экспансии становится переход от экспорта сырья к поставкам продукции с высокой добавленной стоимостью. Такая трансформация не только позволит улучшить торговый баланс стран региона, но и будет способствовать укреплению их переговорных позиций в международных экономических отношениях, создавая основу для равноправного партнерства с ведущими мировыми экономиками [177].

Анализ представленной диаграммы совокупного экспорта исследуемых стран Сахеля на рисунке 23 позволяет выявить ключевые особенности их позиционирования в системе международного разделения труда.

Структура экспорта демонстрирует высокую степень концентрации, где на долю пяти основных направлений приходится значительная часть товарных потоков. Доминирование Китая (17%) в качестве ключевого получателя экспортных товаров указывает на сырьевую специализацию региона, ориентированную на удовлетворение потребностей быстрорастущей азиатской экономики.

Источник: составлено автором по материалам [59].

Рисунок 23 – Совокупный экспорт ключевых стран-партнеров исследуемых стран, доллары США

Относительно равномерное распределение экспортных потоков между Нидерландами (4%), Индией (4%) и Малайзией (4%) свидетельствует о:

- диверсификации географической структуры экспорта;
- наличии различных товарных ниш для разных рынков сбыта;
- сохранении исторически сложившихся экономических связей.

Чрезвычайно низкая доля Франции (1%) в структуре экспорта является показателем о начале глубокой трансформации торговых связей и свидетельствует о:

- переориентации товарных потоков на новые растущие рынки;

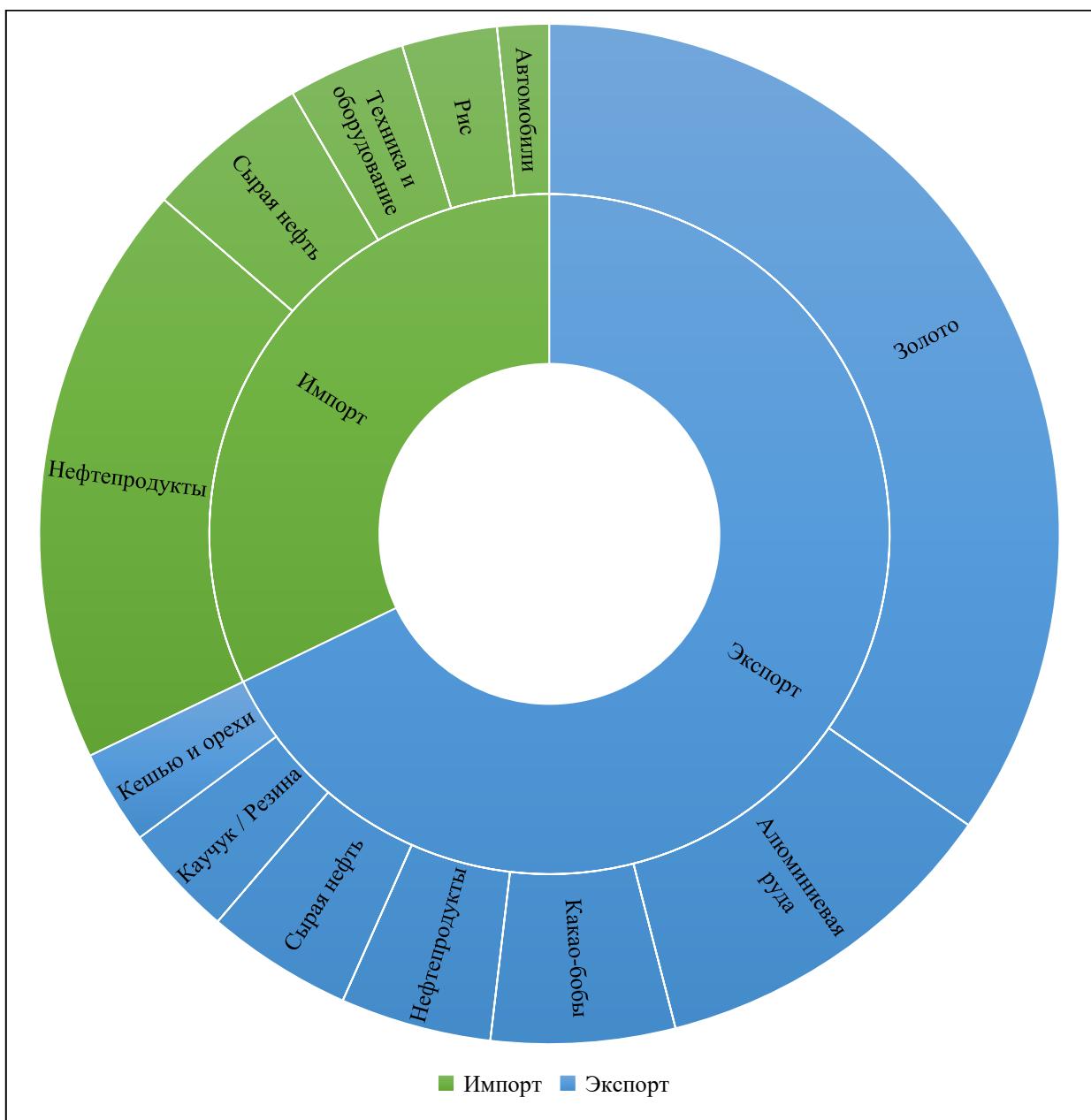
- изменении структуры экономик региона;
- снижении институционального влияния бывшей метрополии.

Незначительные доли США (2%), Бангладеша (1%) и Индонезии (0%) демонстрируют: выборочный характер экспортного сотрудничества, специализацию на определенных товарных категориях, наличие нереализованного потенциала для наращивания торгового взаимодействия.

Таким образом, структура экспорта исследуемых стран представляет собой асимметричную систему, характеризующуюся:

- Относительной концентрацией на китайском рынке.
- Диверсификацией второстепенных направлений экспорта.
- Минимальным участием традиционных партнеров.
- Ограничением присутствием других глобальных экономик.

Данная конфигурация торговых связей отражает как процессы глобальной экономической трансформации, так и специфику сырьевой ориентации экономик региона Сахеля. В свою очередь, на рисунке 24 представлен анализ структуры совокупного импорта и экспорта исследуемых стран Сахельско-Сахарского региона по группам товаров, который позволяет выявить ключевые диспропорции, характеризующие их положение в международном разделении труда. Структура импорта отличается высокой долей готовой промышленной продукции, в частности, автомобилей и технического оборудования, что свидетельствует о технологической зависимости региона от внешних поставщиков и недостаточном развитии собственной обрабатывающей промышленности. Значительный объём импорта риса указывает на отсутствие продовольственной самодостаточности. В то же время структура экспорта имеет ярко выраженную сырьевую направленность, о чем свидетельствует преобладание таких позиций, как хлопок. Данный товарный паттерн подтверждает модель экономики, основанную на экспорте первичных товаров с низкой добавленной стоимостью и импорте дорогостоящей готовой продукции.

Источник: составлено автором по материалам [59].

Рисунок 24 – Совокупный импорт и экспорт исследуемых стран по группам товаров

Сложившаяся внешнеторговая модель закрепляет периферийный статус стран региона в глобальной экономике, ограничивает их экономический суверенитет и повышает уязвимость к колебаниям мировых цен на сырье. Диверсификация экспорта и развитие импортозамещающих производств являются стратегическими условиями для преодоления этой зависимости [159]. Для активизации потенциала устойчивого экономического роста и обеспечения его динамизации, государствам Сахельско-Сахарского

региона необходимо реализовать комплекс структурных преобразований, включающий: индустриализацию экономики, коррекцию диспропорций в распределении факторов производства, трансформацию ригидной отраслевой структуры. Параллельно требуется расширение инструментария государственной поддержки развития частного сектора как системной основы экономического роста, через механизмы стимулирования инвестиционной активности, развития институтов развития и совершенствования делового климата. Данный подход предполагает переход от фрагментарных мер к формированию целостной системы взаимодействия государства и бизнеса, направленной на преодоление структурных ограничений и создание условий для долгосрочного устойчивого развития. Схема внешнеэкономического развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств представлена на рисунке 25. Для государств с ограниченным производственным потенциалом стратегически оправдана первоочередная реализация нейтральных мер промышленной политики, исключающих селективное отраслевое лоббирование и направленных на формирование базовых институциональных условий.

Источник: составлено автором.

Рисунок 25 – Схема внешнеэкономического развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств

Ключевыми элементами данного подхода выступают: создание современной инфраструктуры, оптимизация рыночных механизмов, реформа бюрократического аппарата, внедрение систем информационного обеспечения, гармонизация стандартизации, развитие технологической базы, целевая поддержка малых и средних предприятий (далее – МСП) и стимулирование экспортной деятельности.

Подобный комплексный формат создает системные предпосылки для последующей отраслевой специализации, минимизируя риски неэффективного распределения ресурсов на начальном этапе структурных преобразований экономики. Данная стратегия позволяет:

- сформировать институциональный каркас для будущего экономического роста;
- обеспечить равные условия конкуренции для всех секторов экономики;
- избежать преждевременного выбора «национальных чемпионов»;
- поэтапно подготовить базу для последующей специализации.

Реализация данных нейтральных мер создает прочный фундамент для долгосрочного устойчивого развития, позволяя в дальнейшем перейти к более селективным формам промышленной политики по мере формирования четких конкурентных преимуществ. Ниже представлены подробные меры внешнеэкономического развития национального корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств:

- Меры помощи промышленности, которые включают ускорение экспорта и инвестиций (создание специальных экономических зон, помощь МСП).
- Реализация необходимых элементов для роста (оборудование инфраструктуры, развитие кредитного рынка).
- Развитие сельского хозяйства и сельских территорий как основа промышленного развития.

- Формирование национального и международного рынков (крупномасштабное инфраструктурное оборудование, реформирование правил пересечения границ).
- Открытие экспортных рынков для африканской продукции.
- Продвижение помощи торговле.
- Помощь развитию масштабной инфраструктуры, направленной на формирование региональных рынков.

Данный подход предполагает фрагментарный переход к экспиртоориентированной специализации корпоративного сектора, а именно:

- уход от экспортной зависимости продукции сырьевого сектора и выбрать основные товары или группы товаров по следующим критериям (их скрытые сравнительные преимущества, их значение для населения и их экспортоспособность);
- анализ проблем, которые необходимо решить в каждой из областей, и ввод в действие меры стимулирования;
- осуществление мер по привлечению иностранного капитала или гармонизации регулирования.

Именно данные меры позволяют экономике, основанной на экспортно-ориентированной индустриализации, добиться экономического роста.

Ключевым элементов данного подхода также является формирование под контролем государства базовой национальной промышленности, предполагающей сотрудничество иностранных компаний, местных малых и средних предприятий, а также иностранных финансовых организаций. В результате будут проведены:

- Диверсификация экономической структуры благодаря экспортно-ориентированной индустриализации и четкому государственному интервенционизму.
- Определение приоритетных секторов благодаря установлению четких и гармонизации правил для деятельности частного сектора.

– Укрепление под контролем государства связей между национальными МСП и иностранными компаниями.

Автором была разработана модель, которая представляет собой циклическую алгоритмическую схему, направленную на формирование синергии между корпоративным сектором и государственными институтами для достижения экономического суверенитета стран субрегиона. Модель взаимодействия отражена на рисунке 26.

Источник: составлено автором.

Рисунок 26 – Модель взаимодействия корпоративного сектора и государства

Исходным пунктом модели является диагностика наличия предпосылок для эффективного взаимодействия. Если такие предпосылки отсутствуют, государство применяет стимулирующие меры, включающие стабилизацию политической ситуации, постепенное увеличение национального участия в ключевых отраслях, создание особых экономических зон и привлечение международной помощи. Данные меры направлены на создание базовых условий для последующего перехода к интенсивному взаимодействию. При

наличии предпосылок модель предусматривает переход к фазе активного сотрудничества, которая реализуется через:

- создание прозрачных и предсказуемых условий для ведения бизнеса;
- развитие государственно-частного партнёрства в стратегических отраслях;
- поддержку национального бизнеса посредством целевого кредитования местных производителей и защиты стратегических отраслей.

Для реализации этих направлений государство использует три группы инструментов:

- целевое финансирование (субсидии, льготные кредиты, государственные гарантии);
- нормативно-правовые инструменты (законодательное регулирование, налоговые стимулы, упрощение административных процедур);
- инфраструктурные и технологические инструменты (развитие транспортных сетей, цифровизация, создание инновационных площадок).

Целью применения данных инструментов является достижение синергетического эффекта, который проявляется в снижении транзакционных издержек, технологическом прорыве и росте экспорта, что в конечном итоге ведёт к повышению уровня экономического суверенитета государства.

После реализации мер проводится оценка их эффективности. Если прогресс не достигнут, модель предусматривает корректировку стратегии: смену инструментов поддержки, усиление государственного контроля или применение точечных мер в наиболее проблемных секторах. В случае успеха система возвращается в основной цикл для повторной диагностики состояния сектора и дальнейшей оптимизации взаимодействия.

Таким образом, предложенная модель носит адаптивный и итерационный характер, позволяя странам субрегиона гибко реагировать на изменения внутренней и внешней среды, последовательно укрепляя

собственную экономическую самостоятельность через институционализацию диалога между государством и бизнесом.

Стратегии развития стран, располагающих небольшими природными ресурсами, должна быть направлена на содействие развитию сельскохозяйственной промышленности в коммерческих целях:

1) Необходимо получить новейшие методы управления или производственные технологии, необходимые для производства консервированной продукции или продукции агропродовольственной переработки, чтобы планировать развитие и диверсификацию трудоемких отраслей пищевой промышленности.

2) Развивать человеческие ресурсы, благодаря которым стимулировать участие частного сектора в агробизнесе посредством отмены высоких налогов.

В то же время следует развивать способность фермеров к инновациям, обеспечить техническую помощь посредникам-дистрибуторам и динамизм частного сектора с ростом агробизнес-групп. Ввиду чего, важно обеспечить такие мероприятия, как усиление переработки сельскохозяйственной продукции и добавленной стоимости продукции (агропромышленность), что является двигателем экономического роста; устранение «узких» мест в производстве, что позволит позитивно использовать динамизм частного сектора.

Данные финансовые учреждения, находящиеся под контролем государства, хотя и кредитуют капитал по низким ставкам стратегическим компаниям, также имеют функцию преодоления всех видов ограничений (управление рисками и анализ, высокий уровень возможностей мониторинга, долгосрочное финансирование), которые существуют в финансовых учреждениях частного сектора в то время, когда финансовый рынок еще не развит [106].

Современные направления внешнеэкономического развития национального корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств, основанная на региональной экономической интеграции и глокализации,

состоит из секторов и подсекторов, которые считают приоритетными. По каждому из приоритетных направлений автором определены важные мероприятия и действия, направленные в первую очередь на ускорение интеграционного процесса на уровне каждой региональной интеграционной группой (далее – РИГ), а затем на поощрение регионального сотрудничества между Сахельско-Сахарскими государствами с целью достижения конечной цели – Африканского экономического союза (это концепция и перспективная цель региональной интеграции, закрепленная в учредительных документах Африканского союза, формирование которого предполагает создание единого экономического пространства в масштабах всего континента).

Тщательный анализ траекторий развития государств Сахельского региона позволяет определить в качестве стратегических приоритетов сектора, формирующие каркас экономической интеграции и устойчивого роста [100]. К данным секторам относятся такие факторы, как обеспечение свободного перемещения людей, товаров, услуг и капитала как основы единого рынка; укрепление мира и безопасности в качестве фундаментальной предпосылки развития; а также масштабное развитие инфраструктуры и энергетики, трансформация сельского хозяйства, либерализация торговли, индустриализация и стимулирование инвестиций. Параллельно с реализацией мер в данных приоритетных секторах, успех структурных преобразований невозможен без осуществления комплекса необходимых сопутствующих мероприятий. Эти меры направлены на создание благоприятной среды и охватывают такие ключевые области, как гармонизация политических вопросов и систем управления, технологическая модернизация через развитие науки и технологий, а также решение острых социальных вопросов для обеспечения инклюзивности и человеческого развития.

На рисунке 27 представлены экономические инициативы внешнеэкономического развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств на ближайшие 10 лет.

Направления	Компоненты	Цели 1-го этапа		Цели 2-го этапа		Цели 3-го этапа	
		2024 г.	2028 г.	2029 г.	2033 г.	2034–2035 гг.	
Торговля	Тарифные барьеры (далее – ТТ)	Поэтапное устранение тарифных барьеров (далее – ТБ) во всех региональных интеграционных группах (далее – РИГ)		Ликвидация всех ТБ в РИГ		Ликвидация всех ТБ в РИГ и на континентальном уровне	
	Нетарифные барьеры (далее – НТБ)	Устранение НТБ на уровне РИГ		Постепенная ликвидация нетарифных барьеров в РИГ		Устранение всех нетарифных барьеров на континентальном уровне	
	Правила происхождения	Упрощение и гармонизация правил происхождения		Правила происхождения гармонизированы на региональном уровне		Правила происхождения гармонизированы на континентальном уровне	
	Зона свободной торговли (далее – ЗСТ)	Подписание партнёрских соглашений между РИГ и Россией		Создание нескольких зон свободной торговли		Прогрессирующая свобода перемещения товаров между регионами	
	Таможня	Прогрессивная гармонизация таможенных процедур и создание таможенного союза в каждой РИГ с единым таможенным тарифом (далее – ЕТТ)		Таможенный союз в каждой из двух групп РИГ		Континентальный таможенный союз	
Свободное перемещение	Свободное передвижение людей	Полное свободное передвижение людей внутри регионов и частичное между ними		Прогрессирующее свободное передвижение людей между регионами		Полная свобода передвижения людей в Африке	
	Свободное перемещение товаров	Свободное перемещение товаров в регионах		Прогрессирующая свобода перемещения товаров между регионами		Полная свобода передвижения товаров в Африке	
	Свободное перемещение услуг и капитала	Прогрессивная свобода движения услуг и капитала в регионах		Прогрессивная свобода перемещения услуг и капитала между регионами		Полная свобода передвижения услуг и капитала в Африке	
Налоговая политика	Инфляция / процентная ставка / бюджетный дефицит	Гармонизация налоговой политики на региональном уровне		Гармонизация налоговой политики на региональном уровне		Гармонизация налоговой политики на континентальном уровне	
Денежно-кредитная политика	Платежные системы / макроэкономическая конвергенция / банковский сектор	Интенсификация процессов формирования наднациональных финансовых институтов Африканского континента		Создание в каждом РИГ валютного союза		Создание континентального валютного союза с единой африканской валютой	
Развитие финансового рынка	Биржи ценных бумаг	Создание региональных бирж ценных бумаг		Создать среду, способствующую развитию национальных и региональных финансовых рынков		Создание африканской биржи ценных бумаг	
Инвестиции	Инвестиционная политика	Создание региональной и континентальной платформы для продвижения инвестиций. Формирование зоны свободной торговли между Сахельско-Сахарскими государствами и странами-членами ЕАЭС		Увеличение местных, региональных и иностранных инвестиций		Увеличение местных, региональных и иностранных инвестиций	

Источник: составлено автором.

Рисунок 27 – Система экономических инициатив по внешнеэкономическому развитию корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств на ближайшие 10 лет

На рисунке 28 представлены внеэкономические инициативы внешнеэкономического развития корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств на ближайшие 10 лет.

Источник: составлено автором.

Рисунок 28 – Система внешнеэкономических инициатив по внешнеэкономическому развитию корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств на ближайшие 10 лет

В рамках разработки стратегических ориентиров континентального развития был проведён комплексный анализ приоритетных секторов, требующих консолидированных усилий на наднациональном уровне. Результатом анализа стала систематизация ключевых проектов, мероприятий и программ, подлежащих реализации в первоочередном порядке. Данная систематизация, представленная в таблице 20, охватывает программные рамки первого этапа (2024–2028 гг.) и направлена на достижение синергетического

эффекта от координации действий региональных интеграционных группировок (далее – РИГ).

Таблица 20 – Стратегические направления развития в рамках первого этапа реализации системы инициатив региональной экономической интеграции

Приоритетные сектора	Проекты, мероприятия и программы, подлежащие реализации на первом этапе (2024-2028 гг.)
1	2
Торговля	<p>Ускорение реализации программ устранения ТБ в каждой РИГ.</p> <p>Создание/ввод в эксплуатацию цифровой системы во всех РИГ для выявления и устранения всех нетарифных барьеров в торговле.</p> <p>Упрощение и гармонизация правил во всех РИГ.</p> <p>Подписание партнерских соглашений между РИГ.</p> <p>Ускорение создания таможенных союзов в РИГ</p>
Свободное перемещение	<p>Ускорение эффективной реализации региональных протоколов, касающихся свободного передвижения людей, права на проживание и создание предприятий.</p> <p>Освобождение от визовых заявлений для африканцев, имеющих дипломатические и служебные паспорта.</p> <p>Содействие получению виз для определенных категорий бизнесменов, исследователей и ученых.</p> <p>Создание инструментов безопасности для улучшения сотрудничества в области безопасности и сотрудничества.</p> <p>Создание механизмов для облегчения свободного перемещения товаров в регионах.</p> <p>Установление в каждом РИГ нормативно-правовой базы для свободного движения услуг и капитала</p>
Мир и безопасность	<p>Создание и функционирование системы раннего предупреждения конфликтов, а также помещений для наблюдения и мониторинга.</p> <p>Создание и функционирование африканских резервных сил и региональных бригад.</p> <p>Реализация программы по урегулированию конфликтов.</p> <p>Содействие превентивной дипломатии в разрешении конфликтов</p>
Инфраструктура и энергия	Обеспечение эффективного участия РИГ в процессе разработки и подготовки инфраструктурных проектов
Сельское хозяйство	<p>Гармонизация различных региональных программ продовольственной безопасности.</p> <p>Создание системы управления информацией на сельскохозяйственных рынках.</p> <p>Реализация Мапутского решения, требующего от государств-членов выделять 10% своего национального бюджета на сельское хозяйство.</p> <p>Создание в каждом РИГ специального фонда для сельского хозяйства</p>
Промышленность	<p>Разработка нормативно-правовой базы для продвижения промышленной политики (протокола) в рамках каждого РИГ.</p> <p>Введение в действие в каждом РИГ плана действий по развитию промышленности в Африке</p>
Инвестиции	<p>Создание региональных инвестиционных протоколов.</p> <p>Гармонизация различных протоколов и разработка континентального инвестиционного кодекса</p>

Продолжение таблицы 20

1	2
Наука и технология	Поощрение РИГ к реализации консолидированного плана действий в области науки и технологий в Африке
Социальные вопросы	Реализация Африканской стратегии здравоохранения. Создание региональных ассоциаций деловых женщин
Политические вопросы	Ратификация и осуществление Африканской хартии демократии, выборов и управления. Создание в каждом РИГ механизма экспертной оценки
Налоговая политика	Поддержка гармонизации налоговой политики на региональном уровне
Денежно-кредитная политика	Ускорение создания Африканского Центрального банка и Африканского валютного фонда
Развитие финансового рынка	Создание среды, способствующей развитию национальных и региональных финансовых рынков

Источник: составлено автором.

Отбор проектных инициатив для включения в первый этап реализации осуществлялся на основе критериев их потенциального мультипликативного воздействия на процессы региональной и континентальной интеграции, оценки текущего состояния их реализации, а также соответствия установленным стратегическим целям. Это позволило сформировать сбалансированную повестку, фокусирующуюся на преодолении наиболее критических барьеров интеграции в таких областях, как торговля, мобильность, безопасность и отраслевое развитие.

Таким образом, представленная таблица служит структурированным инструментом операционализации стратегических целей, которая конкретизирует их в виде набора реализуемых действий и устанавливая тем самым основу для последующего мониторинга, оценки эффективности и мобилизации необходимых ресурсов. На первом этапе системы (2024-2028 гг.) сектора развития финансового рынка, денежно-кредитной и фискальной политики не должны составлять приоритеты на континентальном уровне. Каждая из целей связана с рядом приоритетных мероприятий и проектов, которые должны быть реализованы различными заинтересованными сторонами.

Ключевыми элементами данной системы являются:

1) Торгово-инвестиционные механизмы, направленные на снижение транзакционных издержек. К ним относятся устранение нетарифных барьеров, гармонизация правил, создание таможенных союзов, а также разработка континентального инвестиционного кодекса, что напрямую расширяет рыночные возможности и снижает риски для корпораций.

2) Инфраструктурно-производственные механизмы, призванные устраниить физические и отраслевые ограничения для бизнеса. Фокус на развитии инфраструктуры, гармонизации промышленной политики и реализации программ в агропромышленном секторе закладывает материальную основу для построения трансграничных цепочек создания стоимости.

3) Социально-административные механизмы, обеспечивающие операционную основу экспансии. Либерализация режима перемещения капитала, услуг и ключевых категорий специалистов, подкрепленная мерами по обеспечению мира и безопасности, снижает административные барьеры и способствует интеграции человеческого капитала и корпоративных структур.

Данные инициативы и проекты образуют гармонизированную платформу на континентальном уровне в каждом из приоритетных секторов. После рассмотрения и детального анализа всех проектов и программ оказалось необходимым избегать дублирования усилий путем разработки или определения новых приоритетных проектов и мероприятий там, где региональные и континентальные программы уже существуют или находятся в стадии реализации. В этом отношении система инициатив объединяет все эти региональные и континентальные программы с целью дать полную картину всех существующих инициатив, а также выявить пробелы в финансировании, от которых страдает их реализация, и попытаться заполнить их, мобилизовав в свою пользу дополнительные необходимые средства.

Формирование данной интеграционной повестки создаёт принципиально новую институциональную среду для корпоративного сектора

Сахельско-Сахарского региона. Устранение нетарифных барьеров, гармонизация правил и создание таможенных союзов напрямую снижают транзакционные издержки и открывают доступ к емким рынкам соседних стран. Это позволяет компаниям, прежде всего в агропромышленном и промышленном секторах, переходить от точечного экспорта к построению трансграничных цепочек создания стоимости. Таким образом, внешнеэкономическая экспансия корпораций получает мощный импульс, трансформируясь из индивидуальной инициативы отдельных предприятий в системный процесс, поддерживаемый наднациональной политикой.

В свою очередь, активность корпораций становится ключевым драйвером реализации самой интеграционной программы. Прямые инвестиции в промышленность и сельское хозяйство, стимулируемые созданием специальных фондов и гармонизированными протоколами, материализуют декларируемые цели в реальные производственные мощности и рабочие места [53]. Бизнес-сообщества, заинтересованные в свободном перемещении капитала, услуг и квалифицированных кадров, становятся влиятельными лоббистами дальнейших реформ в области свободного перемещения. Следовательно, возникает синергетический эффект: стратегические инициативы на континентальном уровне создают рамки для экспансии бизнеса, а успешная экспансия бизнеса укрепляет и ускоряет интеграционные процессы, формируя единое экономическое пространство.

Таким образом, существует два способа, которыми страны Африки к югу от Сахары могут дополнить рыночно-ориентированную внутреннюю политику внешней средой, которая поощряет внешнюю торговлю и инвестиции. Во-первых, посредством региональных торговых соглашений и, во-вторых, посредством более активного участия в многосторонней торговой системе. Эти два пути не исключают друг друга.

Региональные торговые соглашения могут способствовать повышению экономической эффективности, а также стимулировать торговлю, инвестиции и экономический рост. В странах Сахеля соглашения такого типа в

значительной степени послужили бы стимулированию структурных реформ путем создания стимулов, которые устраниют ограничительную торговую практику и системы лицензирования, модернизируют таможенные процедуры и правила, интегрируют финансовые рынки и упрощают методы перевода и оплаты, а также политику в области транспорта и инфраструктуры.

Более того, участие в африканских объединениях, таких как Африканский союз, ЭКОВАС для западноафриканских государств Сахеля и Африканская зона свободной торговли, предоставляет Сахельским странам уникальный механизм для кооперации в сфере внешнеэкономической экспансии. Данные структуры позволяют трансформировать общие проблемы (недоразвитость инфраструктуры, малые ёмкости национальных рынков, фрагментарность регуляторики) в общие проекты и общие правила игры. К примеру, через совместные инициативы в рамках Программы развития инфраструктуры в Африке (англ. Program Infrastructure Development for Africa, далее – PIDA) страны региона могут лоббировать финансирование критически важных трансграничных транспортных и энергетических коридоров, которые снизят логистические издержки для их корпораций [188]. Африканская зона свободной торговли, упраздняя тарифы и гармонизируя стандарты, открывает для компаний Сахеля доступ к континентальному рынку в почти 1,3 млрд человек, что кардинально меняет перспективы экспансии. Помимо этого, региональные блоки позволяют проводить коллективные переговоры с внешними партнёрами (например, с бывшими метрополиями) и международными институтами, усиливая переговорные позиции. Таким образом, международное взаимодействие на африканской арене является не дополнением, а ключевым механизмом для создания масштаба и снижения барьеров, без которого экспансия корпоративного сектора останется ограниченной и неконкурентоспособной.

В свою очередь, торговая реформа является основным приоритетом для стран Сахеля [130; 190]. Режимы открытой торговли и динамичные экспортные отрасли связаны с экономическим ростом, в то время как торговые

барьеры сохраняются за счет роста и благосостояния населения Африки. Однако торговая реформа будет неэффективной без дополнительных внутренних реформ, направленных на создание внешней и рыночно-ориентированной стимулирующей среды. Принятие соответствующих экономических мер, ориентированных на торговлю, не обязательно повысит важность экспорта промышленных товаров или любого другого вида продукции. Скорее, политические меры должны делать акцент на экономической эффективности и расширении торговых возможностей, где бы они ни появлялись.

В зависимости от сравнительных преимуществ каждой страны она может сосредоточиться на основных продуктах, экспорте сельскохозяйственной продукции (включая обработанную продукцию и другие дорогостоящие товары), текстиле, обрабатывающей промышленности или услугах. Наиболее благоприятная среда для внешней торговли в сочетании с более продуманной макроэкономической и структурной политикой предлагает лучший путь для стимулирования экспорта и получения выгод от полноценного участия в глобальной торговой системе.

Предложенные меры являются важными элементами развития экономического суверенитета Сахельских государств и позволяют им освободиться от постоянной поддержки доноров и найти свое место на мировых рынках. В этом отношении развитие национальных рынков и региональная интеграция являются ключевыми условиями для создания более крупных и качественнее интегрированных рынков, которые в сочетании с усилением сближения нормативных положений помогут привлечь инвестиции, увеличить производственные мощности и, следовательно, способствовать устойчивому экономическому росту и развитию.

Таким образом, проведённый анализ позволяет констатировать, что основу стимулирования внешнеэкономической экспансии корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств составляют комплексные институционально-политические механизмы, инициированные на

наднациональном уровне. Внешнеэкономическая экспансия корпоративного сектора трансформируется из стихийного процесса в управляемую стратегию, опосредованную согласованными действиями государств и региональных объединений. Эффективность данной многоуровневой системы механизмов будет определяться синхронностью их реализации, что создаст основу для дальнейших исследований в области оценки их практического воздействия на конкретные корпоративные стратегии и показатели межрегиональной торговли.

3.2 Роль концепции ESG в развитии корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона

В современных условиях глобальной трансформации экономических парадигм устойчивое развитие корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона неразрывно связано с внедрением принципов ESG (англ. Environmental, Social, Governance) — Environmental (экологическая ответственность), Social (социальная политика) и Governance (качество корпоративного управления). Данная концепция выходит за рамки просто этического ведения бизнеса, становясь критически важным стратегическим инструментом управления рисками, повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения долгосрочной конкурентоспособности [81].

В контексте региона, характеризующегося высокой уязвимостью к климатическим изменениям, социальной нестабильностью и дефицитом прозрачных институтов, интеграция ESG-подхода напрямую коррелирует с достижением Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) Организации Объединенных Наций (далее – ООН). В частности, она вносит прямой вклад в ЦУР 8 (Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех) через создание качественных рабочих мест и внедрение устойчивых бизнес-моделей; ЦУР 9 (Создание стойкой инфраструктуры,

содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям) через развитие «зелёной» инфраструктуры и ответственных производственных цепочек; ЦУР 13 (Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями) через адаптацию к его последствиям и снижение углеродного следа; а также ЦУР 16 (Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях) через укрепление практик верховенства права и борьбы с коррупцией на корпоративном уровне. Таким образом, ESG выступает ключевым связующим звеном между операционной деятельностью компаний, стратегическими интересами региона и глобальной Повесткой дня в области устойчивого развития [208].

Хотя представления о социально ответственной политике зародились ещё в 1950-е годы, они долгое время рассматривались как дополнительные факторы затрат, не представляющие добавленной стоимости для компании, основной целью которой является получение прибыли. Однако с изменениями в социальном климате, вызванными как климатическими опасностями, которые все чаще представляют собой экстерналии предпринимательской деятельности, так и социальными потрясениями, вызванными кризисом Covid-19, лидеры бизнеса начали рассматривать управление окружающей средой, справедливую трудовую практику, баланс между работой и личной жизнью, управление и другие социально ответственные политики как неотъемлемую часть управления рисками и бизнес-возможностей, а не как дополнительные центры затрат. Аналогичным образом, все большее число институциональных инвесторов начали рассматривать экологические и социальные показатели как показатели долгосрочной стоимости компаний [86].

Как уже говорилось ранее, ESG означает «окружающая среда, социальная сфера и управление». Это нефинансовые факторы, которые инвесторы используют для измерения устойчивости инвестиций или бизнеса.

Экологические факторы связаны с мерами, принятыми для снижения загрязнения окружающей среды; социальные факторы изучают, как компания обращается со своими заинтересованными сторонами (сотрудниками, клиентами, окружающим сообществом и так далее); а факторы управления учитывают, как реализуется управление в компании [125].

Развитые страны, особенно европейские, быстро стали лидерами в области ESG, странам Сахельского региона предстоит пройти ещё долгий путь [135]. Действительно, исследование PwC (англ. PricewaterhouseCoopers) по расстановке приоритетов ESG показывает, что бизнес-лидеры в большинстве организаций (почти три четверти) только начинают свой путь к ESG [169].

Примечание – Консалтинговая компания PwC опубликовала результаты опроса российских топ-менеджеров на предмет того, как они оценивают положение дел в экономике, её перспективы. Согласно данным, полностью имеют представление, что такое ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance — экологическое, социальное и корпоративное управление) только 6% опрошенных, 58% ничего не знают о принципах устойчивого развития, 34% — осведомлены о них поверхностно.

В современных условиях наблюдается тенденция к трансформации принципов ESG из добровольной инициативы в систему фактически обязательных требований. Данный тренд детерминирован растущим влиянием международных инвесторов, донорских фондов и институтов развития, которые все чаще интегрируют экологические, социальные и управленические критерии в свои процедуры и принятия решений о финансировании. Таким образом, для развивающихся стран, включая государства Сахельско-Сахарского региона, соответствие стандартам ESG становится критическим фактором доступа к внешнему капиталу.

С методологической точки зрения, система ESG позиционируется как комплексный инструмент управления рисками. Для инвесторов она позволяет минимизировать репутационные, регуляторные и финансовые риски, связанные с нестабильными юрисдикциями. Для компаний-реципиентов внедрение ESG-принципов способствует повышению операционной эффективности, укреплению устойчивости бизнес-моделей и, как следствие,

снижению стоимости привлекаемого капитала, что в конечном итоге создает позитивные экономические экстерналии для всего региона.

Ключевым вектором практической реализации принципов ESG в Сахельском регионе становится их конвергенция с масштабными экологическими инициативами, в первую очередь – с проектом «Великая зелёная стена» (далее – ВЗС; проект Африканского союза, направленный на борьбу с опустыниванием земель к югу от пустыни Сахары) [27]. Для местного бизнес-сектора, включая малые и средние предприятия, это открывает уникальную возможность трансформации экологических и социальных обязательств в инструмент стратегического развития и привлечения финансирования. ESG-принципы в данном контексте выступают не как внешнее ограничение, а как структурная основа для создания новой экономической модели, связывающей восстановление деградированных земель, социальную стабилизацию и экономическую рентабельность.

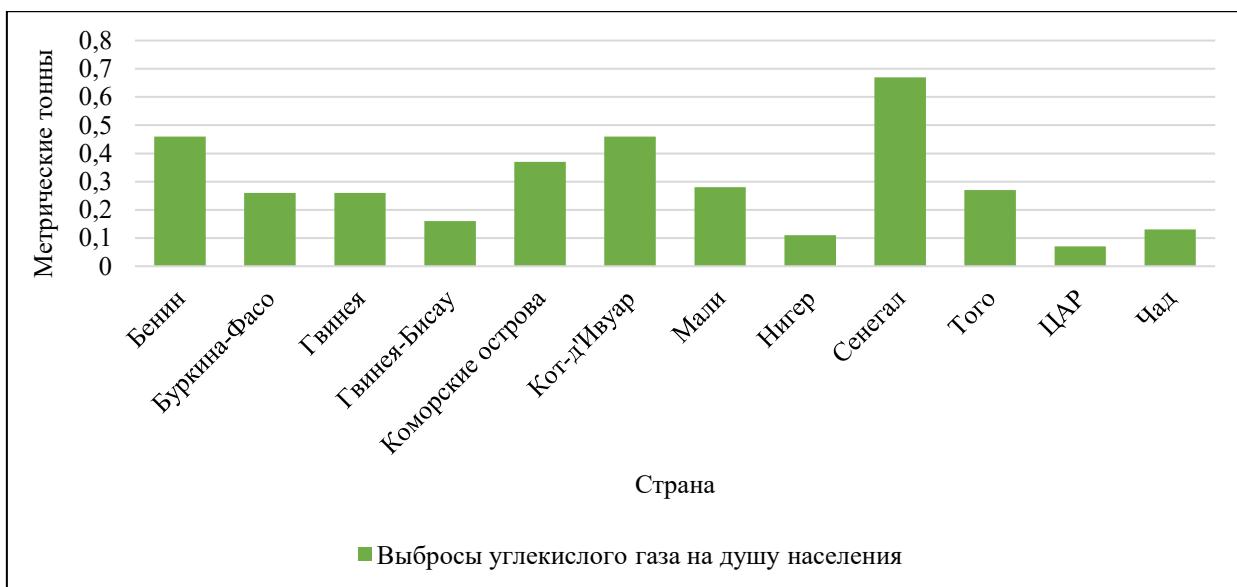
Особый потенциал заключается в механизмах углеродного финансирования, которые могут стать катализатором предпринимательской активности в регионе. Проекты по рациональному водопользованию и развитию возобновляемой энергетики, осуществляемые в рамках ВЗС, генерируют верифицированные углеродные единицы. МСП, вовлечённые в такие проекты, могут монетизировать экологический эффект через международные углеродные рынки (добровольные и регулируемые). Это создаёт устойчивый финансовый поток, способный обеспечить стартовое финансирование, покрыть операционные издержки и повысить инвестиционную привлекательность «зелёного» бизнеса. Таким образом, ESG-повестка напрямую стимулирует создание новых рыночных ниш и бизнес-моделей, ориентированных на экосистемные услуги.

Реализация данного потенциала требует формирования многосторонних партнёрств, что также соответствует ключевому принципу управления в рамках ESG. Эффективная модель предполагает коалицию между национальными правительствами Сахеля, международными финансовыми

институтами (например, Африканский банк развития), корпоративными покупателями углеродных кредитов и локальными предпринимательскими сообществами. Роль корпоративного сектора в таком альянсе двойственна: с одной стороны, местные компании выступают исполнителями проектов, с другой – крупные международные корпорации, стремящиеся к выполнению собственных ESG-целей по углеродной нейтральности, становятся гарантированными инвесторами и покупателями результатов. Это формирует замкнутый цикл, где глобальный спрос на ESG-отчётность напрямую финансирует локальное устойчивое развитие. Ввиду этого, интеграция ESG-принципов в стратегии Сахельского бизнеса, особенно через призму инициативы «Великая зелёная стена», перестаёт быть сугубо теоретической задачей. Она превращается в практический механизм мобилизации альтернативного финансирования, диверсификации экономики и создания устойчивых цепочек создания стоимости. Это позволяет рассматривать ESG не как импортированный стандарт, а как эндогенный каркас для построения климатически устойчивой и социально инклюзивной экономики региона, где корпоративный сектор выступает одним из ключевых драйверов позитивных экосистемных изменений.

В контексте анализа экологических детерминант экономического развития стран Сахельского региона представляются актуальными данные об объёмах выбросов углекислого газа на душу населения за 2023 год, как представлено на рисунке 29. Согласно агрегированным статистическим данным, средний показатель эмиссий CO₂ в исследуемом регионе составил 0,292 метрических тонны на душу населения. Данное значение существенно ниже глобального среднего уровня (приблизительно 4,7 тонны), что отражает относительно низкую индустриализацию и преобладание аграрно-сырьевой модели экономики в странах региона. Максимальное зарегистрированное значение выбросов в африканском контексте достигало 0,67 метрических тонн на душу населения (Сенегал), что обусловлено сочетанием ограниченных возможностей диверсификации энергобаланса. На противоположном полюсе

располагается ЦАР с минимальным показателем 0,07 метрических тонны, что объясняется преобладанием натурального сельского хозяйства, низким уровнем электропотребления и значительной долей населения, не имеющей доступа к коммерческим энергоносителям. Тем не менее, важно отметить, что преобладание добывающих отраслей представляет собой очевидное препятствие для развития ESG-стратегий в регионе, по крайней мере, в экологическом аспекте. Действительно, в то время как инвесторы в развитых странах все чаще исключают или сокращают свои будущие инвестиции в ископаемое топливо, эти сектора, несомненно, продолжают вносить значительный вклад в доходы исследуемых стран Сахельско-Сахарского региона благодаря экспорту нефтепродуктов, металлов и полезных ископаемых.

Источник: составлено автором.
Рисунок 29 – Индекс экологической нагрузки, 2023 год

Вместе с этим, существуют примеры, в которых можно увидеть, что многие африканские компании и компании на развивающихся рынках не только хорошоправляются с экологическими, социальными и управлеченческими мерами, но и что данная деятельность создает ценность, которая помогает им получать прибыль и бросать вызов своим конкурентам в глобальном масштабе [140]. Африканские компании используют Цели

устойчивого развития для создания ценности с помощью компонентов, которые отражены на рисунке отображено на рисунке 30.

Источник: составлено автором.

Рисунок 30 – Возможности обеспечения конкурентного преимущества компаний Сахельских государств при достижении целей устойчивого развития и ESG

Ниже приведены методы конкретные примеры, характеризующие механизм функционирования африканского бизнеса по отношению к Целям устойчивого развития:

– Расширение доступа к рынку благодаря «разрешениям на участие». Поскольку основные торговые партнеры вводят более строгие условия в отношении содержания и производства импортируемых товаров и услуг, компании, инвестирующие в соблюдение этих условий, получат долгосрочные выгоды. Африканская компания Endeavour Mining PLC внедрила систему отслеживания каждой унции золота, добываемого на ивуарийских рудниках, и обеспечивает прозрачность условий добычи для международных покупателей.

– Лучший доступ к инвестициям и более низкая стоимость капитала. Инвесторы прямых инвестиций тяготеют к компаниям с сильными и поддающимися проверке показателями устойчивости: индекс MSCI Emerging

Markets ESG Leaders, например, превзошел более широкий индекс MSCI Emerging Markets на 54% в 2021 году [87]. Выпуск «зелёных облигаций» развивающихся рынков, которые финансируют ESG-деятельность, увеличивался на 36% в год с 2017 год по 2021 год, и эти облигации превзошли по доходности обычные облигации на вторичном рынке примерно на 80% [106].

- Лучшее принятие потребителями. Сегодня потребители предпочитают вести бизнес с компаниями, известными своей устойчивостью. Это особенно справедливо для развивающихся рынков и Африки, в частности.

- Способность запускать новые прорывные бизнес-модели. Переход к низкоуглеродной экономике создает возможности для новых компаний с новыми бизнес-моделями для выхода на рынки, а для уже существующих компаний – существует возможность изменить механизм управления. Например, OCP Group (ранее известная как фр. Office Chérifien des Phosphates), является крупной компанией по производству фосфорных удобрений, базирующаяся в Марокко. Для того, чтобы ускорить переход к нулевым выбросам, OCP Group создала группу по производству экологически чистого водорода для обеспечения поставки 100% экологически чистого аммиака [57].

Достижение высоких стандартов устойчивого развития больше не является чем-то, что предприятия могут делать только тогда, когда у них есть время и ресурсы. Сегодня это стратегический императив, особенно учитывая, что изменение климата угрожает в среднем 12% ВВП развивающихся рынков [137; 138]. Императив устойчивого развития меняет саму природу глобальной конкуренции – компаний, которым не удастся преодолеть «разрыв в устойчивом развитии» со своими конкурентами, окажутся в значительно невыгодном положении. Внедрение принципов устойчивого развития превратилось в ключевую стратегию повышения «жизнестойкости» бизнеса, позволяющую эффективно управлять глобальными рисками и преодолевать кризисные потрясения. Несмотря на формальное сходство проблем (дефицит продовольствия, низкая занятость населения), их акценты и, следовательно,

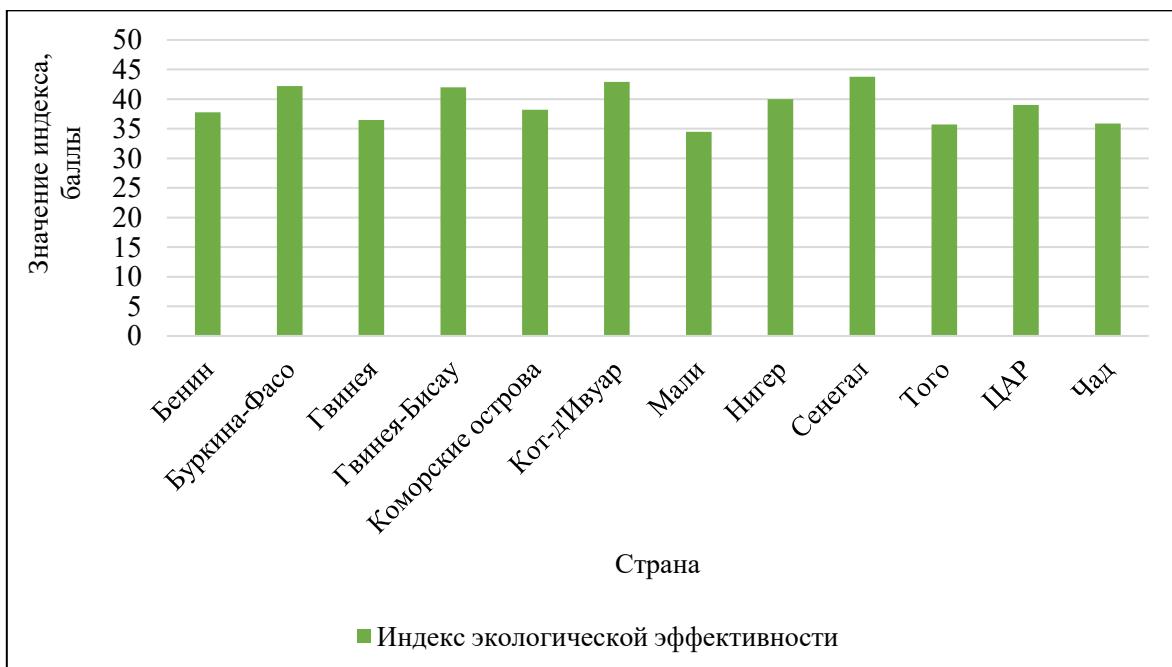
приоритеты государств региона различаются. Для Мали и Буркина-Фасо, где вопросы безопасности являются приоритетными, ключевое значение имеет развитие аграрного сектора в стабильных регионах и создание рабочих мест для молодёжи. Эти меры направлены на укрепление социально-экономической устойчивости общин, повышение уровня жизни и формирование перспектив для нового поколения, что в целом способствует долгосрочной стабильности и снижению социальной напряжённости. Нигер, обладая значительными минеральными ресурсами, фокусируется на увеличении доли местной добавленной стоимости в добывающем секторе. Стратегия Нигера направлена на то, чтобы превратить природные богатства из источника рентных доходов в катализатор комплексного промышленного развития, технологического роста и создания более сложной экономики. Чад озабочен проблемами, связанными с изменением климата и трансграничным управлением водными ресурсами озера Чад, что напрямую влияет на продовольственную безопасность миллионов людей.

В этом контексте ESG-повестка воспринимается не как самоцель, а как потенциальный инструмент решения этих базовых проблем, но лишь в том случае, если она адаптирована к местным реалиям. Например, экологическая составляющая критична в части устойчивого управления земельными и водными ресурсами, а социальная — в создании легальных рабочих мест и интеграции перемещенных лиц. Однако призывы к дорогостоящей «зелёной» трансформации или детальному раскрытию нефинансовой отчётности могут рассматриваться как второстепенные, если они не помогают прямо здесь и сейчас решать проблемы голода, бедности и безработицы. Поэтому интеграция усилий и ресурсов стран региона будет доминирующее направлена на эти базовые приоритеты, а ESG-инструменты будут востребованы выборочно, в той мере, в которой они служат данной конкретной цели.

Важно подчеркнуть, что для компаний развивающихся рынков, включая государства Сахельско-Сахарского региона, высокие показатели ESG трансформируются из факультативной практики в источник долгосрочного

конкурентного преимущества, напрямую коррелирующий с улучшением финансовых и оценочных показателей [113]. Компании, демонстрирующие прогресс в решении экологических, социальных и управлеченческих проблем, получают доступ к уникальным возможностям роста, включая повышение лояльности клиентов, облегченный доступ к международным рынкам и инвестиционному капиталу, а также привлечение квалифицированных кадров. В этом контексте для африканских компаний, особенно в добывающем секторе, следование принципам ESG становится конкурентным императивом.

Для подтверждения своих исследований и выводов эмпирическим методом автором в доказательство приводит Индекс экологической эффективности (англ. Environmental Performance Index, EPI), который представляет собой комплексный инструмент оценки, применяемый в том числе для расчета Индекса человеческого развития в специальных докладах Программы развития ООН (ПРООН), как отражено на рисунке 31. Эти показатели охватывают широкий спектр аспектов: от состояния экосистем и сохранения биоразнообразия до мер по противодействию изменению климата, влияния экологических факторов на здоровье населения, экологической интенсивности экономической деятельности и результативности государственной экологической политики.

Источник: составлено автором.
Рисунок 31 – Индекс экологической эффективности, 2024 год

Анализ абсолютных значений EPI выявляет существенный разрыв между странами Сахельского региона и мировыми лидерами. Наивысший показатель в регионе — Сенегал (43,8 балла) — составляет лишь 57,9% от уровня Эстонии (75,7), которая является мировым лидером. Среднее значение по региону (38,5 балла) соответствует 50,9% эстонского показателя, в то время как наименее успешная страна региона — Мали (34,5 балла) — достигает лишь 45,6% уровня мирового лидера.

Актуальность добывающего сектора для данных стран обусловлена его ключевой ролью в национальных экономиках, а также его значительным воздействием на окружающую среду и местные сообщества, что создает одновременно и повышенные риски, и уникальные возможности для применения ESG-подхода. Именно поэтому результатом анализа существующей практики и институциональных рамок ESG стала разработка соответствующих стандартов, предназначенных для интеграции в проект реализации политики местного содержания именно в добывающих отраслях. Это позволяет системно управлять как проблемами, так и возможностями, которые были систематизированы в таблице 21. Исследование развития корпоративной социальной ответственности Сахельско-Сахарских государств выявило следующие моменты:

1) Пробелы в фактической реализации политики ESG в Сахельско-Сахарских государствах — страны, богатые минеральными ресурсами, сталкиваются с коррупцией и проблемами дефицита управления в добывающем секторе (например, Чад, Гвинея и другие).

2) Инициативы ESG в Сахельско-Сахарских государствах, а также в Чаде сводятся к филантропической деятельности в различных областях, от образования до здравоохранения, что приводит к экономической динамике со структурирующим эффектом.

3) Принимая во внимание инициативы ESG при разработке политики местного содержания в странах, все еще отстающих, могли бы стать активом для их социально-экономического развития.

Таблица 21 – Проблемы и возможности концепции ESG для компаний Сахельских государств

Сфера ESG	Проблемы	Возможности
Окружающая среда	Сахельско-Сахарский регион страдает от изменения климата, как никакой другой регион. Опустынивание и засухи угрожают снабжению африканских стран достаточным количеством продовольствия	В то же время Сахельские государства имеют потенциал стать важным поставщиком зеленого водорода. Зеленый водород играет ключевую роль в экологической трансформации европейской промышленности. Это важно не только с экологической точки зрения, но и с точки зрения политики безопасности. Проекты по производству солнечной энергии и экологически чистого водорода в Африке открывают большие возможности для сотрудничества и обмена технологическими ноу-хаях
Социальная сфера	Более половины мирового прироста населения к 2050 году будет приходиться на Африку. С одной стороны, это увеличивает нагрузку на запасы продовольствия, а также гарантирует, что миграция останется проблемой. Миллионы беженцев из сельской местности бросают вызов быстрорастущим мегаполисам. Возникает необходимость срочного укрепления не только базового образования, но и целых систем образования на всех уровнях	С другой стороны, молодые африканцы также являются привлекательными потребителями и потенциально квалифицированными работниками для мировой экономики. Однако формирующийся средний класс в этих городских центрах также обладает растущей покупательной способностью и зачастую хорошо образован. Например, уже давно существуют группы молодых африканских ИТ-специалистов, которые поддерживают корпорации по разработке программного обеспечения
Управление	Коррупция и плохое управление всегда были одними из самых больших препятствий на пути устойчивого развития и стабильного экономического роста в африканских странах	Для компаний, рассматривающих возможность участия в Африке, доверие к функционирующему государственному управлению и правовой определенности является важным фактором. Важно выявить существующие слабые стороны надлежащего управления и взвесить риски на раннем этапе. Для этого решающее значение имеет знание местных условий

Источник: составлено автором.

Критически важным элементом данной трансформации выступает интеграция принципов ESG в политику национального содержания. Анализ выявил, что, несмотря на существующие пробелы в управлении и филантропический характер многих текущих инициатив, разработка и внедрение соответствующих стандартов ESG могут стать мощным активом для социально-экономического развития стран региона, противодействуя коррупции и придавая структурирующий эффект их экономической динамике. Таким образом, предлагаемые меры не только укрепляют внешнеэкономическое сотрудничество, но и закладывают институциональные

основы для устойчивого и ответственного роста корпоративного сектора в Сахельско-Сахарском регионе. Направления внедрения концепции ESG для компаний Сахельских государств описаны в таблице 22.

Таблица 22 – Направления внедрения концепции ESG для компаний Сахельско-Сахарских государств

Направление	Ожидаемое поведение компании с точки зрения ESG
Кодекс поведения (или этическая хартия)	Компания определяет и формализует свои ценности и правила поведения, черпая вдохновение из рекомендаций или рекомендаций МОТ, ОЭСР и ООН. Затем представляется необходимым, чтобы эти ценности и правила были распространены среди заинтересованных сторон внутри и снаружи
Корпоративное управление	Компания принимает меры в области управления, в частности, публикацию финансовой и нефинансовой информации, поощрение участия сотрудников в акционерном капитале, наличие специализированного контрольного комитета и усиление независимости директоров
Основные трудовые стандарты (или кадровая политика)	Компания определяет эффективную политику в отношении трудоустройства, обучения, условий труда и профессиональных отношений
Защита окружающей среды и атмосферы	Компания включает в свою стратегию действия по защите окружающей среды и атмосферы
Примерное поведение на рынке	Компания определяет эффективную политику управления отношениями между клиентами и поставщиками и предлагает этим заинтересованным сторонам интегрировать принципы ESG. Он принимает меры, чтобы избежать любой формы недобросовестной конкуренции. Оно принимает меры для обеспечения того, чтобы его деловая практика не была запятнана коррупцией. Он интегрирует финансовую дисциплину в свою культуру
Социальная ответственность	Компания предпринимает действия, способствующие развитию местного сообщества
Уважение и продвижение прав человека в сфере труда	Меры по поощрению и соблюдению международной защиты прав человека в сфере своего влияния. Она следит за тем, чтобы ее собственная организация не была замешана в нарушении прав работников
Наука и технология	Компании предлагается распространять результаты своих исследований и разработок в странах, где она работает, чтобы внести вклад в укрепление инновационного потенциала этих принимающих стран

Источник: составлено автором.

Анализ роли концепции ESG в развитии корпоративного сектора Сахельско-Сахарского региона позволяет сделать вывод о ее двойственной, но критически важной функции. С одной стороны, исследование выявляет существенные пробелы в ее фактической реализации, особенно в странах, богатых минеральными ресурсами, где добывающий сектор сталкивается с

глубоко укоренившимися проблемами коррупции и дефицита управления (на примере Чада, Гвинеи и другие) [115]. Это свидетельствует о том, что ESG воспринимается не как интегральная стратегия управления рисками и создания долгосрочной стоимости, а зачастую сводится к точечной филантропической деятельности в сферах образования и здравоохранения.

С другой стороны, именно в этом переходе от филантропии к системной интеграции и заключается ключевой потенциал ESG для трансформации региона. Концепция из второстепенной инициативы может стать центральным активом для социально-экономического развития, если будет напрямую увязана с разработкой и реализацией политики местного содержания [149]. Внедрение соответствующих стандартов ESG в добывающем секторе — основном драйвере экономик многих стран региона — способно создать структурирующий эффект для всей экономики: снизить коррупционные риски, обеспечить передачу технологий и знаний, создать качественные рабочие места и стимулировать развитие смежных отраслей через требования к локальным закупкам.

Таким образом, для Сахельско-Сахарского региона ESG — это не просто мировой тренд, а практический инструмент, который может помочь преодолеть «ресурсное проклятие». Успешная интеграция экологических, социальных и управленческих принципов в корпоративную стратегию является обязательным условием для перехода от сырьевой ориентации к устойчивой, диверсифицированной и экспортноориентированной модели экономики, что в конечном итоге укрепит как экономическую устойчивость отдельных компаний, так и всего корпоративного сектора региона в целом. Внедрение предлагаемых направлений позволит обеспечить как эффективное развитие корпоративного сектора, так и усилить социально-экономическое развитие государств, где функционируют социально-ответственные компании.

3.3 Перспективы сотрудничества между Россией и странами Сахельско-Сахарского региона

Перспективы кооперации российских компаний и компаний Сахельско-Сахарского региона детерминируются необходимостью синергетического сочетания ресурсного потенциала африканских государств с технологическими и инвестиционными возможностями российского бизнеса. Ключевым вектором развития видится трансформация сырьевой ориентации взаимодействия в сторону создания добавленной стоимости через реализацию совместных проектов в энергетике, инфраструктуре и агропромышленном комплексе с интеграцией принципов ESG-трансформации [207]. Институциональным фундаментом для данного процесса должны выступить механизмы преференциальной торговли, согласованные стандарты сертификации и двусторонние программы делового партнёрства, нивелирующие существующие нетарифные барьеры.

Россия и страны Сахельско-Сахарского региона имеют давние традиции двустороннего и многостороннего взаимодействия [134]. Анализ данных, приведённых в таблице 23, выявляет противоречивую динамику в торговых отношениях России со странами Африки.

Таблица 23 – Экспорт и импорт товаров Российской Федерации по группам стран, 2025 г.

Группы стран	Экспорт			Импорт		
	Январь-август 2024 года, млрд долл. США	Январь - август 2025 года, млрд долл. США	температура, в процентах	Январь-август 2024 года, млрд долл. США	Январь - август 2025 года, млрд долл. США	температура, в процентах
Весь мир	278,7	264,2	94,8	178,2	177,9	99,9
в том числе:						
Европа	44,5	38,1	85,7	48	46	95,8
Азия	209,2	203,6	97,3	118,2	118,5	100,2
Африка	16,4	13,9	85,1	2,3	3	133,3
Америка	8,5	8,5	99,5	9,3	10,4	111,6
Океания	0	0	70	0,1	0,1	94,8

Источник: составлено автором по материалам [65].

При общем снижении российского экспорта на 5,2% поставки в африканские страны сократились значительно более существенно — на 14,9%, что свидетельствует о наличии структурных проблем в товарообороте. Однако параллельно наблюдается интенсивный рост российского импорта из региона — на 33,3%, пусть и с относительно низкой базы.

Такая дивергенция в динамике экспорта и импорта указывает на процесс трансформации экономических связей. С одной стороны, сохраняются ограничения для российских экспортёров, связанные с логистическими сложностями, валютными ограничениями в странах региона или изменением товарной структуры спроса.

С другой стороны, ускоренный рост импорта демонстрирует успешную диверсификацию источников поставок и формирование новых производственных коопераций.

Особого внимания заслуживает тот факт, что темпы роста импорта из Африки (133,3%) являются рекордными среди всех регионов, что подтверждает стратегический характер переориентации внешнеторговых потоков [129]. Это соответствует общей тенденции укрепления экономического присутствия России на африканском континенте, хотя существующая асимметрия в торговой динамике требует выработки специальных мер по поддержке экспортных операций.

При этом, как видно из таблицы 24, таможенное законодательство Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) предоставляет преференции — в виде снижения или полной отмены ввозных пошлин — для 100% государств субрегиона, что свидетельствует о целенаправленной политике по созданию благоприятных условий для развития взаимной торговли [66]. Данный подход соответствует стратегическим интересам Российской Федерации по укреплению экономического присутствия в африканском регионе и формированию устойчивых цепочек добавленной стоимости [5].

Таблица 24 – Страны Сахельско-Сахарского региона в системе тарифных преференций стран ЕАЭС, 2025 г.

Группа развивающихся стран	Группа наименее развитых стран	Прочие страны
Снижение ставки пошлины на 25% от базовой	Беспошлинный ввоз	Отсутствие преференций
Кот-д'Ивуар	Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Гвинея-Бисау, Коморские острова, Мали, Нигер, Сенегал, Того, Чад, ЦАР	–

Источник: составлено автором по материалам [65].

Полное охватное предоставление преференций уникально на фоне избирательной практики других международных партнёров и создаёт институциональные предпосылки для:

- диверсификации номенклатуры двусторонней торговли;
- стимулирования инвестиций в несырьевые сектора экономики;
- поэтапной экономической интеграции через механизмы ЕАЭС.

Указанная мера может рассматриваться как эффективный инструмент снижения транзакционных издержек для субъектов внешнеэкономической деятельности обеих сторон.

Ввиду чего, можно предположить, что низкий уровень торгового партнёрства обусловлен не тарифными барьерами, а комплексом нетарифных ограничений и структурных проблем. Ключевыми сдерживающими факторами выступают:

- Слабость прямых кооперационных связей между российским и национальным корпоративным сектором стран региона.
- Логистическая разобщённость и высокие транзакционные издержки.
- Недостаточная информационная прозрачность рынков и возможностей для бизнеса.

Таким образом, основным резервом для роста взаимной торговли и инвестиций является целенаправленное формирование институциональной и деловой среды, способствующей установлению прямых контактов между

корporациями и реализации совместных проектов в приоритетных несырьевых отраслях [62].

До настоящего времени между Россией и Африкой проводятся различные мероприятия. К примеру, после первого Саммита Россия-Африка в Сочи в 2019 году Россия организовала второй Саммит Россия-Африка в Санкт-Петербурге 27 и 28 июля 2023 года, где встретились делегации 49 африканских стран, в том числе 17 глав государств. Однако, число африканских лидеров, присутствующих на втором Саммите, значительно меньше, чем на первом, в 2019 году: в Сочи присутствовали 45 глав государств и были представлены 54 африканские страны.

На протяжении нескольких лет Россия осуществляет дипломатическое и экономическое сотрудничество на африканском континенте. Благодаря решениям, утверждённым на первом Саммите Россия-Африка, российско-африканская торговля сельскохозяйственной продукцией выросла на 10% в 2022 году и на 60% в первом полугодии 2023 года, а объём торговли продуктами питания между Россией и странами Африки за первые месяцы 2023 г. также увеличился на 60% [3].

Несмотря на снижение количества участников, в отличие от первого Саммита, программа второго Саммита была посвящена более широкому кругу вопросов, включая гуманитарное и экономическое сотрудничество. Для России Африка стала некой опорой для демонстрации своих возможностей на международной дипломатической арене [72]. По итогам встречи была принята совместная декларация, которая предусматривает расширение сотрудничества в области поставок продовольствия, энергетики и помощи в целях развития.

Трансформация структурных основ российско-африканского взаимодействия актуализирует необходимость переосмыслиения формата двусторонних отношений. В текущих условиях ключевыми задачами становятся:

- Выработка новых механизмов сотрудничества, адекватных сложившейся международной обстановке.

- Идентификация взаимных интересов для определения перспективных областей партнёрства.
- Налаживание постоянного диалога для сближения позиций по чувствительным вопросам повестки дня.

Работа второго Саммита Россия–Африка и его Экономического и гуманитарного форума, была санкционирована принятием Плана действий на 2023–2026 годы, направленного на укрепление «взаимовыгодного» сотрудничества по ряду направлений, определяя приоритеты и необходимые меры для использования потенциала партнёрства в областях, представляющих взаимный интерес, принимая во внимание Повестку дня Африканского Союза на период до 2063 года, которая является ориентиром для стран Сахельско-Сахарского региона Африки с целью достижения глобального и устойчивого развития [54; 121]. В рамках этого плана Россия и африканские государства договорились укреплять диалог и сотрудничество в ряде областей, включая политику, безопасность, экономику и гуманитарные процессы.

В контексте экономического сотрудничества между Россией и африканскими государствами предполагается реализация системного подхода, предусматривающего идентификацию приоритетных секторов экономики для разработки целевых мер торговой поддержки. Ключевыми элементами данной стратегии является формирование детализированных планов действий и инклюзивных дорожных карт, направленных на укрепление торгово-инвестиционного взаимодействия. Институциональное измерение сотрудничества будет обеспечено через активизацию деятельности африканских торгово-промышленных палат и деловых советов.

Параллельно планируется реализация мер по развитию финансовой инфраструктуры, включая переход к расчётам в национальных валютах и углубление межбанковских отношений [103]. Особое внимание будет уделено развитию сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) через содействие участию в международных выставках, а также реализации

гендерно-ориентированной экономической политики, направленной на повышение роли женщин-предпринимателей в ходе двустороннего экономического сотрудничества [143]. Комплекс указанных мер формирует многоуровневую основу для качественной трансформации экономического партнёрства. В рамках данных соглашений будут приложены все усилия для активизации сотрудничества между налоговыми и таможенными органами России и Африки.

Особое внимание в российско-африканском взаимодействии уделено сотрудничеству, направленному на то, чтобы поставить глобальную продовольственную безопасность на первое место в многосторонней повестке, а также на устранение коренных причин отсутствия продовольственной безопасности во многих развивающихся африканских странах [164]. В сфере энергетики Россия и страны Африки будут работать над развитием, производством и использованием всех источников энергии, включая возобновляемую и альтернативную энергетику, гражданскую атомную энергетику и гидроэнергетику. Секретариат Форума российско-африканского партнёрства при МИД России, отвечающий за координацию реализации плана мероприятий, будет обеспечивать развитие сотрудничества в области промышленности и добычи полезных ископаемых и редких металлов, одновременно содействуя реализация проектов по модернизации промышленной инфраструктуры стран Африки и расширению промышленного сотрудничества в области передовых технологий [130].

Более того, план предусматривает усиление сотрудничества в транспортной сфере и облегчение переговоров между представителями российских и африканских авиакомпаний с целью развития прямых услуг для путешественников [27]. В сфере здравоохранения планируется консолидировать диалог между специализированными учреждениями, отвечающими за общественное здравоохранение и профилактику инфекционных заболеваний, а также обмен опытом и разработку вакцин для лучшего реагирования на возможные эпидемии. Документ также

предусматривает усиление сотрудничества в сферах охраны окружающей среды, ИКТ, научно-технических исследований, образования, культуры, информации и спорта. Что же касается сотрудничества в сфере политики и безопасности, то речь будет идти о налаживании взаимодействия на высоком уровне, развитии конструктивного диалога в рамках российско-африканских механизмов на разных уровнях по широкому спектру стратегических, политических и экономических вопросов, представляющих взаимный интерес. Определена важность сотрудничества в период 2023-2026 годов по вопросам облегчения условий поездок граждан России и Африки для развития туризма [128].

Подчёркивается необходимость активизации контактов между высокопоставленными представителями по вопросам безопасности, целью которых является обмен информацией и опытом в области международной безопасности, стремление к сотрудничеству в вопросах борьбы с выращиванием, производством и незаконным оборотом наркотиков, а также связанных с ним преступлений, предотвращая при этом использование некоммерческих благотворительных организаций в отмывании денег и финансировании терроризма [162].

В рамках исследования взаимодействия между Россией и рассматриваемым субрегионом Африки ключевой вывод формулируется следующим образом. При условии сохранения и соблюдения определённых, взаимовыгодных правил взаимодействия (таких как уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела и фокус на конкретные проекты развития), данная модель партнёрства позволяет говорить о том, что страны субрегиона могут обрести некоторую самостоятельную сущность в мировой политической и экономической системе. Российское присутствие в этом контексте не является гегемонистским: оно действует по принципу, не заменяя и не вытесняя традиционных партнёров или местные институты, а дополняя существующую архитектуру сотрудничества. Таким образом, для государств Африки открывается возможность найти нишу для себя в формате

многовекторной дипломатии и диверсификации внешнеэкономических связей, не затрачивая при этом непропорционально больших усилий на адаптацию к жёстким политическим условиям или радикальную перестройку внутреннего устройства, что характерно для сотрудничества с рядом западных держав.

Говоря о перспективах российско-африканского сотрудничества в сфере образования, следует отметить, что в российские вузы принимают около 35 тысяч африканских студентов, число которых постоянно увеличивается. Россия готова поддержать африканский континент в развитии образования и подготовке руководителей в этом секторе, а также рассматривает возможность открытия в Африке школ по обучению русскому языку, что послужит основой для укрепления сотрудничества в этой области [99].

В рамках механизмов диалога между Россией и Африкой будет проводиться регулярный мониторинг реализации плана действий, сроков «дорожных карт» и двусторонних и многосторонних проектов, представляющих взаимный интерес.

Таким образом, проведённые в России саммиты представляет собой новую платформу для многополярного взаимодействия с реальным потенциалом устранения ряда проблем и кризисов, с которыми сейчас сталкивается мир. В условиях современной макроэкономической нестабильности, проявляющейся в долговых кризисах отдельных африканских государств и усугубляемой климатическими рисками, актуализируется вопрос поиска альтернативных источников финансирования развития. В данном контексте Новый банк развития (далее – НБР) БРИКС (межгосударственное объединение, название которого образовано из первых букв английских названий стран-основательниц: Brazil (Бразилия), Russia (Россия), India (Индия), China (Китай), South Africa (Южно-Африканская Республика)) рассматривается как потенциальный институциональный партнёр, способный обеспечить инвестиционные ресурсы на основе многосторонней модели трансфера компетенций в сфере развития [150].

Такой подход предполагает не только предоставление капитала, но и обмен лучшими практиками в области проектного финансирования, что соответствует принципам координации многосторонних усилий для решения структурных проблем развивающихся экономик.

В настоящее время существует острая необходимость в диалоге России и стран Сахеля для поддержания взаимодействия в области интеллектуальной собственности и инноваций. Это придаст дополнительный импульс усилиям по всему континенту по улучшению перспектив трудоустройства и уровня жизни за счет использования изобилия талантов Африки в эпоху быстрых технологических преобразований.

В то время как глобальная торговля и иностранные инвестиции подтвердили свою роль в качестве ключевых драйверов экономического роста и инструментов сокращения бедности в развивающихся странах, африканский континент в значительной степени остался на периферии этого процесса. Одной из фундаментальных причин данной диспропорции является сохраняющаяся фрагментация внутренних рынков, препятствующая формированию эффекта масштаба и интеграции в глобальные цепочки создания стоимости.

В данном контексте, инициатива по созданию зоны преференциальной торговли между Россией и странами Сахельско-Сахарского региона приобретает характер стратегического проекта, направленного на преодоление этих структурных ограничений. Её реализация предполагает формирование интегрированного экономического пространства, объединяющего страны субрегиона с совокупным населением более 192 миллионов человек и объёмом ВВП более 270 миллиардов долларов США. Последовательное снижение торговых и инвестиционных барьеров в рамках данной зоны будет способствовать усилению конкуренции, оптимизации производственных процессов и, как следствие, повышению привлекательности региона для размещения звеньев региональных и глобальных стоимостных цепочек.

Зона преференциальной торговли между Россией и странами Сахеля может принести значительные экономические и социальные выгоды в виде более быстрого экономического роста, более высоких доходов и снижения уровня бедности [118]. Кроме того, это помогло бы Сахельско-Сахарскому региону диверсифицировать и индустриализировать свою экономику, а также уменьшить её зависимость от экспорта сырьевых товаров.

Однако многое зависит от того, будут ли наиболее амбициозные цели сделки успешно согласованы и затем полностью реализованы. Эффективное выполнение обязательств зоны преференциальной торговли между Россией и странами Сахеля должно быть приоритетом для участников договора.

В ходе первого этапа планируется поэтапная отмена тарифов на 90% товаров и снижение барьеров для торговли услугами, что, несомненно, приведёт к увеличению торговли и может увеличить реальный доход на 5% к 2030 году [118]. Одна часть потенциального дохода будет получена за счёт устранения длительных задержек на границах и снижения торговых издержек, что облегчит интеграцию африканского корпоративного сектора в региональные и глобальные цепочки поставок.

Выгоды могут быть ещё больше, если обратить внимание не только на эффекты от либерализации торговли, но и на преимущества от увеличения инвестиций и более широких торговых соглашений, которые решают инвестиционные и трансграничные вопросы. Первый сценарий учитывает дополнительные прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ), которые торговое соглашение между Россией и странами субрегиона привлечёт из-за границы. ПИИ важны, поскольку они преобразуются в капитал, технологии и навыки. Кроме того, ПИИ должны быть связаны с внутренними инвестициями и помогать африканским экономикам диверсифицироваться в новые сектора агробизнеса, производства и услуг для внутренних рынков внутри Африки и за её пределами [127].

Важно отметить возможное влияние на гармонизацию политики в области инвестиций, конкуренции, электронной коммерции и прав

интеллектуальной собственности. Более глубокая интеграция в этих областях поможет создать справедливые и эффективные рынки, повысить конкурентоспособность и привлечь больше прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) за счёт снижения рисков нормативных и политических изменений [158]. Однако соглашение о зоне преференциальной торговли между Россией и странами Сахеля может столкнуться с рядом проблем.

Национальные законы и правила должны быть гармонизированы с протоколами соглашений, касающихся инвестиций, прав интеллектуальной собственности, конкуренции и цифровой торговли. Для решения давних структурных проблем африканским странам также необходимо:

- поощрять постепенную либерализацию трансграничной торговли и инвестиционной политики в соответствии с российскими и африканскими целями развития, чтобы заложить основу для региональных цепочек добавленной стоимости в Сахельско-Сахарском регионе;
- упростить таможенные и пограничные процедуры и обновить инфраструктуру для сокращения длительных задержек на границах, которые замедлили движение товаров и увеличили торговые издержки, а также создать эффективные логистические центры;
- укреплять трансграничную торговлю и инвестиции в сферу услуг путем содействия торговле цифровыми услугами, снятия ограничений на ПИИ и обеспечения свободного перемещения рабочей силы.

Африканские предприятия также должны увидеть открывающиеся возможности, а не просто реагировать на них из страха перед импортной конкуренцией. Крайне важно устранить нетарифные барьеры и препятствия, влияющие на перемещение товаров при пересечении границы. Также важно снизить барьеры в торговле услугами, поскольку каждая страна имеет свои собственные правила, охватывающие такие сектора, как логистика и транспорт, финансовые услуги, туризм и связь [110]. Потребуется гораздо больше усилий, чтобы раскрыть потенциальные выгоды зоны

преференциальной торговли между Россией и странами Сахеля для торговли, инвестиций и рабочих мест.

Далее на рисунке 32 представлены элементы механизма промышленной кооперации Российской Федерации и Сахельско-Сахарских государств на основе создания зон преференциальной торговли и факторы, формирующие условия успешности проводимых процессов. Общее и управляемое информационное пространство в текущих геополитических и экономических реалиях имеет особую важность, так как систематизирует ключевые векторы взаимодействия и подчёркивает комплексный подход, необходимый для устойчивого развития региона.

Источник: составлено автором.

Рисунок 32 – Основные элементы механизма кооперации Российской Федерации и Сахельско-Сахарских государств на основе создания зон преференциальной торговли

Автор полагает, что зона преференциальной торговли между Россией и странами Сахеля может изменить уровень экономического суверенитета и может принести определённые выгоды региону [94]. Ввиду чего, ниже приводятся меры, которые необходимо предпринять в различных секторах для стимулирования данной деятельности:

- Сотрудничество и торговля: более половины российских поставок в Африку составляют машины, оборудование, химикаты и продукты питания, объем экспортно-импортных операций между Россией и странами Африки в первом полугодии этого года увеличился более чем на треть.

- В свою очередь, образование, инновации и совместные исследовательские проекты: Россия планирует открыть филиалы ведущих российских университетов в Африке.
- Создание общего информационного пространства между Россией и Африкой, чтобы распространять объективную и непредвзятую информацию о мировых событиях среди российской и африканской аудитории [68]. В настоящее время ведется работа по созданию представительств крупнейших российских СМИ в Африке, включая ТАСС (Информационное телеграфное агентство России или ранее — Телеграфное агентство Советского Союза), «Россия сегодня», RT (англ. Russia Today), ВГТРК (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания) и «Российскую газету» [48].

На основании изложенного сформирована таблица 25, которая представляет собой модель стратегического партнёрства между национальными компаниями Сахельско-Сахарских государств и России, структурированную по трем временным горизонтам: оперативный (2024–2028 гг.), среднесрочный (2029–2033 гг.) и долгосрочный (2034–2038 гг.). В оперативном периоде предусматривается формирование нормативно-правовой базы сотрудничества через ключевые документы, регулирующие двусторонние и многосторонние отношения, снижение тарифных барьеров и создание зон свободной торговли, а также реализация тактического плана продвижения подъёмно-транспортного оборудования. Среднесрочный этап предполагает переход к практической реализации совместных проектов в сельском хозяйстве, медицине, обрабатывающей промышленности, ИКТ и финансовом секторе, сопровождаемый разработкой коммерческой стратегии преференциального ввоза товаров на территорию России, оценкой рыночных возможностей и формированием системы дистрибуции.

Долгосрочная перспектива ориентирована на создание устойчивой системы сотрудничества через сегментирование потребителей, разработку

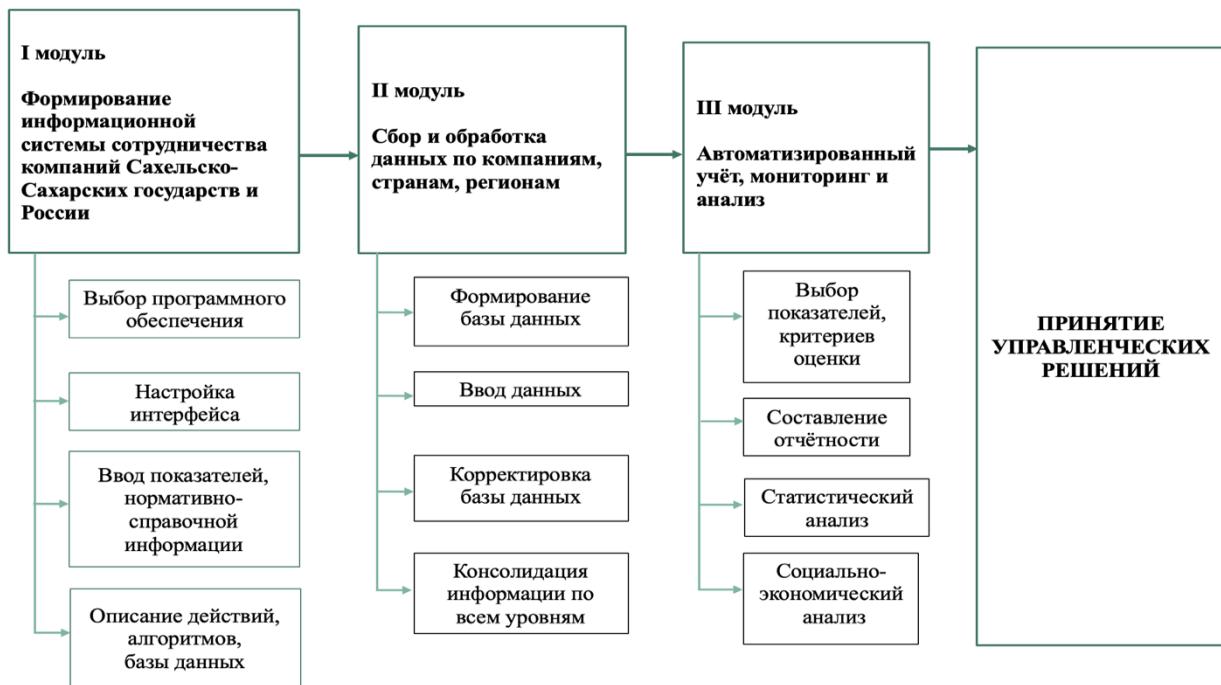
ассортиментной и ценовой политики, формирование моделей продаж и реализацию комплексной кадровой политики, включая управление человеческими ресурсами, систему обучения и профессионального развития.

Таблица 25 – Модель стратегического партнерства национальных компаний России и Сахельско-Сахарских государств

Оперативная	Среднесрочная	Долгосрочная
2024–2028 гг.	2029–2033 гг.	2034–2038 гг.
5 лет	10 лет	15 лет
Тактический план действий продвижения продуктов подъемно-транспортного оборудования	Ключевые документы, регламентирующие двусторонние и многосторонние отношения. Снижение тарифов. Создание зон свободной торговли	Ключевые положения Программы развития
Программы по осуществлению положений и проектов совместного производства в сельском хозяйстве, медицине, обрабатывающей промышленности, ИКТ и финансах	Коммерческая стратегия преференции при ввозе товаров на территорию России	Оценка и анализ рыночных возможностей стран Сахеля и России
Составление приоритетных каналов продвижения	Стратегия дистрибуции	Цели и задачи продвижения продуктов подъемно-транспортного оборудования на долгосрочный период
Стимулирование спроса	Политика работы с потребителями	Ключевые продуктовые направления продвижения продуктов подъемно-транспортного оборудования
Сегментирование потребителей	Ассортиментная политика	Регионы и рынки сбыта
Формирование целей ценообразования	Ценовая политика	Разработка модели и системы продаж
Работа по управлению персоналом	Кадровая политика, система обучения, тренинги, курсы, конференции	Кадровая политика, управление человеческими ресурсами

Источник: составлено автором.

Данная модель обеспечивает поэтапную эволюцию от институционального оформления партнёрства к созданию интегрированной системы экономического взаимодействия. Помимо этого, на рисунке 33 представлен алгоритм формирования информационной системы сотрудничества компаний Сахельско-Сахарских государств и России.

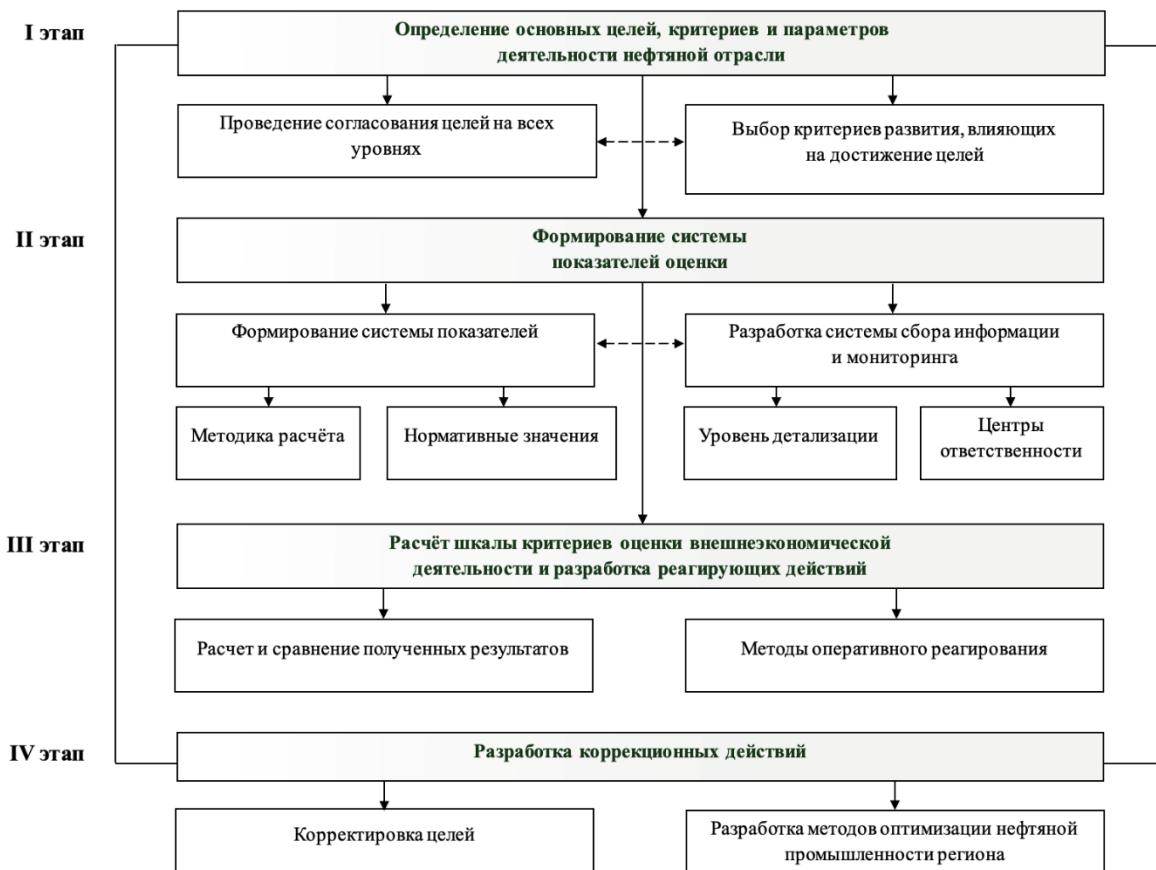
Источник: составлено автором.

Рисунок 33 – Процесс формирования информационной системы сотрудничества компаний Сахельско-Сахарских государств и России

Применение предложенной методики сбора, обработки и анализа информации позволит повысить результативность управления сотрудничеством компаний Сахельско-Сахарских государств и России, так как разрозненность всех субъектов взаимодействия друг от друга можно назвать причиной низкой и неэффективной деятельности, что является ограничительным барьером достижения стратегических целей и задач. Автор полагает, что интеграция всех элементов в единую информационную систему обеспечит решение вышеуказанных проблем, а также позволит органам государственной власти, компаниям получать актуальную информацию о финансово-экономических показателях деятельности, о спросе и предложении на товары и услуги, направления экспортта и импорта, можно включить в данную систему раздел нормативно-законодательной документации. Вместе с этим информационная система позволит существенно увеличить экономическую устойчивость деятельности в результате получения средних по стран (группе стран, компаний) статистических показателях, проводить

мониторинг и анализ показателей для выхода на новый уровень социально-экономической эффективности.

Более того, на рисунке 34 представлен разработанный автором алгоритм системы взаимодействия компаний Сахельско-Сахарских государств и России на примере нефтяной отрасли. Ввиду того, что нефтяная промышленность остается ключевым элементом экономик многих стран Сахельско-Сахарского региона (например, Чад, Нигер) и России, обеспечивая значительную долю доходов бюджета и валютных поступлений, что создает естественную основу для взаимных интересов. Реализация совместных нефтяных проектов требует четких механизмов координации, распределения рисков и контроля – именно те элементы, которые детализированы в представленном алгоритме. Анализ представленного алгоритма позволяет выявить логику построения системы сотрудничества между компаниями Сахельско-Сахарских государств и России в нефтяной отрасли.

Источник: составлено автором.

Рисунок 34 – Алгоритм разработки системы сотрудничества компаний Сахельско-Сахарских государств и России на примере нефтяной отрасли

Модель реализует принцип последовательного планирования, начиная с стратегического уровня (первый этап), где происходит определение целей, критериев и параметров деятельности с последующим их согласованием на всех уровнях управления. Это создает основу для формирования единого понимания задач партнерами, что особенно важно в условиях межстранового взаимодействия.

На втором этапе осуществляется переход к операционализации целей через формирование системы оценочных показателей, разработку методик их расчета и мониторинга. Ключевым элементом здесь становится распределение зон ответственности, что обеспечивает прозрачность и контролируемость совместных проектов. Особенностью модели является интеграция нормативных значений показателей, что позволяет унифицировать требования к деятельности в различных юрисдикциях.

Третий и четвёртый этапы алгоритма ориентированы на создание механизма обратной связи и адаптации. Процедура расчета шкалы критериев и разработки корректирующих действий демонстрирует итерационный характер модели, направленный на поддержание ее эффективности в условиях изменяющейся внешней среды. Заключительная стадия предполагает не только тактическую коррекцию, но и стратегическую оптимизацию развития нефтяной промышленности региона, что свидетельствует о долгосрочной ориентации сотрудничества. Данный алгоритм может служить универсальной основой для управления совместными проектами в других сырьевых отраслях.

Стратегия России должна быть основана на тщательном анализе и выявлении «точек запроса» — стран и внутристранных акторов, которые демонстрируют осознанную политическую волю к трансформации, заинтересованы в технологическом трансфере, укреплении институтов и реальной диверсификации экономики. Это требует развития «мягкой силы», экспертного диалога и точечной работы с просвещёнными элитами, академическим и бизнес-сообществом, способными стать драйверами изменений. Кооперация должна инициироваться не как универсальное предложение «для всех», а как ответ на конкретные, сформулированные

партнерами вызовы, что повысит эффективность и снимет риски восприятия российского присутствия как неоколониального.

При этом, выстраивая партнёрство, Российская Федерация не должна забывать о собственных национальных интересах и стратегической целесообразности. Помощь в построении суверенитета партнёров должна органично сочетаться с укреплением экономических, логистических и гуманитарных позиций России в регионе, созданием долгосрочных, взаимовыгодных и сбалансированных связей. Инвестиции и передача технологий должны не ослаблять, а в перспективе усиливать конкурентоспособность российских компаний, открывать новые рынки для несырьевого экспорта и способствовать формированию дружественных России центров влияния. Ввиду вышесказанного, предлагаемая модель взаимодействия обретает завершенность при дополнении её принципом избирательного прагматизма: Россия концентрирует ресурсы там, где существует внутренний спрос на суверенизацию и модернизацию, и выстраивает отношения в формате коэволюции, а не односторонней помощи, что служит укреплению как экономического суверенитета стран-партнёров, так и долгосрочных интересов самой Российской Федерации в стратегически важном Сахельско-Сахарском регионе.

Таким образом, реализация предлагаемого комплекса мер создаст синергетический эффект, значительно укрепляя как экономическую устойчивость, так и стратегическое партнерство между Россией и странами Сахельско-Сахарского региона. Внедрение информационной системы позволит вывести сотрудничество на качественно новый уровень за счет мониторинга и анализа средних статистических показателей, что является основой для достижения более высокой социально-экономической эффективности. Перспективы дальнейшего развития видятся в поэтапной трансформации сотрудничества от решения текущих задач к формированию устойчивой модели долгосрочного взаимодействия. Ключевым условием успеха остается адаптивность предлагаемой модели к изменяющимся условиям глобальной экономики, а также ее способность учитывать специфику каждого государства-партнёра.

Заключение

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели и решить комплекс научных задач, связанных с определением роли национального корпоративного сектора в обеспечении экономического суверенитета государств Сахельско-Сахарского региона. В результате системного анализа сформированы выводы и положения, составляющие научный вклад работы.

В условиях глобализации, характеризующейся доминированием транснациональных корпораций и углублением асимметричной взаимозависимости, проблема сохранения способности государств проводить независимую экономическую политику приобретает критическую значимость. Как показал анализ, для стран периферии мировой экономики экономический суверенитет перестает быть синонимом автаркии или полного контроля над всеми процессами. Вместо этого он трансформируется в способность стратегически управлять внешними связями, защищать ключевые национальные интересы и формировать внутренние источники устойчивого роста, где национальный корпоративный сектор выступает центральным элементом этой новой архитектуры.

Развита теоретическая база исследования экономического суверенитета через призму национального корпоративного сектора. В работе преодолен узкий подход, ограничивающий суверенитет вопросами государственного регулирования и макроэкономической политики. Доказано, что в эпоху глобальных цепочек создания стоимости реальный экономический суверенитет государства в значительной степени определяется структурой, конкурентоспособностью и стратегической автономией его национальных компаний. Введено и обосновано понятие «корпоративного суверенитета» как фундаментального компонента экономического суверенитета, что позволяет оценивать устойчивость страны не только по формальным институтам, но и по наличию критической массы национальных хозяйствующих субъектов,

способных быть проводниками государственных интересов в глобальной экономике.

Разработан и апробирован авторский методический инструментарий для оценки степени транснационализации и зависимости экономик развивающихся стран. В условиях острого дефицита детализированных корпоративных данных по субрегиону предложен упрощённый композитный индекс транснационализации, основанный на качественном анализе присутствия иностранного капитала в трёх стратегических сегментах: добывающем секторе, финансово-телекоммуникационной инфраструктуре и логистике. Его применение к странам Сахельско-Сахарского региона выявило чёткую дифференциацию: от крайне высокой сырьевой зависимости (Нигер, Чад, Гвинея) до уязвимости, вызванной слабостью национального корпоративного сектора (ЦАР, Коморские острова). Данный инструмент доказал свою эффективность для выявления структурных рисков суверенитета в условиях ограниченной статистики.

Впервые на основе комплексного институционального анализа стран, входящих в зону пересечения юрисдикций СЕН-САД и ОНАДА, выявлены глубинные дуалистичные факторы, сдерживающие развитие национального корпоративного сектора. Исследование продемонстрировало, что формальная унификация, основанная на общем правовом поле по гармонизации коммерческого права, схожей форме государственного правления, лингвистической общности и единой валютной системе, формирует лишь внешний институциональный каркас для региональной интеграции и взаимодействия. Параллельно действует мощный пласт неформальных институтов – кланово-семейные связи, этническая солидарность, религиозные нормы и традиционные практики ведения бизнеса. Именно этот институциональный дуализм, а не просто слабость формальных правил, порождает высокие транзакционные издержки, препятствует созданию прозрачных компаний, основанных на профессиональном менеджменте, и

консервирует зависимость от внешних игроков, способных эти неформальные правила обходить или использовать.

Обоснована и эмпирически подтверждена концепция «разделённого экономического суверенитета» как аналитическая рамка для стратегического позиционирования развивающихся стран в глобальной экономике. Автор в работе отвергает дилемму «полный суверенитет – полная зависимость».

На примере исследуемого региона показано, что государства сознательно идут на добровольное, договорное делегирование части полномочий (в денежно-кредитной сфере через франк КФА, в торговой политике через региональные объединения, в управлении ресурсами через соглашения с ТНК) в обмен на доступ к стабильности, рынкам, инвестициям и технологиям. Ключевым выводом является то, что сила экономического суверенитета в таких условиях измеряется не объёмом удержанных прерогатив, а способностью государства вести стратегический торг, извлекать максимальные выгоды из такого раздела, сохранять контроль над долгосрочными целями развития и наращивать внутренний корпоративный потенциал для изменения условий игры в будущем.

Более того, максимальный вклад в развитие суверенитета демонстрируют компании, прошедшие этап контролируемой интеграции – заимствования технологий и капитала – и перешедшие к этапу активной внешней экспансии, созданию собственных региональных сетей и брендов. Следовательно, политика укрепления суверенитета должна быть направлена не на изоляцию, а на управляемую и стратегически выверенную интеграцию национальных корпоративных чемпионов в мировую экономику на собственных условиях.

Установлена и проанализирована прямая причинно-следственная связь между качеством институтов, уровнем экономической свободы, развитием национального корпоративного сектора и показателями реального экономического суверенитета. Корреляционный анализ данных по индексам государственного управления, доступа к инфраструктуре (электроснабжению)

и динамике ВВП однозначно показал: страны с относительно более высокими показателями эффективности госуправления и защиты прав собственности (Сенегал, Кот-д'Ивуар) демонстрируют и более устойчивый экономический рост, и больше возможностей для развития национального бизнеса. Это доказывает, что укрепление экономического суверенитета неотделимо от глубоких внутренних институциональных реформ, создающих среду, в которой могут рождаться и конкурировать национальные корпорации.

Помимо этого, данную гипотезу доказывает и проведённый автором анализ динамики Индекса экономической свободы, который позволил установить эмпирически подтверждённую взаимосвязь между уровнем экономических свобод, зрелостью корпоративных структур и способностью государства сохранять экономический суверенитет. Исследование показало, что страны с более высокими показателями экономической свободы демонстрируют значительно большую устойчивость национальных корпораций к внешним шокам и лучшую адаптацию к условиям глобальной конкуренции. Особое значение имеет выявленная корреляция между защитой прав собственности, эффективностью регулирования и конкурентоспособностью национальных компаний на международной арене. Установлено, что взаимодействие между корпоративными структурами и государством создает синергетический эффект, оптимизируя распределение ресурсов и повышая эффективность рыночных механизмов.

Проведённая классификация институциональных ограничений позволила не только их систематизировать, но и выявить каузальные связи между различными уровнями. Установлено, что макроуровневые ограничения (политическая нестабильность, коррупция) создают генерализованный инвестиционный климат высокого риска. Однако ключевым «узким местом», напрямую блокирующим развитие зрелого корпоративного сектора, являются ограничения мезо- и микроуровня: несовершенство и непрозрачность корпоративного права в рамках ОНADA, слабость рынков долгового капитала (особенно в национальных валютах), а также острый дефицит управлеченческих

компетенций в области стратегического менеджмента, финансов и маркетинга. Это формирует «ловушку корпоративного развития»: даже при наличии предпринимательских инициатив и локального спроса компании не могут масштабироваться до уровня, способного конкурировать с ТНК или выходить на внешние рынки, оставаясь в тени неформального сектора.

Сформирована стратегия внешнеэкономического развития национального корпоративного сектора стран субрегиона на временной горизонт в 10 лет, базирующаяся на принципах региональной экономической интеграции и глокализации. Её ядром является выделение и поэтапное развитие ключевых приоритетных секторов, способных стать драйверами общего роста и структурной трансформации. Реализована операционализация данной стратегии путём разработки системы конкретных инициатив, распределённых по двум взаимодополняющим трекам – экономическому и внешнеэкономическому. Данные инициативы конкретизированы в виде таблицы проектов и мероприятий первого этапа (2024 – 2028 гг.), что создаёт практический инструмент для мониторинга и управления процессом интеграции на уровне региональных группировок.

Установлено, что последовательная реализация приоритетных проектов в сферах торговли, безопасности и отраслевого развития создаёт необходимый фундамент для перехода от фрагментированных национальных рынков к единому экономическому пространству, тем самым закрепляя основу для развития экономического суверенитета и устойчивого роста национального корпоративного сектора всего субрегиона.

Сформулирована и научно аргументирована концепция повышения роли национального корпоративного сектора на основе синтеза ЦУР и принципов ESG. Установлено, что внедрение ESG-стандартов формирует внутренние конкурентные преимущества компаний, которые напрямую способствуют снижению внешней зависимости и укреплению устойчивости национальной экономики. Инициатива «Великая зелёная стена» выступает стратегическим базисом для реализации ESG-принципов в

Сахельско-Сахарском регионе, становясь не просто экологическим проектом, а системообразующим каркасом для новой модели экономического суверенитета, основанного на устойчивости и инклюзивности. Проект создаёт операционную среду, которая материализует экологические императивы через восстановление деградированных ландшафтов и создание климатически устойчивой инфраструктуры. Одновременно инициатива генерирует значительный социальный капитал за счёт формирования новых рабочих мест в аграрном и природоохранном секторах, способствуя укреплению продовольственной безопасности и снижению социальной напряжённости.

Разработана модель взаимодействия для обеспечения стратегического партнёрства российских бизнес-акторов с корпоративными структурами Сахельско-Сахарского региона, включающая комплекс мероприятий по углублению партнёрства в сельском хозяйстве, образовании, торговле и цифровизации. В контексте разработанной концепции суверенной корпоративной экосистемы, а также модели стратегического партнёрства, Российской Федерации как ключевому внешнему актору следует исходить из принципа дифференцированного и запросно-ориентированного подхода. Важно осознавать, что социально-экономическая и политическая карта Сахельско-Сахарского региона неоднородна: не все национальные правительства и локальные элиты в равной степени готовы к глубоким структурным реформам и переходу от устоявшихся, зачастую патронажно-сырьевых моделей, к модели устойчивого самостоятельного развития. Многие субъекты могут быть удовлетворены текущим положением дел, которое обеспечивает им стабильность в краткосрочной перспективе, несмотря на долгосрочные риски донорской зависимости.

Тем не менее, ключевым аспектом в рамках данного подхода становится приоритет обмена информацией и экспертизой. Российским бизнес-акторам следует позиционировать себя не просто как поставщиков товаров или инвесторов, а как носителей практического опыта и технологических решений, адаптированных к сложным условиям. Ключевой задачей является

построение доверия через прозрачность, совместный анализ потребностей и передачу знаний, что создаёт основу для подлинно партнёрских, а не патронажных отношений. Подобный информационный обмен способствует выявлению конкретных ниш для сотрудничества, формированию общего видения развития и, в конечном итоге, помогает национальным элитам и корпоративному сектору региона осознать выгоды от перехода к более диверсифицированной и суверенной модели экономики, минимизируя риски восприятия внешнего взаимодействия как новой формы зависимости.

Доказано, что реализация данных мер позволит усилить экономический суверенитет за счёт диверсификации производственных цепочек и повышения конкурентоспособности национальных предприятий. Предложенные в исследовании методические подходы и практические рекомендации создают научную основу для совершенствования законодательной базы в сфере инвестиционной и инновационной деятельности, а также для выработки эффективных механизмов реализации промышленной политики государств региона.

Проведённое исследование открывает перспективы для дальнейших научных изысканий в области развития корпоративного сектора стран Африки, совершенствования механизмов международного экономического сотрудничества и разработки стратегий обеспечения экономического суверенитета в условиях глобальной трансформации.

Список литературы

Книги

1. Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности : учебное пособие; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра востоковедения / В. А. Корсун [и др.]; под редакцией А. Д. Воскресенского, Н. П. Малетина. – Москва : МГИМО (У), 2001. – 355 с. – ISBN 5-9228-0051-5.
2. Анализ глобализации зарубежных энергетических рынков: монография / М.Д. Симонова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва : МГИМО (У), 2016. – 434 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9228-1408-9.
3. Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира. Сборник статей / Ответственные редакторы кандидат экономических наук С.Н. Волков, доктор исторических наук Т.Л. Дейч, кандидат экономических наук О.В. Константинова. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2024. – 252 с. – ISBN 978-5-91298-305-4.
4. Африка 2023. Возможности и риски : экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов [и др.].; под общей редакцией А. А. Маслова ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 190 с. – ISBN отсутствует.
5. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. – Москва : Международные отношения, 2021. – 142 с. – ISBN 978-5-7133-1710-2.

6. Бабаев, К.В. Что такое Африка / К.В. Бабаев, А. Архангельская. – Москва : Рипол Классик, 2015. – 408 с. – ISBN 978-5-386-08595-7.
7. Безопасность Африканского континента в XXI веке: надежды и тревоги / ответственные редакторы: кандидат политических наук С.В. Костелянец; профессор Х. Соломон. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2023. – 272 с. – ISBN 978-5-91298-293-4.
8. Богатырев, С.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России : монография / под общей редакцией В.Н. Анищенко. – Москва: «Эдитус», 2016. – 181 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-00058-375-3.
9. Болдуин, Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация ; перевод с английского / Р. Болдуин. – Москва : Издательский дом «Дело» Российской академии народного хозяйства и государственной службы, 2018. – 416 с. – ISBN 978-5-7749-1317-6.
10. Буглай, В.Б. Международные экономические отношения развивающихся стран: отношения с развитыми капиталистическими странами: учебное пособие / В.Б. Буглай, Н.Н. Ливенцев // Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. Кафедра международных экономических отношений и внешнеэкономических связей. – Москва : МГИМО (У), 1991. – 67 с. – ISBN отсутствует.
11. Глобальные экономические тренды и позиция России : монография / И.Н. Платонова, Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко [и др.] ; под общей редакцией доктора экономических наук И. Н. Платоновой, кандидата экономических наук М.А. Максаковой // Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Факультет международных экономических отношений, Кафедра международных экономических отношений и внешнеэкономических связей имени

Н. Н. Ливенцева. – Москва : Научная библиотека, 2022. – 265 с. – 300 экз.
– ISBN 978-5-907497-92-4.

12. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект : монография / под общей редакцией доктора экономических наук, профессора И.Ю. Беляевой, доктора экономических наук, профессора М.А. Эскиндарова. – Москва : КНОРУС, 2008. – 503 с. – 300 экз.
– ISBN 978-5-390-00045-8.

13. Костелянец, С. В. Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций / ответственные редакторы С.В. Костелянец, А.А. Ткаченко, Т.Л. Дейч [и др.]. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2017. – 146 с. – ISBN 978-5-91298-184-5.

14. Костюнина, Г. М. Свободные экономические зоны в мировой экономике / Г. М. Костюнина. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. – 397 с.
– ISBN 978-5-9228-2581-8.

15. Кузнецов, Д.А. Теория и практика международного трансрегионализма / Д.А. Кузнецов. – Москва : Издательство «Аспект-Пресс», 2022. – 160 с. – ISBN 978-5-7567-1210-0.

16. Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура: монография / под редакцией А.В. Шамраева: в 2 частях. Часть вторая. – Москва : КНОРУС: Центр изучения проблем становления и развития системы финансового регулирования, 2014. – 640 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-406-03008-0.

17. Мировая экономика и международные экономические отношения : учебник / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров, Е. Б. Стародубцева [и др.]. – Москва : ООО Издательство «КУРС», 2025. – 292 с.
– ISBN 978-5-907535-58-9.

18. Мосейко, А.Н. Постколониальная Африка южнее Сахары. Вопросы гуманитарного знания. Опыт междисциплинарного исследования /

А.Н. Мосейко ; ответственный редактор Т.С. Денисова. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-91298-312-2.

19. Окунев, И.Ю. Основы пространственного анализа : монография / И.Ю. Окунев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Аспект Пресс, 2023. – 255 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7567-1245-2.

20. Перспективы экономической глобализации: монография / коллектив авторов ; под редакцией А.С. Булатова. – Москва : КНОРУС, 2019. – 666 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-406-06434-4.

21. Рачков, И. В. Всемирная торговая организация: право и институты : учебное пособие для студентов, изучающих право ВТО на русском языке, практикующих юристов, законодателей и судей / И.В. Рачков; юридическая фирма «Некторов, Савельев и партнёры». — Москва : Институт права и публичной политики, 2019 – 292 с. – ISBN 978-5-94357-078-0.

22. Роббинс, Л. Природа и значение экономической науки / Л. Роббинс ; под редакцией Д. Хаусмана ; перевод с английского. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2012. – 520 с. – ISBN 978-5-93255-347-3.

23. Роль институтов развития человеческого капитала в качестве средств силовой политики в современной стратегии национальной безопасности: правовые и политологические аспекты : монография / О.В. Боброва [и др.]. – Москва : Подольская фабрика офсетной печати, 2022. – 403 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7151-0582-0.

24. Сафонова, Е.И. КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока в 2018 г. / Е. И. Сафонова // Проблемы Дальнего Востока. – Москва : Российская академия наук, 2019. – № 5. Часть 1. – 143-148 с. – ISSN 0131-2812.

25. Сильвестров С.Н. Роль и место государственных корпораций в современной модели экономического развития России : монография / С.Н. Сильвестров, А.Г. Зельднер, Н.Е. Кузнецов [и др.] ; под общей редакцией А.Г. Зельднера. – 4-е издание. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2024. – 180 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-394-05658-1.

26. Симонова, М.Д. Система показателей глобализации торговли развитых стран: методология анализа / М.Д. Симонова. – Москва : Московский государственный институт международных отношений – Университет, 2010. – 308 с. – ISBN – 978-5-9228-0602-2.
27. Сфера услуг в Африке : коллективная монография / Е.А. Абрамова, А.К. Баринов, М.А. Володина [и др.] / Ответственный редактор Е. В. Морозенская. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2024. – 438 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-91298-309-2.
28. «Третий мир»: спустя полстолетия / ответственные редакторы В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. – Москва : Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2013. – 262 с. – ISBN 978-5-9535-0378-5.
29. Урнов, А.Ю. Политика США в Африке (конец 2022 г. – начало 2024 г.) / А.Ю. Урнов ; ответственный редактор кандидат исторических наук О.С. Кулькова. – Москва : Институт Африки Российской академии наук, 2024. – 188 с. – ISBN 978-5-91298-306-1.
30. Цибулина, А.Н., Валютная интеграция в мире : учебное пособие / А.Н. Цибулина. – Москва : КНОРУС, 2023. – 222 с. – ISBN 978-5-406-10658-7
31. Эйфари, А. З. К. Развивающиеся страны и «Капитал» К. Маркса : монография, к 200-летию со дня рождения К.Маркса / А.К. Эйфари. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2019. – 302 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-209-09651-1.
32. Юг: путь к экономической независимости : монография / Л.М. Капица, Н.В. Галищева, Д.Б. Калашников [и др.] ; под общей редакцией доктора экономических наук, профессора А.Н. Захарова, доктора экономических наук, профессора А.С. Булатова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра мировой экономики. – Москва : МГИМО (У), 2019. – 324 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9228-2131-5.

33. Яковлева, А. А. Развивающиеся страны мира по классификации международного валютного фонда / А.А. Яковлева // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции. В пяти частях. Часть 2. – Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – 158-161 с. – ISBN 978-5-00109-344-2.

Нормативные правовые акты

34. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и ее арктических территорий [Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 137] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.04.2025).

35. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» [Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 328] (редакция от 28 марта 2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201404280013> (дата обращения: 22.03.2025).

36. Об утверждении Стратегии развития экспорта продукции машиностроения на 2021-2030 годы [Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 года № 1659] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109300037> (дата обращения: 29.03.2025).

37. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : официальный текст [принята всенародным голосованием

12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года]. – Текст : электронный.
– URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

38. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (редакция от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 26 (Часть I). - Ст. 3378. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164821/ (дата обращения: 15.04.2025).

39. Российская Федерация. Законы. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (редакция от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 26. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172940/ (дата обращения: 03.04.2025).

40. Российская Федерация. Законы. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ (редакция от 25 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 28. - Ст. 3493. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 22.04.2025).

Стандарты

41. ГОСТ Р 56020-2020 / Бережливое производство. Основные положения и словарь = Lean production. Fundamentals and vocabulary: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное:

утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 августа 2020 г . № 513-ст: взамен ГОСТ Р 56020-2014 / Бережливое производство. Основные положения и словарь: дата введения 2021-08-01 / разработан - Обществом с ограниченной ответственностью «Приоритет-БИТ» (ООО «Приоритет-БИТ»). – Москва : Российский институт стандартизации, 2021.

42. ГОСТ Р 59709-2021. Зеленые технологии. Методика оценки соответствия проектов критериям зеленых технологий и проектов устойчивого развития [Текст]. – Москва : Стандартинформ, 2021.

43. ГОСТ Р ИСО 14001-2016 / Руководство ИСО 14001:2015. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению = Environmental management systems. Requirements with guidance for use : национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 апреля 2016 г. № 285-ст: взамен ГОСТ Р ИСО 14001-2007 / Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению: дата введения 2017-03-01 / подготовлен - Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО «ВНИИС») – Москва : Стандартинформ, 2016.

44. ГОСТ Р ИСО 26000-2012 / Руководство ИСО 26000:2010. Руководство по социальной ответственности = Guidance on social responsibility: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2012 г. № 1611-ст: дата введения 2013-03-15 / подготовлен – ТК 471 «Социальная ответственность» совместно с Академией труда и социальных отношений. – Москва : Стандартинформ, 2014.

45. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 / Руководство ИСО 9001:2015. Системы менеджмента качества. Требования = Quality management

systems — Requirements: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. № 1391 – ст: дата введения 2015 - 10 - 01 /подготовлен - Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО «ВНИИС»). – Москва : Стандартинформ, 2015.

46. Кодекс корпоративного управления [одобрен Советом директоров Банка России 21.03.2014 и рекомендованного к применению письмом Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463]. – Текст : электронный.
– URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/93571/kod_ku.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

Электронные ресурсы

47. Аналитическое агентство по исследованию макроэкономических показателей стран мира TheGlobalEconomy.com : официальный сайт.
– URL: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 15.04.2025). – Текст : электронный.

48. Бобылев, С. Что известно об основных торговых партнерах России в Африке / С. Бобылев // ТАСС : сайт. – 2023. – Текст : электронный.
– URL: <https://tass.ru/info/18376297>(дата обращения: 22.03.2025).

49. Булатов, В. Африканская архитектура мира и безопасности / В. Булатов // Зарубежное военное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 12-17.
– Текст : электронный.
– URL: http://factmil.com/publ/strana/afrika/afrikanskaja_arkhitektura_mira_i_bezopasnosti_2017/166-1-0-1142 (дата обращения: 22.03.2025).

50. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года.
– Текст : электронный.

– URL: http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3668&doc_id=2066 (дата обращения: 05.04.2025).

51. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) : торговое соглашение. – Текст : электронный.

– URL: <http://www.vavt.ru/wto/wto/GenATS> (дата обращения: 12.03.2025).

52. Годовой отчёт за 2022 год. Международный валютный фонд : официальный сайт.

– URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2022/downloads/imf-annual-report-2022-russian.pdf> (дата обращения: 28.03.2025). – Текст : электронный.

53. Данные Центра содействия инвестициям в Кот-д'Ивуаре (CEPICI).
– 2023. – С. 20. – Текст : электронный.

– URL: https://cepici.ci/web/pub/resume_executif-2023.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

54. Доклад о человеческом развитии 2023 : резюме / Программа развития ООН (ПРООН). – Текст : электронный.

– URL <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 05.04.2025).

55. Индикаторы мирового развития: макроэкономическая стабильность // Всемирный банк : официальный сайт.
– URL: <https://wdi.worldbank.org/table/4.2#> (дата обращения: 03.05.2025).
– Текст : электронный.

56. Информационная справка о международной ассоциации развития // Всемирный банк : официальный сайт.

– URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2019/12/13/fact-sheet-the-international-development-association-ida> (дата обращения: 03.04.2025).

– Текст : электронный.

57. Кот-д'Ивуар: горнодобывающая компания Ity столкнулась с гневом местных жителей = Côte d'Ivoire: la société minière d'Ity face à la colère des riverains // Financial Afrik : сайт. – 2020. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.financialafrik.com/2020/11/25/cote-divoire-la-societe-miniere-dity-face-a-la-colere-des-riverains/> (дата обращения: 02.02.2025).

58. Наумов, А.О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 71. – Текст : электронный.

– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepravitelstvennyh-organizatsiy-vtsvetnyh-revoljutsiyah> (дата обращения: 15.03.2025).

59. Организации экономического сотрудничества и развития : официальный сайт.

– URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RS_AFR (дата обращения: 04.07.2024). – Текст : электронный.

60. Политические изменения в Латинской Америке : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://ir.vsu.ru/periodicals/pdf/latin_politics/6.pdf (дата обращения: 28.03.2025).

61. Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития // GTMarket : сайт. – Текст : электронный.

– URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 25.03.2025).

62. Россия и Африка нашли рецепты для интеграции // Ведомости : информационное агентство : сайт. – 2023. – Текст : электронный.

– URL: https://spb.vedomosti.ru/press_releases/2023/12/01/rossiya-i-afrika-nashli-retsepti-dlya-integratsii (дата обращения: 10.03.2025).

63. Справочник Всемирного банка по обслуживанию задолженности : справочник. – Текст : электронный. – URL: http://web.worldbank.org/archive/website01291/WEB/IMAGES/10R020_0.PDF (дата обращения: 01.04.2025).

64. Стандартизированная Глобальная инициатива по отчётности (Global Reporting Initiative, GRI) // РБЭН : сайт. – Текст : электронный.

– URL: <https://rben.ru/home-old/2-pages/341-standart-globalnoj-initiativy-po-otchetnosti-global-reporting-initiative-gri> (дата обращения: 20.03.2025).

65. Таможенная статистика внешней торговли // Федеральная таможенная служба (ФТС России) : официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg?ysclid=mas28s1qoy146609624> (дата обращения: 30.03.2025). – Текст : электронный.

66. Товарооборот ЕАЭС и Африки вырос на 60% за семь лет // Ведомости : сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/27/987293-tovarooborot-eaes-afriki-viros> (дата обращения: 18.03.2025).

67. Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) : сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/eclac/> (дата обращения: 10.04.2025). – Текст : электронный.

68. Эксперты оценили потенциал развития торговых связей с Африкой // Ведомости : информационное агентство. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/27/987126-eksperti-otsenili-potentsial-razvitiya-torgovih-svyazei-s-afrikoi> (дата обращения: 27.03.2025).

Статьи

69. Абрамова, И.О. Мировая экономика в начале XXI века и ее «Африканская» составляющая / И.О. Абрамова // ПСЭ (Проблемы современной экономики). 2014. – № 3 (51). – С. 139-145. – ISSN 1818-3409.

70. Абрамова, И.О. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической зависимости / И.О. Абрамова, Л.Л. Фитуни // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 12. – С. 5-14. – ISSN отсутствует.

71. Абрамова, И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития / И.О. Абрамова, Л.Л. Фитуни // Мировая

экономика и международные отношения. – 2012. – № 7. – С. 3-4. – ISSN отсутствует.

72. Адамян, С.Д. Механизм обеспечения финансовой безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации / С.Д. Адамян // Символ науки. – 2022. – № 4-2. С. 61-64. – ISSN 2410-700X.

73. Азатян, М.О. Роль ТНК и прямых иностранных инвестиций в современных тенденциях международного движения капитала / М.О. Азатян // Молодой ученый. – 2018. – № 45. – С. 45-48. – ISSN 2072-0297.

74. Ананьевин, О.И. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв / О.И. Ананьевин, Р.Г. Хайткулов, Д.Е. Шестаков // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 12. – С. 15-27. – ISSN отсутствует.

75. Балацкий, Е.В. Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования / Е.В. Балацкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – № 1. Том 18. – С. 46-65. – ISSN отсутствует.

76. Барков, А.В. Концепция управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций в рамках технологического суверенитета / А.В. Барков, М.М. Завьялов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (69). Том 18 . – С. 34-40. – ISSN отсутствует.

77. Бирюков, Д.Ю. Инструменты реализации экономических интересов Китая в развивающихся странах на примере стран Африки южнее Сахары / Д.Ю. Бирюков, Н.В. Дюжева // Вестник РУДН (Российского университета дружбы народов). Серия: Экономика. – 2021. – № 2. Том 29. – С. 426-438. – ISSN 2500-0217.

78. Булатов, А. Международное движение капитала: тенденции и перспективы / А. Булатов, Ю. Квашнин, С. Ребрей // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2018. – № 8. Том 62. – С. 16-25. – ISSN отсутствует.

79. Варнавский, В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве / В. Варнавский // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2019. – № 1. Том 63. – С. 25-33. – ISSN отсутствует.
80. Галимов, Р.Р. ТНК и неоколониализм в Африке / Р. Р. Галимов // Казанский вестник молодых ученых. – 2019. – № 4 (12). Том 3. – С. 110-115. – ISSN 2587-9669.
81. Галищева, Н.В. Индийская модель международной конкурентоспособности: «конкурентная пирамида» / Н.В. Галищева // Мировое и национальное хозяйство. – 2012. – № 4 (23). – ISSN 2713-0983.
82. Геворгян, Г. Проблематика экономического суверенитета в контексте внешнеэкономических связей / Г. Геворгян // Вестник Армянского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (69). – С. 112-130. – ISSN отсутствует.
83. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Под редакцией А. Дынкина // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 8. – ISSN отсутствует.
84. Годованюк, К.А. Африканское направление внешней политики Великобритании / К.А. Годованюк // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 5. – С. 151-157. – ISSN отсутствует.
85. Головин, В.Г. Имперские амбиции современных транснациональных корпораций / В.Г. Головин, Е.Е Головина // ВЭ (Внешняя экономика). – 2021. – № 3. Том 2. – С. 156-189. – ISSN: 2712-841.
86. Дробот, Е.В. Проблемы и перспективы реализации концепции корпоративной социальной ответственности в Африке / Е.В. Дробот // Экономические отношения. – 2021. – № 4. Том 11. – С. 827-854. – ISSN 2587-8921.
87. Дробот, Е.В. Государственно-корпоративное партнерство в условиях пандемии COVID-19: африканский опыт / Е.В. Дробот,

В.В. Колесников, И.Н. Макаров // Вестник Академии права и управления. – 2021. - № 3 (64). – С. 82-87.– ISSN 2074-9201.

88. Дронова, О. Б. Анализ влияния транснациональный корпораций на мировое хозяйство и динамику прямых иностранных инвестиций / О.Б. Дронова // Известия ВУЗов (высших учебных заведений). Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2022. – № 3 (53). – С. 34-42. – ISSN отсутствует.

89. Дронова, О.Б. Антиглобализационные тенденции в деятельности транснациональных корпораций / О.Б. Дронова, Ж.М. Козлова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2020. – № 1 (151). – С. 10-13. – ISSN отсутствует.

90. Дронова, О.Б. Ресурсная концепция в основе повышения инвестиционной активности промышленных корпораций / О.Б. Дронова, Ж.М. Козлова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 4 (148). – С. 65-68. – ISSN 2072-8697.

91. Ибрагимов, М.А. Современные тенденции международных воспроизводственных процессов в период изменения геоэкономических принципов развития мировой экономики / М.А. Ибрагимов, А.Я. Рзаев // Пространственное развитие территорий : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Белгород, 22 ноября 2018 года / Ответственные редакторы Е.А. Стрябкова, И.В. Чистникова. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпизентр, 2018. – С. 8-12. – ISBN отсутствует.

92. Калиниченко, Л.Н. Кластеры в африканской экономике как перспективная модель организации производства / Л.Н. Калиниченко, Е.В. Морозенская // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – № 2. Том 14. – С. 164-175. – ISSN отсутствует.

93. Кондратьев, В. Новый этап глобализации: особенности и перспективы / В. Кондратьев // Мировая экономика и международные

экономические отношения. – 2018. – № 6. Том 62. – С. 5-17.
– ISSN отсутствует.

94. Корнев, А.В. Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики / А.В. Корнев, Е.В. Королева // Lex Russica. – 2022. – № 11 (192). Том 75. – С. 90-99. – ISSN отсутствует.

95. Кравцова, Е.М. Модели социальной ответственности бизнеса в мировой экономике / Е.М. Кравцова, В.Ю. Матвеева // Экономика, предпринимательство и право. – 2016. – № 1. Том 6. – С. 81-98.
– ISSN отсутствует.

96. Крупнов, Ю.А. Актуальные требования к стратегическому управлению социально-экономическим развитием и обеспечением национальной безопасности / Ю.А. Крупнов, С.Н. Сильвестров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – № 2. Том 21. – С. 5-19. – ISSN отсутствует.

97. Кузубов, А.А. Глобализация мировой экономики в развитии международных корпоративных структур / А.А. Кузубов, Н.В. Шашло // АНИ (Азимут научных исследований: экономика и управление): экономика и управление. – 2016. – № 3 (16). Том 5. – С. 143- 146. – ISSN 2309-1762.

98. Лобанов, М.М. Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующими рынками: проблемы типологизации и методологии исследования / М.М. Лобанов, С.П. Глинкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – № 1. Том 36. – С. 7-26. – ISSN отсутствует.

99. Межевич, Н.М. Современность и традиция в российской геополитике (Статья вторая) / Н.М. Межевич, В.А. Шамахов // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2 (134). – С. 10-14.
– ISSN отсутствует.

100. Мезинова, И.А. Исследование особенностей интернационализации транснациональных компаний из развивающихся стран

/ И.А. Мезинова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – № 2 (31). Том 9. – С. 226-230. – ISSN отсутствует.

101. Мельянцев, В.А. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980-2010-е годы) / В.А. Мельянцев, Л.Х. Матюнина. – Москва : Ключ-С, 2019. С. 149-162 // Восток. АфроАзиатские общества: история и современность. – 2019. – Выпуск 2. – С. 217-220. - ISSN 2079-8784. – Текст : электронный. – URL: <https://vostokoriens.jes.su/S086919080004607-4-1> (дата обращения – 10.04.2025)

102. Морозов, И.В. Национальная экономическая политика суверенитета и ретроспективный анализ ее формирования / И.В. Морозов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 9 (175). – С. 95-98. – ISSN отсутствует.

103. Нгетта Ирене Кристиан Эуман. Банковский сектор стран африканского континента / Эуман Нгетта Ирене Кристиан // Экономика и социум. – 2021. – № 4-2 (83). – С. 800-803. – ISSN 2225-2021.

104. Нуриев, Р. М. Институциональная экономика: проблемы и перспективы анализа развивающихся стран / Р.М. Нуриев // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 3 (94). – С. 97-106. – ISSN отсутствует.

105. Ореховский, П.А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа / П.А. Ореховский, Р. Пребиш, Ю. Яременко, Г. Менш // JER (Journal of Economic Regulation). – 2017. – № 1. Том 8. – С. 6-25. – ISSN отсутствует.

106. Павлов, В.В. Расширение участия стран Африки в международной промышленной кооперации / В.В. Павлов, А.Л. Сапунцов // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 12. Том 10. – С. 3109-3120. – ISSN 2222-534X.

107. Потапов, Д.А. «Теория большого толчка» и ее основные варианты / Д.А. Потапов, С.А. Филин // Молодой учёный. – 2019. – № 25 (263). – С. 225-227. – ISSN 2072 – 0297.

108. Равняго, А.С. Политика Великобритании в Восточной Африке (2008-2013 годы) / А.С. Равняго, Г.М. Сидорова // Огарев-Online. – 2018. – № 6 (111). Том 6. – С. 1-7. – ISSN 3211-2468.
109. Рахманов, А.Б. Концепция зависимости А.Г. Франка / А.Б. Рахманов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – № 2. – С. 52-67. – ISSN 0201- 7385.
110. Рубин, Э.Л. Распространение принципов демократии на корпоративное управление и далее: теория народного экономического суверенитета / Э.Л. Рубин // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – № 1. – С. 176-201. – ISSN отсутствует.
111. Савичева, Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций / Е.М. Савичева // Вестник РУДН (Российского университета дружбы народов). Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. С. 14 – 21. – ISSN 2313 – 0679.
112. Садчиков, М.Н. Налоговый суверенитет государства в условиях цифровизации международной экономической деятельности / М.Н. Садчиков // Вестник СГЮА (Саратовской государственной юридической академии). – 2020. – № 3 (134). – С.216-224. – ISSN отсутствует.
113. Сапаров, Р.Ю. Экономическая безопасность государств с развивающейся экономикой / Р.Ю. Сапаров // Вестник Кыргызстана. – 2022. – № 1-1. – С. 170-174. – ISSN отсутствует.
114. Сапир, Ж. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации / Ж. Сапир // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 2 (179). – С. 3-12. – ISSN 0868-6351.
115. Сапунцов, А.Л. Противодействие коррупции в африканском бизнесе транснациональных корпораций развивающихся стран / А.Л. Сапунцов // Российское предпринимательство. – 2015. – № 13. – С. 2067-2078. – ISSN отсутствует.

116. Сапунцов, А.Л. Транснациональные корпорации третьего мира и борьба за права человека в Африке / А.Л. Сапунцов // Вестник ГУУ (Государственного университета управления). – 2015. – № 10. – С. 269-274. – ISSN отсутствует.

117. Сапунцов, А.Л. Факторы креативности в потребительских предпочтениях африканцев как элемент обеспечения конкурентоспособности ТНК развивающихся стран / А.Л. Сапунцов // КЭ (Креативная экономика). – 2015. – № 7. – С. 897-916. – ISSN отсутствует.

118. Сапунцов, А.Л. Диверсификация внешнеэкономических связей России со странами Африки в сфере контрактной внешней торговли и инвестиций / А.Л. Сапунцов, В.В. Павлов // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – № 4. – С. 2079-2094. – ISSN отсутствует.

119. Суслова, Е.В. Анализ современных тенденций деятельности транснациональных корпораций / Е.В. Суслова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 7. – С. 160-164. – ISSN отсутствует.

120. Тележкина, М.С. Динамика спроса на навыки и отраслевая структура экономики: анализ развитых и развивающихся стран / М.С. Тележкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2022. – № 1. Том 38. – С. 65-84. – ISSN отсутствует.

121. Торкановский, Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность / Е.П. Торкановский // Экономические отношения. – 2020. – № 3. Том 10. – С. 663-682. – ISSN отсутствует.

122. Трошин, Д. В. Обеспечение безопасности - суррогат управления развитием / Д.В. Трошин // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 1. – С. 134-145. – ISSN отсутствует.

123. Удалов, В.С. Система «Центр – периферия» в современном политическом процессе / В.С. Удалов, А.О. Колобов // Вестник ННГУ (Нижегородского государственного университета). – 2011. – № 2-1. – С.297-301. – ISSN отсутствует.

124. Умалатова, Л.М. Классификация развивающихся стран с помощью инструментальных методов обработки информации согласно концепции о стадиях перехода между уровнями развития / Л.М. Умалатова // Теория. Практика. Инновации. – 2017. – № 6 (18). – С. 223-232. – ISSN отсутствует.
125. Филина, А.Д. Анализ трансформирования концепции КСО в странах Сахеля / А.Д. Филина // Экономика строительства. – 2023. – № 12. – С. 11-15. – ISSN 0131-7768.
126. Филина, А.Д. Влияние корпоративного сектора Сахельско-Сахарских государств на обеспечение экономического суверенитета: возможности и ограничения / А.Д. Филина // Национальная безопасность / nota bene. – 2023. – № 6. – С. 40-48. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69418 (дата обращения: 25.03.2025).
127. Филина, А.Д. Инвестиции в страны Сахельско-Сахарского региона: новые возможности в условиях мирового кризиса / А.Д. Филина // Экономика строительства. – 2025. – № 3. – С. 60-63. – ISSN 0131-7768.
128. Филина, А.Д. Интеграция российского бизнеса с сообществом CEN-SAD: детерминанта роста экономического взаимодействия между регионами / А.Д. Филина // Экономические науки. – 2023. – № 12 (229). – С. 391-397. – ISSN 2072-0858.
129. Филина, А.Д. Интернационализация деятельности бизнеса стран Сахельского региона / А.Д. Филина // Экономические науки. – 2024. – № 1 (239). – С. 338-343. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202410_338.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
130. Филина, А.Д. «Мировая экономика» – Механизм промышленной кооперации Российской Федерации и Сахельско-Сахарских государств на основе создания зон преференциальной торговли / А.Д. Филина //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024.
– № 9. – С. 223-229. – ISSN 2220-2404.

131. Филина, А.Д. Роль и место корпоративного сектора в CEN-SAD: развитие и перспективы / А.Д. Филина // Инновации и инвестиции. – 2023.
– № 5. – С. 554-558.– ISSN 2307-180X.

132. Филиппов, В.Р. Макрона по странам Африканского Рога / В.Р. Филиппов, Э. Турне // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 1. – С. 10-16.
– ISSN отсутствует.

133. Хесин, Е. Великобритания: изменение экономического ландшафта / Е. Хесин // Мировая экономика и международные отношения. – 2018.
– № 11. – С. 5-14. – ISSN отсутствует.

134. Цыганков, А.П. Снова русский урок? / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков // Россия в глобальной политике. – 2022. – № 1. Том 20.
– С. 51-58. – ISSN отсутствует.

135. Чичканов, Н. Отраслевой анализ моделей потребления интеллектуальных деловых услуг в странах европейского союза / Н. Чичканов // Форсайт. – 2022. – № 1. – С. 22-33. – ISSN отсутствует.

136. Шкваря, Л.В. Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) / Л.В. Шкваря // Вестник МГИМО-Университета. – 2020.
– № 13 (2). – С. 163-182. – ISSN отсутствует.

Источники на иностранном языке

137. 2022 Investment Climate Statements: Benin = Инвестиционный климат Бенина в 2022 году / Bureau of Economic and Business Affairs. – Текст : электронный. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-investment-climate-statements/benin/>(дата обращения: 05.02.2025).

138. 2023 Investment Climate Statements: Côte d'Ivoire = Инвестиционный климат Кот-д'Ивуара в 2023 году / Bureau of Economic and

Business Affairs. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/cote-divoire/> (дата обращения: 09.02.2025).

139. Achik, S. Monitoring de la stabilité régionale dans le bassin sahélien et en Afrique de l’Ouest = Мониторинг региональной стабильности в Сахельском бассейне и Западной Африке / S. Achik // Groupe de Recherche et d’Information sur la Paix et la Sécurité. – 2019. – Octobre. – Текст : электронный. – URL: https://www.grip.org/sites/grip.org/files/NOTES_ANALYSE/2019/NA_2019-10-11_FR_S-ACHIKA.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

140. Africa’s Largest Companies = Крупнейшие компании Африки. – Текст : электронный. – URL: <https://hmarkets.com/africa-largest-companies/> (дата обращения: 18.03.2025).

141. African Trade and Investment Development Insurance : официальный сайт. – URL: <https://www.atidi.africa> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

142. African Union : официальный сайт. – URL: <https://au.int> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

143. African Union (AU) Strengthening African Women's Participation in Conflict Prevention, Mediation Processes and Peace Stabilisation Efforts = Африканский союз (АС). Усиление участия африканских женщин в предотвращении конфликтов, посреднических процессах и усилиях по стабилизации мира . – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.peaceau.org/uploads/final-concept-note-femwise-sept-15-short-version-clean-4-flyer.pdf> (дата обращения: 28.03.2025).

144. Baraton, P. Entreprises privées et gouvernance publique en Afrique: difficultés et leviers d’actions = Частные предприятия и государственное управление в Африке: трудности и рычаги воздействия / P. Baraton, S. Fleury, F. Léon // Agence Française de Développement. L’économie africaine 2021. – Paris: La Découverte, 2021. – P. 90-105. – (Collection Repères). – Текст : электронный.

- URL: <https://shs.cairn.info/economie-africaine-2021--9782348067310-page-95?lang=fr> (дата обращения: 20.03.2025).

145. Bensimon, C. Malgré la mort annoncée du franc CFA, l'éco n'est pas encore né = Несмотря на объявленную смерть франка КФА, «эко» еще не родился / C. Bensimon, M. de Vergès // Le Monde : [информационное агентство]. – 2020. – 11 July. – Текст : электронный.

– URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/07/11/malgre-la-mort-annoncee-du-francfa-l-eco-n-est-pas-encore-ne_6045915_3212.html (дата обращения: 20.03.2025).

146. Caldeira, E. Effort fiscal en Afrique subsaharienne : les résultats d'une nouvelle base de données / E. Caldeira, A. Compaoré, A.A. Dama [et al.] // Revue d'Economie du Développement. – 2019. – Volume 27. – P. 5-51.

– ISBN отсутствует.

147. CEN-SAD = Сообщество стран Сахеля и Сахары : официальный сайт. – URL: <https://futures.issafrica.org/geographic/recs/cen-sad/> (дата обращения: 20.03.2025). – Текст : электронный.

148. Central Bank of West African States : официальный сайт.

– URL: <https://www.bceao.int/en> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.

149. Climate Change Impacts and Adaptation in the Aral Sea Basin = Влияние изменения климата и адаптация в бассейне Аральского моря.

– Текст : электронный. – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2020/mtg3/S2_RUS_CMCC_Mysiak.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

150. Climate Risk Country Profile: Russia = Климатический профиль страны: Россия // The World Bank : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30326/211296RU.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).

151. Community of Sahel-Saharan States : официальный сайт.
– URL: <https://cdg5s.org/en/en> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
152. De Raincourt, H. Sahel : repenser l'aide publique au développement = Сахель: переосмысление государственной помощи в целях развития / H. De Raincourt, H. Conway-Mouret // Rapport d'information. – Commission des Affaires étrangères, de la Défense et des Forces armées, Sénat. – 2016. – 29 juin. – 45 p. – Текст : электронный. – URL: <https://www.senat.fr/salle-de-presse/201606/sahel-repenser-laide-publique-au-developpement.html> (дата обращения: 20.03.2025).
153. Dollar, D. China's engagement with Africa: From natural resources to human resources / D. Dollar. // Washington, DC : Brookings, 2016. – 107 p. – (The John L. Thornton China Center at Brookings). – ISBN отсутствует.
154. Dunning, J.H. Multinationals, Technology and Competitiveness / J.H. Dunning. – London : Unwin Hyman, 1988. – 310 p. – ISBN 004445175X.
155. Dworkin, A. A return to Africa: Why North African states are looking south = Возвращение в Африку: почему страны Северной Африки смотрят на юг / A. Dworkin // European Council on Foreign Relations: официальный сайт. – 2020. – 3 July. – URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/a_return_to_africa_why_north_african_states_are_looking_south.pdf (дата обращения: 10.02.2025). – Текст : электронный.
156. Economic Community of West African States : официальный сайт.
– URL: <https://www.ecowas.int> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
157. Economic Overview: Ghana 2023 = Экономический обзор: Гана 2023 // Oxford Business Group : официальный сайт.
– URL: <https://oxfordbusinessgroup.com> (дата обращения: 12.02.2025). – Текст : электронный.
158. Egypt's FDI inflows to increase by 20% to \$12bn in FY2023/2024 = Приток прямых иностранных инвестиций в Египет увеличится на 20% до

12 миллиардов долларов в 2023-2024 финансовом году // Daily News Egypt : сайт. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.dailynewsegyp.com/2024/09/22/egypts-fdi-inflows-to-increase-by-20-to-12bn-in-fy2023-2024/> (дата обращения: 11.02.2025).

159. ElGanainy, A.A. Trade Integration in Africa: Unleashing the Continent's Potential in a Changing World / A.A. ElGanainy, S. Hakobyan, F. Liu // IMF Departmental Papers. – 2023. – 64 p. – ISBN отсутствует.

160. Extractive Industries Transparency Initiative : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://eiti.org> (дата обращения: 11.05.2025).

161. Foreign direct investments in Egypt reached historic \$46.1B in FY2023/2024 = Прямые иностранные инвестиции в Египте достигли исторической отметки в 46,1 млрд долларов в 2023/2024 финансовом году // Business Today Egypt : сайт. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.businesstodayegypt.com/Article/1/5193/Foreign-direct-investments-in-Egypt-reached-historic-46-1B-in> (дата обращения: 08.02.2025).

162. Forti, D. Toward a More Effective UN-AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management = К более эффективному партнерству ООН-АС по предотвращению конфликтов и кризисному управлению / D. Forti, P. Singh. – New York : International Peace Institute and Institute for Security Studies, 2019. – 48 p. – ISBN отсутствует.

163. Fröhlich, S. West Africa's new currency, the Eco: Rebrand or fresh start? = Новая валюта Западной Африки, Эко: ребрендинг или новый старт? / S. Fröhlich // DW : сайт. – 2019. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.dw.com/en/west-africas-new-currency-the-eco-rebrand-or-fresh-start/a-51784054> (дата обращения: 05.04.2025).

164. Frowd, P.M. Producing the ‘transit’ migration state: international security intervention in Niger = Производство «транзитного» миграционного государства: международное вмешательство в обеспечение безопасности в Нигере / P.M. Frowd. – 2019. – Текст : электронный. – URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01436597.2019.1660633?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 10.04.2025).

165. Ghana: Foreign Direct Investment Data = Гана: Данные о прямых иностранных инвестициях // World Bank : официальный сайт.
– URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 02.03.2025). – Текст : электронный.

166. Ghana's Economic Challenges and Investment Opportunities = Экономические вызовы и инвестиционные возможности Ганы // Financial Times : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ft.com> (дата обращения: 11.02.2025).

167. Glo-Djigbe Industrial Zone, Benin / Special Economic Zone = Индустримальная зона Гло-Джигбе, Бенин // Специальная экономическая зона.
– Текст : электронный. – URL: <https://africaforinvestors.com/zones/gdiz> (дата обращения: 11.03.2025).

168. Gravellini, J.-M. Comment renforcer la contribution du secteur privé au développement africain en améliorant son financement? / J.-M. Gravellini, F. Léon.
– Текст : электронный. – URL: <https://ferdi.fr/dl/df-wTUE1ZNf9KL1xLAbjNLtEp56/note-comment-renforcer-la-contribution-du-secteur-prive-au-developpement.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

169. IGI Global : официальный сайт. – URL: <https://www.igi-global.com/> (дата обращения: 08.04.2025). – Текст : электронный.

170. IMF at a Glance = МВФ в цифрах // International Monetary Fund : официальный сайт. – URL: <https://www.imf.org/ru/About/Factsheets/IMF-at-a-Glance> (дата обращения: 15.04.2025). – Текст : электронный.

171. Index of Economic Freedom = Индекс экономической свободы / The Heritage Foundation : сайт. – Текст : электронный.
– URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (дата обращения: 12.01.2025).

172. International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) : официальный сайт. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/who-we-are/ibrd>(дата обращения: 02.04.2025). – Текст : электронный.

173. International Statistical Institute : официальный сайт. – URL: <https://www.isi-web.org/> (дата обращения: 01.04.2025). – Текст : электронный.
174. Kersten, R. Small firms, large impact? A systematic review of the SME finance literature / R. Kersten, J. Harms, K. Liket, K. Maas // World Development. – 2017. – Volume 97. – P. 330-348. – ISBN отсутствует.
175. Kuwonu, F. Africa Watch: 2020 is election season across Africa / F. Kuwonu // Africa Renewal. – 2019-2020. – December-March. – P. 14-15. – ISBN отсутствует.
176. League of Arab States : официальный сайт. – URL: <http://www.leagueofarabstates.net/en/aboutlas/Pages/CountryData.aspx> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
177. Léon, F. The elusive quest for high-growth firms in Africa: When other metrics of performance say nothing / F. Léon // Small Business Economics. – 2021. – Volume 57. – P. 817-837. – ISBN отсутствует.
178. Nishio, A. Le secteur privé pourrait être un partenaire puissant au service du développement de l’Afrique de l’Ouest et du Sahel = Частный сектор может быть мощным партнером в развитии Западной Африки и Сахеля / A. Nishio // The World Bank : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://blogs.worldbank.org/fr/voices/le-secteur-prive-pourrait-etre-un-partenaire-puissant-au-service-du-developpement-de> (дата обращения: 05.03.2025).
179. OECD Multilingual Summaries Aid for Trade at a Glance 2019 Economic Diversification and Empowerment = Краткое изложение на разных языках: «Помощь в торговле с первого взгляда 2019». Экономическая диверсификация и расширение прав и возможностей // OECD : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ac9798d-ru.pdf?expires=1673352199&id=id&accname=guest&checksum=5E80DB40BCD77987A263374285E7AD03> (дата обращения: 01.04.2025).

180. OECD Regions and Cities 2020 = Регионы и города ОЭСР, 2020 год // OECD : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd.org/cfe/United-States-Regions-and-Cities-2020.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
181. OECD Regions and Cities at a Glance 2022 = Регионы и города ОЭСР в цифрах, 2022 год // OECD : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/14108660-en/index.html?itemId=/content/publication/14108660-en> (дата обращения: 18.03.2025).
182. OHADA : официальный сайт. – URL: <https://www.ohada.org/en/> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
183. Organisation of Islamic Cooperation : официальный сайт. – URL: <https://www.oic-oci.org> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
184. Revenue Statistics — African Countries: Comparative tables = Статистика доходов — страны Африки: сравнительные таблицы // OECD : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RS_AFR (дата обращения: 07.04.2025).
185. Sahel Alliance = Альянс Сахеля : официальный сайт. – URL: <https://opendata.alliance-sahel.org/portfolio> (дата обращения: 18.03.2025). – Текст : электронный.
186. Stockholm International Peace Research Institute : официальный сайт. – URL: <https://www.sipri.org> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
187. Surazu, M.M. The Cause of Diplomatic Failure in the Sahel Region and the Rising Coups / M.M. Surazu, J. Stefanović-Štambuk // International Journal of Research and Innovation in Social Science (IJRISS). – 2023. – Volume 7. – № 01. – P. 1005-1012. – DOI: <https://dx.doi.org/10.47772/IJRISS.2023.7012076>.

188. The African Development Bank Group (AfDB) : официальный сайт.
 – URL: <https://www.afdb.org/en> (дата обращения: 16.04.2025). – Текст : электронный.
189. The World Bank in Russia : официальный сайт.
 – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/RUS> (дата обращения: 03.04.2025). – Текст : электронный.
190. Trade and Development Report Update. April 2024 = Обновленная версия Доклада о торговле и развитии на апрель 2024 г. // UNCTAD : сайт.
 – Текст : электронный – URL: https://www.un.org/osaa/sites/www.un.org.osaa/files/un_brand_report_web_august_2020_v3_ru_0.pdf (дата обращения: 10.08.2024).
191. Un rapport du Groupe de la Banque mondiale souligne l'impact des réformes passées au sein de l'OHADA sur le développement du secteur privé = Доклад Группы Всемирного банка подчеркивает влияние прошлых реформ в рамках ОХАДА на развитие частного сектора // The World Bank : сайт.
 – Текст : электронный.
 – URL: <https://pressroom.ifc.org/all/pages/PressDetail.aspx?ID=18437> (дата обращения: 20.03.2025).
192. UNCTAD World Investment Report 2023 = Всемирный доклад о инвестициях ЮНКТАД 2023 // UNCTAD : сайт. – Текст : электронный.
 – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (дата обращения: 12.01.2025).
193. United Nations Economic Commission for Africa (UNECA) : официальный сайт. – URL: <https://www.uneca.org> (дата обращения: 20.04.2025). – Текст : электронный.
194. West African Economic and Monetary Union : официальный сайт.
 – URL: <https://www.uemoa.int/en> (дата обращения: 11.05.2025). – Текст : электронный.
195. West African leaders lift post-coup sanctions on Mali = Лидеры западноафриканских стран сняли санкции с Мали после переворота // Al

Jazeera : информационное агентство. – 2020. – Текст : электронный.
– URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/6/west-african-leaders-lift-post-coupsanctions-on-mali> (дата обращения: 15.03.2025).

196. Williams, P.D. Partnership peacekeeping: Challenges and opportunities in the United Nations - African Union Relationship / P.D. Williams, A. Boutellis // African Affairs. – 2014. – № 113 (451). – Р. 254-278. – ISBN отсутствует.

197. World Bank : официальный сайт.
– URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?view=chart> (дата обращения: 25.03.2025). – Текст : электронный.

198. World Economics : официальный сайт.
– URL: <https://www.worldeconomics.com> (дата обращения: 19.04.2025).
– Текст : электронный.

199. World Jeune Afrique : электронный журнал. – Текст : электронный.
– URL: <https://www.jeuneafrique.com/> (дата обращения: 12.11.2025).

200. World Mining Data : сайт. – Текст : электронный.
– URL: <https://www.world-mining-data.info> (дата обращения: 19.04.2025).

201. World Population Review = Обзор населения мира. – Текст : электронный. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/fdi-by-country> (дата обращения: 01.03.2025).

202. Зевин, Л.З. Megaregions in a globalizing world = Мегарегионы в глобализирующемся мире / Л.З. Зенин // Мировая экономика и международные отношения. – Москва : ФГБУ «Издательство «Наука». – 2016. – № 8. – С. 26-33. – ISSN 0131-2227. – Текст : электронный. – URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/08_2016/26-33Zevin.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

203. Конина, Н.Ю. Key aspects of the development of large international companies in a changing world = Ключевые аспекты развития крупных международных компаний в меняющемся мире / Н.Ю. Конина // Вестник МГИМО-Университета. – Москва : МГИМО-Университет. – 2016. – № 1 (46). – С. 123-138. – ISSN 2071-8160. – Текст : электронный.

– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vazhneyshie-aspekte-razvitiya-krupnyh-mezhdunarodnyh-kompaniy-v-menayuschemsya-mire> (дата обращения: 22.03.2025).

204. Красильщиков, В.А. Deindustrialization, reindustrialization and development = Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие / В.А. Красильщиков // Мировая экономика и международные отношения. – Москва : ФГБУН Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – 2016. – № 8. – С. 34-43. – ISSN 0131-2227.

– Текст : электронный. – URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/08_2016/34-43Krasilchikov.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

205. Лебедева, М.М. Megatrends of World Politics: Globalization, Integration and Democratization = Мегатренды мировой политики: глобализация, интеграция и демократизация / М.М. Лебедева, Д.А. Кузнецов ; под общей редакцией М.М. Лебедевой. – Лондон : Routledge, 2023. – 120 с. – ISBN 978-1-03-234191-0.

206. Мбен Мартин Франклайн. Advantages and disadvantages of attracting foreign capital to the developing countries of Central Africa = Достоинства и недостатки привлечения иностранного капитала в развивающиеся страны Центральной Африки / Мбен Мартин Франклайн // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2011. – № 5. – С. 78-83. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-privlecheniya-inostrannogo-kapitala-v-razvivayushiesya-strany-tsentralnoy-afriki> (дата обращения: 10.01.2023).

207. Немченко, В.П. African Union on Reformist Track = Африканский Союз на пути обновления / В.П. Немченко // Азия и Африка сегодня. – Москва: ФГБУН Институт востоковедения РАН. – 2019. – № 5. – С. 60-61. – ISSN 0321-5075. – DOI 10.31857/S032150750004752-9. – Текст : электронный.

- URL: <https://asaf-today.ru/S032150750004752-9-1> (дата обращения: 26.10.2025).

208. Ромадан, Л.И. United Nations African Union Cooperation In Conflict Prevention, Peacekeeping and Peacebuilding = Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству / Л.И. Ромадан, В.А. Шагалов // Вестник МГИМО-Университета. – Москва : МГИМО-Университет. – 2015. – № 6 (45). – С. 174-181. – ISSN 2071-8160.
– DOI <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-174-181>.

209. Харуна, М.А. African union and regional economic communities: problems, benefits and prospects of collaborations for integration = Африканский союз и региональные экономические сообщества: проблемы, преимущества и перспективы сотрудничества для интеграции / М.А. Харуна // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград : ВолГУ. – 2022.
– № 3. – С. 279-295. – ISSN 1998-9938.
– DOI <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.20>.

Приложение А
(информационное)

Классификация исследуемых государств по уровню экономического развития

Таблица А.1 – Классификация исследуемых государств по уровню экономического развития, 2024 г.

Развитые страны (категория A)	Развивающиеся страны (категория B)	Страны с переходной экономикой (категория C)	Уязвимые государства (категория D)	Наименее развитые страны (категория E)
–	Маврикий Марокко Намибия ЮАР	Алжир Бенин Ботсвана Буркина-Фасо Гана Кабо-Верде Кения Кот-д'Ивуар Мавритания Малави Руанда Сенегал Того Экваториальная Гвинея	Гамбия Египет Камерун Коморские острова Лесото Мозамбик Нигер Сомали Сьерра-Леоне Танзания Тунис Уганда Эсватини Замбия	Ангола Бурунди Габон Гвинея Гвинея-Бисау Демократическая Республика Конго Либерия Ливия Мадагаскар Мали Нигерия Республика Конго Судан ЦАР Чад Эфиопия Зимбабве Эритрея Джибути

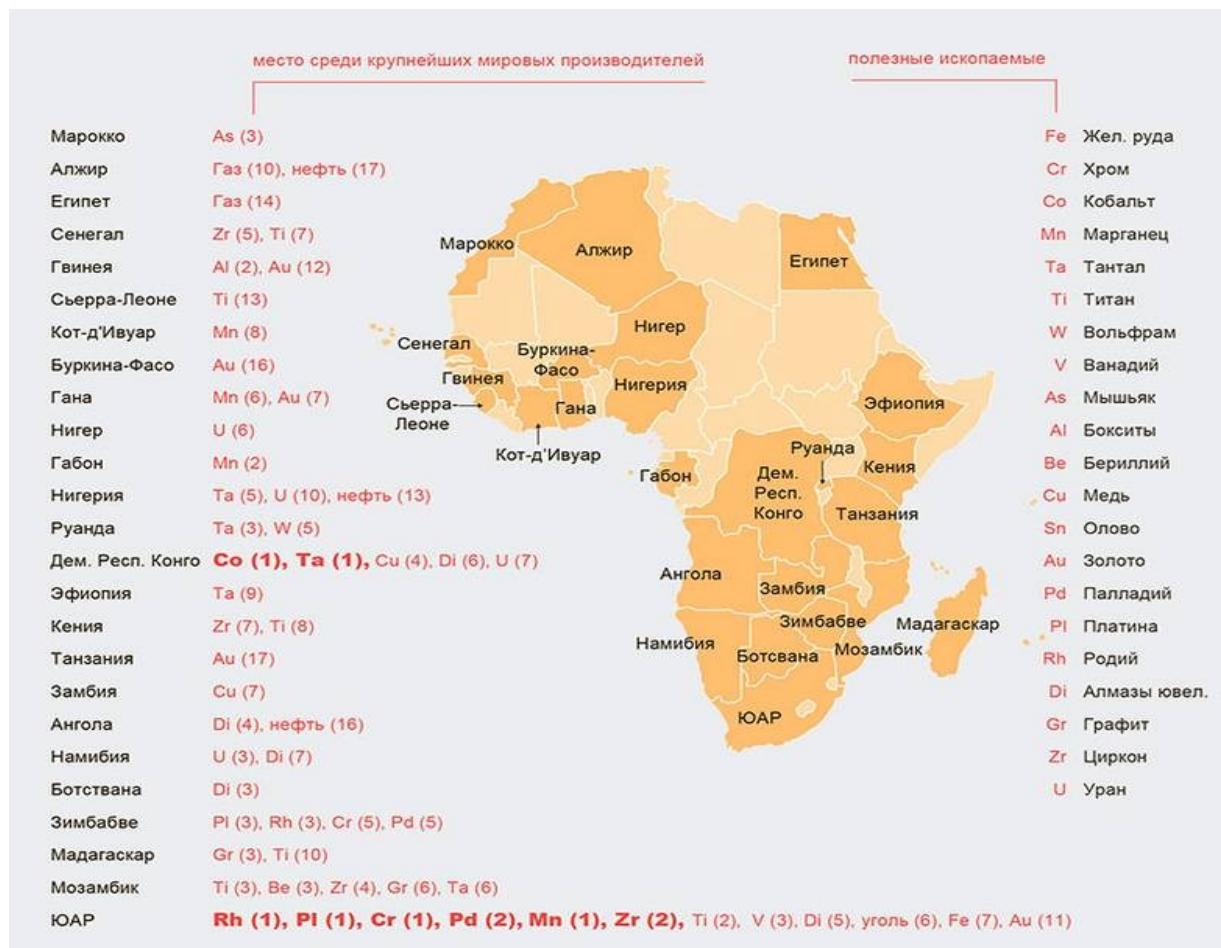
Источник: составлено автором по материалам [56].

Приложение Б

(информационное)

Природные ресурсы в Африке по странам

Рисунок Б.1 – Природные ресурсы в Африке по странам, 2022 год

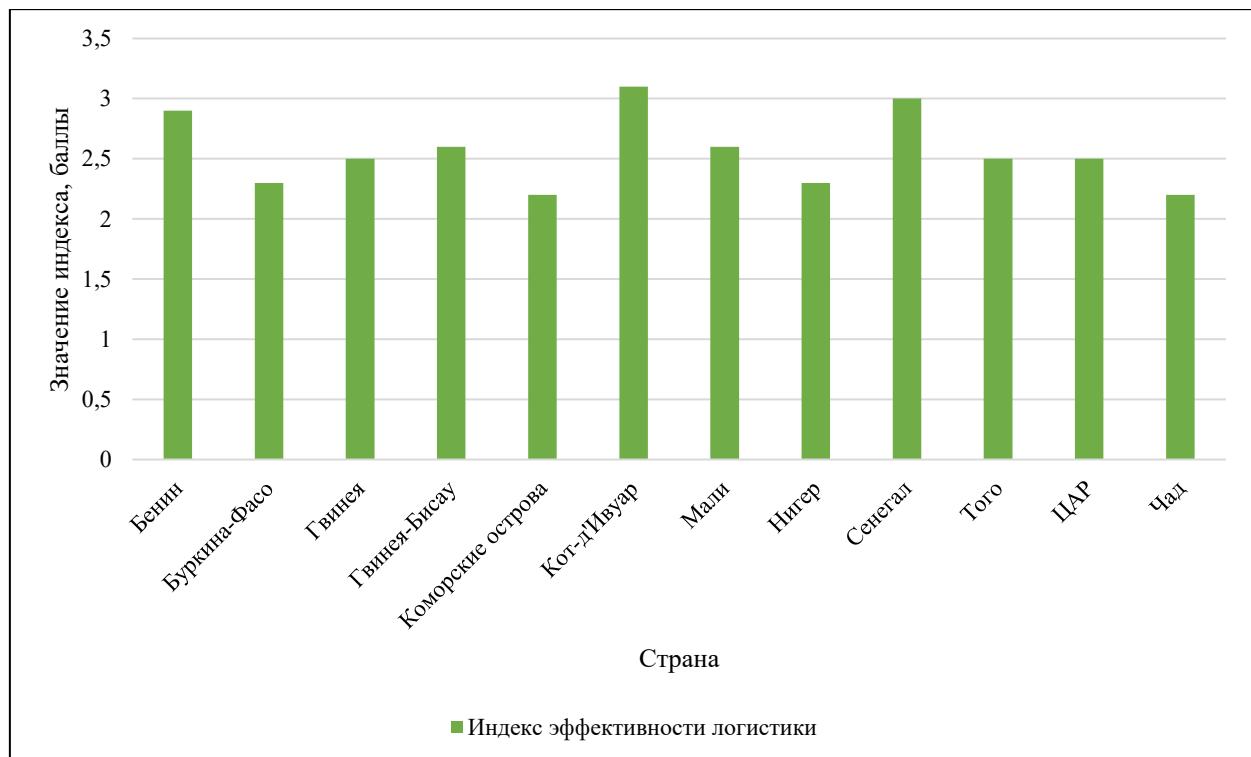
Источник: составлено автором по материалам [200].

Приложение В

(информационное)

Индекс эффективности логистики субрегиона

Рисунок В.1 – Индекс эффективности логистики субрегиона (LPI), 2023 год

Источник: составлено автором по материалам [47].

Приложение Г
(информационное)

Исходные данные и экономические показатели для расчёта гравитационной модели

Таблица Г.1 – Переменные гравитационной модели

Переменная	Обозначение	Определение	Единицы измерения	Влияние
1	2	3	4	5
Экспорт	<i>Export</i>	Экспорт из исследуемых стран внутри субрегиона	млн долл. США	Не применимо
Участие государства в региональной экономической интеграции	<i>CER</i>	Бинарная переменная, принимает значение 1, если страна-экспортер и страна-импортёр принадлежат к четырем и более единым для субрегиона региональным экономическим сообществам, и 0 в противном случае	0 или 1	Положительное
Расстояние	<i>D</i>	Переменная, измеряющая расстояние между столицами двух торговых партнеров	км	Негативное
ВВП	<i>GDP</i>	Рассматривается как масса каждого торгового партнера	млрд долл. США	Положительное
Население	<i>Pop</i>	Размер населения и его динамика (рост или убыль) в стране	млн человек	Двойственное
Официальный язык	<i>Lang</i>	Фиктивная переменная принимает значение 1, если оба партнера имеют один и тот же официальный язык, и 0 в противном случае	0 или 1	Положительное
Наличие общей границы	<i>Cont</i>	Дихотомическая переменная принимает значение 1, когда два торговых партнера находятся рядом, и 0 в противном случае	0 или 1	Положительное
Индекс трансграничной торговли	<i>TAB</i>	Композитный индекс состоит из переменных, которые описывают таможенную среду	0-1	Положительное
Индекс экономической свободы	<i>EFR</i>	Составной индекс, используемый для представления институциональной среды. Он состоит из 10 экономических критериев, а именно: свобода торговли, вес налогов и таможенных платежей, государственные расходы, денежно-кредитная стабильность, свобода инвестиций, финансовое регулирование, защита частной собственности, борьба с коррупцией, рынок труда, свобода предпринимательства	0-100	Положительное

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3	4	5
Индекс эффективности логистики	<i>LPI</i>	Агрегированный показатель, состоящий из 6 показателей, включая, в частности, показатель эффективности таможни, показатель качества инфраструктуры, показатель качества транснациональных перевозок, компетентность логистики	1-5	Положительное
Доля промышленности в ВВП	<i>INDU</i>	Отражает отраслевую диверсификацию экономики страны	В процентах от ВПП страны	Двойственное
Транзитный статус экспортёра	<i>TRANSIT</i>	1 для стран-рээкспортеров (Бенин, Того) и 0 для остальных	0 или 1	Негативное
Отсутствие выхода к морю	<i>LANDLOCKED</i>	0 для стран без выхода к морю (Буркина-Фасо, Мали, Нигер, Чад, ЦАР) и 1 для остальных	0 или 1	Негативное

Источник: составлено автором.

Логарифмическая форма модели по формуле (1) в свою очередь выглядит следующим образом, формируя формулу (Г.1)

$$\begin{aligned}
 \ln(Export_{ij}) = & \alpha_0 + \alpha_1 \ln(D_{ij}) + \alpha_2 \ln(GDP_i) + \alpha_3 \ln(GDP_j) + \alpha_4 \ln(POP_i) + \\
 & + \alpha_5 \ln(POP_j) + \alpha_6 CER_{ij} + \alpha_7 LANG_{ij} + \alpha_8 CONT_{ij} + \alpha_9 \ln(TAB_i) + \\
 & + \alpha_{10} \ln(TAB_j) + \alpha_{11} \ln(EFR_i) + \alpha_{12} \ln(EFR_j) + \alpha_{13} \ln(LPI_i) + \quad (\text{Г.1}) \\
 & + \alpha_{14} \ln(LPI_j) + \alpha_{15} \ln(INDU_i) + \alpha_{16} \ln(INDU_j) + \\
 & + \beta_1 TRANSIT_i + \beta_2 LANDLOCKED_i + \beta_3 LANDLOCKED_j.
 \end{aligned}$$

Логарифмическая форма используется для линеаризации модели и упрощения интерпретации коэффициентов. В этой форме коэффициенты интерпретируются как эластичности.

Данная формула представляет собой гравитационную модель торговли в логарифмической форме. Левая часть ($\ln_{-}Export_{ij}$) – это натуральный логарифм экспорта из страны i в страну j . Это зависимая переменная, которую

необходимо объяснить. Таким образом, α_0 — это константа (свободный член) модели, в свою очередь $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_{16}$ — это коэффициенты, которые показывают, как каждая из независимых переменных влияет на экспорт.

Каждый коэффициент α (альфа) соответствует эластичности торгового потока по определённому фактору. Далее необходимо провести преобразование с формулой (Г.1) в абсолютные значения посредством экспонирования результата. Данные коэффициенты отражены в таблице Г.2. Экспоненцирование необходимо для перехода от оценённых в логарифмированной форме параметров к реальным прогнозам объёмов торговли (например, в долларах США), а также для учёта специфики данных. Ниже приводится формула экспоненцирования (Г.2)

$$Export_{ij} = \exp(\ln(Export_{ij})). \quad (\text{Г.2})$$

Исходная формула (Г.2) приобретает следующее выражение (Г.3)

$$\begin{aligned} \ln(Export_{ij}) = & 0,75 - 1,00 \times \ln(D_{ij}) + 0,75 \times \ln(GDP_i) + 0,50 \times \ln(GDP_j) + \\ & + 0,25 \times \ln(POP_i) - 0,25 \times \ln(POP_j) + 0,25 \times CER_{ij} + 0,25 \times LANG_{ij} + \\ & + 0,75 \times CONT_{ij} + 0,25 \times \ln(TAB_i) + 0,25 \times \ln(TAB_j) + 0,25 \times \ln(EFR_i) + \\ & + 0,25 \times \ln(EFR_j) + 0,50 \times \ln(LPI_i) + 0,50 \times \ln(LPI_j) + 0,25 \times \ln(INDU_i) - \\ & - 0,25 \times \ln(INDU_j) - 0,25 \times TRANSIT_i - 1,00 \times LANDLOCKED_i - \\ & - 0,50 \times LANDLOCKED_j. \end{aligned} \quad (\text{Г.3})$$

Выбраны данные для оценки уравнений структурной гравитации. Этот подход необходим для повышения эффективности оценок. Кроме того, необходимо включить в уравнения переменные с фиксированными эффектами для импортёров, экспортёров и пар стран, что позволит учесть влияние постоянных во времени двусторонних торговых издержек, а также решить проблему эндогенности. Все необходимые показатели по странам для расчёта гравитационной модели агрегированы в таблицу Г.3 и Г.5.

Для более детального и углубленного понимания данной формулы ниже приведён конкретный пример на таких торговых партнёрах как Чад (экспортёр) и Бенин (импортёр) с использованием имеющихся данных для двух стран (*i* и *j*).

Благодаря вычисленным коэффициентам и необходимым значениям (Г.3), формула для данной пары приобретает следующий вид (Г.4)

$$\begin{aligned} \ln(Export_{ij}) = & 0,75 - 1,00 \times \ln(1789) + 0,75 \times \ln(20,63) + 0,50 \times \ln(21,48) + \\ & + 0,25 \times \ln(20,299) - 0,25 \times \ln(14,463) + 0,25 \times 0 + 0,25 \times 1 + \\ & + 0,75 \times 0 + 0,25 \times \ln(0,63) + 0,25 \times \ln(0,51) + 0,25 \times \ln(52,2) + \\ & + 0,25 \times \ln(58,5) + 0,50 \times \ln(2,2) + 0,50 \times \ln(2,9) + \\ & + 0,25 \times \ln(29,7) - 0,25 \times \ln(17,4) - 0,25 \times 0 - 1,00 \times 1 - 0,50 \times 0. \end{aligned} \quad (\Gamma.4)$$

После экспонирования формулы (Г.4) выражение приобретает следующий вид (Г.5)

$$\begin{aligned} \ln(Export_{ij}) = & 0,75 - 1,00 \times 7,489 + 0,75 \times 3,027 + 0,50 \times 3,067 + \\ & + 0,25 \times 3,010 - 0,25 \times 2,672 + 0,25 \times 0 + 0,25 \times 1 + \\ & + 0,75 \times 0 + 0,25 \times (-0,462) + 0,25 \times (-0,673) + 0,25 * 0,955 + \\ & + 0,25 \times 4,069 + 0,50 \times 0,788 + 0,50 \times 1,065 + \\ & + 0,25 \times 3,391 - 0,25 \times 2,856 - 0,25 \times 0 - 1,00 \times 1 - 0,50 \times 0. \end{aligned} \quad (\Gamma.5)$$

После преобразований (Г.5), имеем простое выражение (Г.6)

$$\ln(Export_{ij}) \approx -0,817. \quad (\Gamma.6)$$

После логарифмирования формулы (Г.6) смоделированный товарооборот между Чадом и Бенином равен 0,44 млн долл. США (Г.7)

$$Export = 0,44. \quad (\Gamma.7)$$

Проведённое моделирование на основе гравитационной модели в логарифмической форме и последующая оценка её параметров

демонстрируют, что модель в целом работоспособна и адекватно описывает структуру исследуемых торговых потоков. Это подтверждается экономически интерпретируемыми знаками и статистически значимыми значениями большинства коэффициентов, а также корректной математической процедурой расчёта, проиллюстрированной на конкретном примере торгового потока между Чадом и Бенином.

Тем не менее, полученные и отражённые в таблице Г.4 результаты указывают на необходимость углублённого анализа, который должен учитывать потенциальную неоднородность эффектов для различных групп стран. Универсальные коэффициенты, оценённые для всей совокупности данных, могут маскировать существенные различия в силе и даже направлении влияния отдельных факторов для стран с разным уровнем экономического развития, географическим положением (например, в таблице Г.5 приводится информация о расстоянии между столицами исследуемых государств для оценки воздействие данного фактора на торговлю в субрегионе) или институциональной средой.

Следовательно, данное исследование предлагается считать предварительным, а для повышения точности прогнозов необходимо для каждой выделяемой группы стран (например, развивающиеся страны, страны с транзитной экономикой, прибрежные и/или не имеющие выхода к морю) проводить валидацию и, при необходимости, переоценку коэффициентов модели.

Таблица Г.2 – Диапазоны коэффициентов и обоснованность их имплементации в гравитационной модели

Переменная	Диапазон коэффициентов	Знак	Обоснование	Эмпирическая калибровка
1	2	3	4	5
Константа (α_0)	[0,50; 1,25]	плюс	Базовая масштабирующая величина. Определяет общий уровень торговых потоков при нулевых значениях факторов	0,50 – для малых островных экономик и стран с низкой торговой активностью. 1,00 – для средних по размеру экономик. 1,25 – для крупных и наиболее интегрированных экономик региона
$\ln(D_{ij}) (\alpha_1)$	[-1,25; -0,75]	минус	Расстояние — барьер для торговли. Каждое увеличение расстояния на 1% снижает экспорт на ~0,92%	-1,25 – для пар с плохой транспортной инфраструктурой и высокими логистическими издержками. -1,00 – стандартное значение для большинства пар. -0,75 – для пар с налаженными транспортными коридорами или прибрежных стран с морскими путями
$\ln(GDP_i) (\alpha_2)$	[0,50; 0,75]	плюс	ВВП экспортёра отражает потенциал производства и предложения товаров. Эластичность <1 характерна для развивающихся стран	0,50 – для стран с сырьевой ориентацией экспорта. 0,75 – для стран с диверсифицированной и обрабатывающей промышленностью
$\ln(GDP_j) (\alpha_3)$	[0,50; 0,75]	плюс	ВВП импортёра отражает ёмкость рынка и спрос	0,50 – если импортёр имеет развитое собственное производство, замещающее импорт. 0,75 – если импортёр является нетто-потребителем
$\ln(POP_i) (\alpha_4)$	[0; 0,25]	плюс	Население экспортёра — фактор производства (рабочая сила)	0 – если большая часть населения занята в неторгуемых секторах (сельское хозяйство для внутреннего потребления). 0,25 – если страна имеет развитый рынок труда, ориентированный на экспортные отрасли
$\ln(POP_j) (\alpha_5)$	[-0,50; 0]	минус	Население импортёра может означать больший внутренний рынок, замещающий импорт	-0,50 – если страна имеет крупную промышленность, способную замещать импорт. 0 – если страна является чистым импортёром промышленных товаров
CER (α_6)	[0,25; 0,50]	плюс	Участие в 4+ региональных сообществах увеличивает экономическую интеграцию и способствует минимизации барьеров	0,25 – если страна является формальным членом объединений, но барьеры сохраняются. 0,50 – если страна активно участвует в региональной деятельности и таможенных союзах субрегиона

Продолжение таблицы Г.2

1	2	3	4	5
LANG (α_7)	[0,25; 0,50]	плюс	Общий язык снижает транзакционные издержки	0,25 – стандартное значение, отражающее снижение транзакционных издержек. 0,50 – если язык широко используется в деловой и административной среде обеих стран
CONT (α_8)	[0,50; 1,00]	плюс	Общая граница резко увеличивает торговлю (приграничная торговля, низкие логистические издержки)	0,50 – если граница труднопроходима или слабо обустроена. 1,00 – если между странами активная приграничная торговля и налаженная инфраструктура
ln(TAB _i) (α_9)	[0,25; 0,50]	плюс	Лучшие условия трансграничной торговли у экспортёра стимулируют экспорт	0,25 – при средних показателях TAB (0,5–0,7). 0,50 – при высоких показателях TAB (>0,8)
ln(TAB _j) (α_{10})	[0,25; 0,50]	плюс	Улучшение TAB импортёра также работает, но эффект слабее	Выбирается аналогично α_9 , но может быть на 0,25 ниже, если импортные процедуры в стране более обременительны
ln(EFR _i) (α_{11})	[0,25; 0,50]	плюс	Экономическая свобода экспортёра (меньше барьеров, лучше институты) способствует торговле	0,25 – при EFR ≈ 50–55 (средние значения региона). 0,50 – при EFR > 60 (относительно высокие показатели)
ln(EFR _j) (α_{12})	[0,25; 0,50]	плюс	Свобода импортёра также важна, но эффект слабее	Выбирается аналогично α_{11}
ln(LPI _i) (α_{13})	[0,50; 0,75]	плюс	Логистика экспортёра критична для доставки товаров	0,50 – при LPI ≈ 2,5 (средний уровень). 0,75 – при LPI > 3,0
ln(LPI _j) (α_{14})	[0,50; 0,75]	плюс	Логистика импортёра важна для распределения товаров внутри страны	Выбирается аналогично α_{13}
ln(INDU _i) (α_{15})	[0,25; 0,50]	плюс	Промышленность экспортёра создаёт экспортируемые товары	0,25 – при доле промышленности 15–25%. 0,50 – при доле промышленности > 25%
ln(INDU _j) (α_{16})	[-0,50; 0]	минус	Промышленность импортёра может замещать импортные товары	-0,50 – если страна имеет развитую промышленность (> 25% ВВП). 0 – если промышленность слабая (< 15% ВВП)
TRANSIT _i (β_1)	[-0,50; 0]	минус	Транзитные страны (Бенин, Того) могут иметь искажённую статистику (реэкспорт), что снижает оценку «чистого» экспорта	-0,50 – для чистых реэкспортёров. 0 – для всех остальных стран
LANDLOCKED _i (β_2)	[-1; -0,50]	минус	Отсутствие выхода к морю у экспортёра сильно увеличивает издержки	-1 – для стран, полностью зависящих от транзита через соседей. -0,50 – для стран с относительно развитыми транзитными коридорами
LANDLOCKED _j (β_3)	[-0,75; -0,25]	минус	Для импортёра без выхода к морю издержки также высоки, но эффект слабее	Выбирается на 0,25–0,50 выше (менее отрицательный), чем β_2 для той же страны в роли экспортёра

Источник: составлено автором.

Таблица Г.3 – Базовые экономические показатели для расчёта гравитационной модели на 2023-2025 годы

Страна	GDP (млрд долл. США)	POP (млн)	TAB	EFR	CER	LPI	INDU (процент от ВВП)	TRANSIT	LANDLOCKED
Бенин	21,48	14,463	0,51	58,5	1	2,9	17,4	1	0
Буркина-Фасо	23,25	23,549	0,65	51,0	1	2,3	29,7	0	1
Гвинея	25,33	14,755	0,90	54,6	0	2,5	25,3	0	0
Гвинея-Бисау	2,12	2,201	0,41	43,6	1	2,6	16,6	0	0
Коморские острова	1,55	0,867	0,45	51,4	0	2,2	9,6	0	0
Кот-д'Ивуар	86,54	31,934	0,52	57,8	1	3,1	22,1	0	0
Мали	26,59	24,479	0,58	52,6	1	2,6	22,7	0	1
Нигер	19,54	27,032	0,31	51,5	1	2,3	17,8	0	1
Сенегал	32,27	18,502	0,71	56,4	1	3,0	25,4	0	0
Того	9,93	9,515	0,61	52,3	1	2,5	20,0	1	0
ЦАР	2,75	5,331	0,43	42,8	0	2,5	17,8	0	1
Чад	20,63	20,299	0,63	52,2	0	2,2	29,7	0	1

Источник: составлено автором по материалам [47].

Таблица Г.4 – Итоговые смоделированные показатели экспорта стран субрегиона в сравнении с реальным значением, 2023 год

Страна назначения	Модель (млн долл. США)	Реально (млн долл. США)	Отклонение (млн долл. США)	Примечание
1	2	3	4	5
Страна-экспортёр: Бенин				
Буркина-Фасо	44,1	43,2	+0,9	в пределах нормы
Гвинея	17,2	16,1	+1,1	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	9,8	8,9	+0,9	в пределах нормы
Коморские острова	2,3	1,9	+0,4	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	75,8	71,5	+4,3	в пределах нормы
Мали	20,9	19,3	+1,6	в пределах нормы
Нигер	6,2	5,2	+1,0	в пределах нормы
Сенегал	18,2	16,1	+2,1	в пределах нормы
Того	64,7	63,9	+0,8	в пределах нормы
ЦАР	4,4	3,5	+0,9	в пределах нормы
Чад	38	37,1	+0,9	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Буркина-Фасо				
Бенин	6,2	6,0	+0,3	в пределах нормы
Гвинея	15,8	14,7	+1,1	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	10,3	8,3	+2,0	в пределах нормы
Коморские острова	2,2	1,8	+0,4	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	865,2	837	+28,2	отклонение от нормы
Мали	57,4	58,1	-0,7	в пределах нормы
Нигер	122,8	117	+5,8	в пределах нормы
Сенегал	24,7	21,2	+3,5	в пределах нормы
Того	6,8	5,6	+1,2	в пределах нормы
ЦАР	4,1	3,4	+0,7	в пределах нормы
Чад	6,2	5,3	+0,9	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Гвинея				
Бенин	21,9	19,1	+2,8	в пределах нормы
Буркина-Фасо	25,1	21,7	+3,4	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	37,4	31,9	+5,5	в пределах нормы
Коморские острова	3,1	2,5	+0,6	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	196,5	169	+27,5	отклонение от нормы
Мали	40,8	36,9	+3,9	в пределах нормы
Нигер	24,1	19,5	+4,6	в пределах нормы
Сенегал	52,3	42,5	+9,8	отклонение от нормы
Того	17,2	13,9	+3,3	в пределах нормы
ЦАР	5	3,8	+1,2	в пределах нормы
Чад	6,4	4,9	+1,5	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Гвинея-Бисау				
Бенин	7,5	6,0	+1,5	в пределах нормы
Буркина-Фасо	15,2	14,7	+0,5	в пределах нормы
Гвинея	9,9	8,3	+1,6	в пределах нормы
Коморские острова	2,3	1,8	+0,5	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	832,8	837	-4,2	в пределах нормы
Мали	57,4	58,1	-0,7	в пределах нормы
Нигер	115,6	117	-1,4	в пределах нормы
Сенегал	25,9	21,2	+4,7	в пределах нормы
Того	6,9	5,6	+1,3	в пределах нормы
ЦАР	4,2	3,4	+0,8	в пределах нормы
Чад	6,4	5,3	+1,1	в пределах нормы

Продолжение таблицы Г.4

1	2	3	4	5
Страна-экспортёр: Коморские острова				
Бенин	2,8	2,3	+0,5	в пределах нормы
Буркина-Фасо	3,8	3,1	+0,7	в пределах нормы
Гвинея	4,2	3,4	+0,8	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	4,3	3,5	+0,8	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	23,5	19	+4,5	в пределах нормы
Мали	2,7	2,1	+0,6	в пределах нормы
Нигер	2,5	2	+0,5	в пределах нормы
Сенегал	5,1	4,1	+1,0	в пределах нормы
Того	2,8	2,2	+0,6	в пределах нормы
ЦАР	3,0	2,3	+0,7	в пределах нормы
Чад	3,9	3,3	+0,6	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Кот-д'Ивуар				
Бенин	125,5	122,2	+3,3	в пределах нормы
Буркина-Фасо	842,4	837	+5,4	в пределах нормы
Гвинея	173,3	169	+4,3	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	129,8	124,6	+5,2	в пределах нормы
Коморские острова	23,5	19	+4,5	в пределах нормы
Мали	1548,5	1580	-31,5	отклонение от нормы
Нигер	122,4	124,2	-1,8	в пределах нормы
Сенегал	354,8	258	+96,8	отклонение от нормы
Того	106,8	101,6	+5,2	в пределах нормы
ЦАР	26,5	22,3	+4,2	в пределах нормы
Чад	34,3	28,9	+5,4	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Мали				
Бенин	3	2,4	+0,6	в пределах нормы
Буркина-Фасо	108,6	104,8	+3,8	в пределах нормы
Гвинея	41,9	39	+2,9	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	19,8	18,3	+1,5	в пределах нормы
Коморские острова	2,6	2,1	+0,5	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	148,3	160,3	-12,0	отклонение от нормы
Нигер	78,9	73,1	+5,8	в пределах нормы
Сенегал	92,8	75,8	+17,0	отклонение от нормы
Того	11,3	9,2	+2,1	в пределах нормы
ЦАР	4,8	3,9	+0,9	в пределах нормы
Чад	7,4	6,1	+1,3	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Нигер				
Бенин	6,6	5,3	+1,3	в пределах нормы
Буркина-Фасо	96,5	90,7	+5,8	в пределах нормы
Гвинея	23,1	19,5	+3,6	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	12,4	10,5	+1,9	в пределах нормы
Коморские острова	2,4	2	+0,4	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	122,9	124,2	-1,3	в пределах нормы
Мали	78,9	73,1	+5,8	в пределах нормы
Сенегал	25,1	20,3	+4,8	в пределах нормы
Того	13,5	10,7	+2,8	в пределах нормы
ЦАР	4,8	3,9	+0,9	в пределах нормы
Чад	7,4	6,1	+1,3	в пределах нормы

Продолжение таблицы Г.4

1	2	3	4	5
Страна-экспортёр: Сенегал				
Бенин	22,4	17,8	+4,6	в пределах нормы
Буркина-Фасо	28,9	23,5	+5,4	в пределах нормы
Гвинея	57,3	46,6	+10,7	отклонение от нормы
Гвинея-Бисау	45,9	41,6	+4,3	в пределах нормы
Коморские острова	5,1	4,1	+1,0	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	1314,2	1445	-130,8	отклонение от нормы
Мали	1228,5	1285	-56,5	отклонение от нормы
Нигер	25,1	16,7	+8,4	отклонение от нормы
Того	23,0	18,6	+4,4	в пределах нормы
ЦАР	5,3	4,3	+1,0	в пределах нормы
Чад	6,8	5,5	+1,3	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Того				
Бенин	11,1	8,8	+2,3	в пределах нормы
Буркина-Фасо	17,6	14,3	+3,3	в пределах нормы
Гвинея	5,5	4,5	+1,0	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	10,6	8,6	+2,0	в пределах нормы
Коморские острова	2,8	2,2	+0,6	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	14,4	11,7	+2,7	в пределах нормы
Мали	11,6	9	+2,6	в пределах нормы
Нигер	13,5	11	+2,5	в пределах нормы
Сенегал	5,7	4,6	+1,1	в пределах нормы
ЦАР	3,0	2,4	+0,6	в пределах нормы
Чад	3,9	3,1	+0,8	в пределах нормы
Страна-экспортёр: ЦАР				
Бенин	0,8	0,6	+0,2	в пределах нормы
Буркина-Фасо	1,2	1	+0,2	в пределах нормы
Гвинея	1,2	1	+0,2	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	1,3	1,1	+0,2	в пределах нормы
Коморские острова	0,8	0,6	+0,2	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	7,6	6,2	+1,4	в пределах нормы
Мали	1,2	1	+0,2	в пределах нормы
Нигер	1,2	1	+0,2	в пределах нормы
Сенегал	1,3	1,1	+0,2	в пределах нормы
Того	0,8	0,6	+0,2	в пределах нормы
Чад	4,7	3,8	+0,9	в пределах нормы
Страна-экспортёр: Чад				
Бенин	0,4	0,5	-0,1	в пределах нормы
Буркина-Фасо	1,3	1,1	+0,2	в пределах нормы
Гвинея	1,2	1	+0,2	в пределах нормы
Гвинея-Бисау	1,3	1,1	+0,2	в пределах нормы
Коморские острова	0,9	0,7	+0,2	в пределах нормы
Кот-д'Ивуар	9,8	7,9	+1,9	в пределах нормы
Мали	1,4	1,2	+0,2	в пределах нормы
Нигер	1,4	1,2	+0,2	в пределах нормы
Сенегал	1,4	1,2	+0,2	в пределах нормы
Того	0,9	0,7	+0,2	в пределах нормы
ЦАР	4,7	3,8	+0,9	в пределах нормы

Источник: составлено автором.

Таблица Г.5 – Расстояние между столицами исследуемых государств субрегиона

Страна (столица)	Бенин (Порто-Ново)	Буркина-Фасо (Уагадугу)	Гвинея (Конакри)	Гвинея-Бисау (Бисау)	Коморские острова (Морони)	Кот-д'Ивуар (Ямусукро)	Мали (Бамако)	Нигер (Ниамей)	Сенегал (Дакар)	Того (Ломе)	ЦАР (Банги)	Чад (Нджамена)
Бенин (Порто-Ново)	0	794	1,932	2,443	5,82	871	1,413	1,132	2,454	159	1,736	1,789
Буркина-Фасо (Уагадугу)	794	0	1,398	1,613	6,06	741	837	422	1,746	823	2,149	1,994
Гвинея (Конакри)	1,932	1,398	0	331	6,322	972	1,151	1,782	704	2,059	3,255	3,11
Гвинея-Бисау (Бисау)	2,443	1,613	331	0	6,523	1,423	1,616	2,11	374	2,559	3,656	3,511
Коморские острова (Морони)	5,82	6,06	6,322	6,523	0	5,694	5,853	5,326,6	6,348	5,055,3	3,086	4,089,5
Кот-д'Ивуар (Ямусукро)	871	741	972,6	1,423	5,694	0	713	1,35	1,59	750	2,178	2,403
Мали (Бамако)	1,413	837	1,151	1,616	5,853	713	0	1,299	1,717	1,35	2,492	2,333
Нигер (Ниамей)	1,132	422	1,782	2,11	5,326	1,35	1,299	0	2,279	1,067	2,062	1,401
Сенегал (Дакар)	2,454	1,746	704	374	6,348	1,59	1,717	2,279	0	2,569	3,727	3,582
Того (Ломе)	159	823	2,059	2,559	5,055,3	750	1,35	1,067	2,569	0	1,861	1,914
ЦАР (Банги)	1,736	2,149	3,255	3,656	3,086	2,178	2,492	2,062	3,727	1,861	0	944
Чад (Нджамена)	1,789	1,994	3,11	3,511	4,089,5	2,403	2,333	1,401	3,582	1,914	944	0

Источник: составлено автором по материалам [47].